

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
АЭРОКОСМИЧЕСКОГО ПРИБОРОСТРОЕНИЯ

**ФИЛОСОФИЯ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ**

**PHILOSOPHY AND HUMANITIES
IN INFORMATION SOCIETY**

Выпуск № 4(18)

октябрь – декабрь

2017

Санкт-Петербург / Saint Petersburg

Содержание

О журнале	6
To Our Readers and Authors.	7
Состав редакционного совета журнала	8
Состав редакционной коллегии журнала	10
От редакции.	12

Философия информационного общества

О действии основного закона общественного развития в информационном обществе	
<i>В. Д. Комаров</i>	14
«Запрограммируй это». Новое представление о коде всего и повседневное социальное авторство	
<i>Е. Е. Таратута</i>	38
Виртуализация информационной среды: средства и возможности дизайна	
<i>Ю. В. Калайкова, М. В. Панкина</i>	49
Религия как технологическое расширение первобытного человека	
<i>Е. А. Нагорнов</i>	55

Теория и история культуры

Музыка и слово. Интерпретация композиторами единого поэтического текста	
<i>Е. А. Спист</i>	69
Органистические метафоры в современном языкознании	
<i>Т. Г. Скребцова</i>	82
Автоматизированная система прогнозирования стратегии письма у детей	
<i>О. В. Юдина, О. С. Сальникова</i>	93

Психология и социология

Психологические и социологические факторы, влияющие на обсуждение научных данных	
<i>О. Н. Забродин</i>	105

Рецензии

Монография А. Я. Кожурина «Русская философия науки: XIX – первая половина XX века»	
<i>М. А. Арефьев</i>	115

Некролог

Владимир Павлович Бранский (1930–2017)	
<i>С. В. Бусов, М. Р. Зобова, Е. Е. Елькина, Э. Ф. Караваев, И. Г. Михайлова, С. Д. Пожарский, Л. В. Шиповалова</i>	120

Объявления

О мероприятиях, посвященных памяти Почетного профессора Санкт-Петербургского государственного университета, доктора философских наук Владимира Павловича Бранского	125
--	-----

Требования к оформлению статей

Требования к оформлению статей. 126

Content

About the Journal	6
To Our Readers and Authors (<i>In English</i>)	7
Editorial Council of the Journal	8
Editorial Board of the Journal.	10
Editorial	12

Philosophy of Information Society

On the Effect of the Basic Law of Social Development in the Information Society <i>V. D. Komarov</i>	14
“Program This”. A New Understanding of the Code of Everything and Everyday Social Authorship <i>E. E. Taratuta</i>	38
Virtualization of the Information Environment: Tools and Design Possibilities <i>J. V. Kalaykova, M. V. Pankina</i>	49
Religion as a Technological Extension of Primitive Man <i>E. A. Nagornov</i>	55

Theory and History of Culture

Music and Word. Various Interpretations of a Poetic Text by Different Composers <i>E. A. Spist</i>	69
Organistic Metaphors in Modern Linguistics <i>T. G. Skrebtsova</i>	82
Automated System for Prognosis of Children’s Writing Strategies <i>O. V. Yudina, O. S. Salnikova</i>	93

Psychology and Sociology

Psychological and Sociological Factors, Which Influence the Discussion of Empirical Data <i>O. N. Zabrodin</i>	105
--	-----

Reviews

The Monograph of A. Ya. Kozhurin “Russian Philosophy of Science: XIX – the First Half of the XX Century” <i>M. A. Arefev</i>	115
--	-----

Obituary

Vladimir Pavlovich Branski (1930–2017) <i>S. V. Busov, M. R. Zobova, E. E. Elkina, E. F. Karavaev, I. G. Mikaylova, S. D. Pozharsky, L. V. Shipovalova</i>	120
---	-----

Announcements

The Events Dedicated to the Memory of the Honorary Professor of Saint Petersburg State University, Doctor of Philosophy Vladimir Pavlovich Branski.	125
--	-----

Article Presentation Rule

Article Presentation Rules. 126

О журнале

Уважаемые читатели и авторы журнала!

С июля 2013 года Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения выпускает сетевое издание – журнал «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе», доступный на сайте www.fikio.ru. Журнал включен в базу данных РИНЦ, зарегистрирован в Роскомнадзоре (свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ №ФС77-54191), ему присвоен ISSN 2309-6888.

Формирование в последние десятилетия постиндустриального, или информационного, общества привело к глубоким и сложным сдвигам во всех областях и сферах человеческой жизни. В нашем издании предлагается широкий подход к их исследованию. Во-первых, наш подход включает в себя разработку концепции информационного общества как такового в единстве с изучением общефилософских проблем его развития и конкретно-научных исследований, которые дают эмпирический материал для последующих философских обобщений. Во-вторых, мы публикуем работы по историческим аспектам (например, история науки и культуры), содержащие в себе взгляд на те или иные события прошлого с точки зрения современности, то есть науки информационной эпохи.

Охват в одном журнале проблем философии, теории культуры, истории, социологии, психологии и педагогики, политологии может показаться чрезмерно широким. Мы, однако, надеемся, что именно материалы этого обширного массива знаний дают возможность составить достаточно полную, репрезентативную картину развития информационного общества, лучше понять тот мир, в котором живет современный человек.

Мы приглашаем к сотрудничеству всех исследователей, как российских, так и зарубежных, для которых представляет интерес тематика нашего журнала. Будем внимательно изучать предложения, уточнять перспективные направления работы, участвовать в дискуссиях.

В журнале рассматриваются преимущественно проблемы, составляющие содержание следующих групп специальностей научных работников:

09.00.00 – философские науки;

24.00.00 – культурология;

19.00.00 – психологические науки.

Редакционная коллегия

To Our Readers and Authors

Dear colleagues!

We present the following issue of our Internet journal “Philosophy and Humanities in Information Society”.

The problems of contemporary society are widely discussed at any time. Our journal contains a broad approach in studying them. Firstly, our approach includes the investigations of an information society itself – the philosophical and humanitarian studies. Secondly, we publish historical articles, for example, the history of science and culture, which contain an analysis of the past from the point of view of the present situation, i. e. from the point of view of a person who lives in the information society.

Embracing different problems of philosophy, theory of culture, philology, history, sociology, political science, psychology, pedagogy in a single journal is supposed to be extremely vast. But we hope that such a broad intellectual area gives an opportunity to reconstruct a representative picture of the information society.

We consider that such a wide inter-discipline approach gives man of an information age an opportunity to understand better our contemporary society.

We are glad to collaborate with researchers who are interested in our journal and its topics.

Our journal is published four times a year.

Chief Editor: prof. Sergei V. Orlov. E-mail: orlov5508@ramler.ru

Editorial board

Состав редакционного совета журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе»

Председатель редакционного совета:

Боев Виктор Матвеевич – проректор по учебно-воспитательной работе, декан юридического факультета ГУАП, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ.

Члены редакционного совета:

Лосев Константин Викторович – проректор по международной деятельности, декан гуманитарного факультета ГУАП, доктор экономических наук, доцент.

Лазаревич Анатолий Аркадьевич – директор института философии Национальной академии наук Беларуси, кандидат философских наук, доцент (по согласованию).

Лаура Пана (Laura Pana) – ассоциированный профессор Бухарестского политехнического университета, кафедра автоматизации и промышленной информатики, Румыния (по согласованию).

Меган Диксон (Megan Dixon) – преподаватель Колледжа Идахо (США), Ph. D по русской литературе, Ph. D по гуманитарной географии (по согласованию).

Марахов Владимир Григорьевич – профессор кафедры социальной философии и философии истории Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ (по согласованию).

Кудашов Вячеслав Иванович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск (по согласованию).

Диев Владимир Серафимович – декан философского факультета Новосибирского государственного университета, доктор философских наук, профессор, вице-президент Российского философского общества (по согласованию).

Орлов Владимир Вячеславович – профессор кафедры философии факультета философии и социологии Пермского государственного национального исследовательского университета, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ (по согласованию).

Субетто Александр Иванович – доктор философских наук, доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, советник ректора Смольного института Российской академии образования, Санкт-Петербург (по согласованию).

Комашинский Владимир Ильич – доктор технических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института проблем транспорта Российской академии наук им. Н. С. Соломенко (по согласованию).

Арефьев Михаил Анатольевич – заведующий кафедрой философии и культурологи Санкт-Петербургского государственного аграрного университета, доктор философских наук, профессор (по согласованию).

Выжлецов Геннадий Павлович – профессор кафедры социальной философии и философии истории Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор (по согласованию).

Комаров Виктор Дмитриевич – профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Михайловской военной артиллерийской академии, доктор философских наук, профессор (по согласованию).

Орлов Сергей Владимирович – профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП, доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала.

**Состав редакционной коллегии журнала
«Философия и гуманитарные науки
в информационном обществе»**

Главный редактор:

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии ГУАП.

Члены редакционной коллегии по разделу философии:

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Игнатъев Михаил Борисович – директор Международного института кибернетики и артоники ГУАП, доктор технических наук, профессор, Заслуженный деятель науки и техники РФ, лауреат Государственной премии СССР, лауреат премии Президента России.

Оконская Наталья Камильевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и права Пермского национального исследовательского политехнического университета (по согласованию).

Выжлецов Павел Геннадиевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Коробкова Светлана Николаевна – доктор философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Члены редакционной коллегии по разделу культурологи:

Смирнова Тамара Михайловна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Выжлецова Наталья Викторовна – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры рекламы и современных коммуникаций гуманитарного факультета ГУАП.

Гусарова Юлия Васильевна – преподаватель, координатор годовых программ, Принц Султан Юниверсити, Эр-Рияд, Королевство Саудовская Аравия (по согласованию).

Члены редакционной коллегии по разделу истории:

Гусман Леонид Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Тропов Игорь Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Выборгского филиала Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (по согласованию).

Члены редакционной коллегии по разделу филологии:

Чиханова Марина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков ГУАП.

Члены редакционной коллегии по разделу психологии и педагогики:

Дмитренко Нина Андреевна – кандидат педагогических наук, доцент, директор Учебно-лингвистического центра Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики (по согласованию).

Члены редакционной коллегии по разделу истории отечественной науки:

Забродин Олег Николаевич – доктор медицинских наук, старший научный сотрудник кафедры анестезиологии и реаниматологии Санкт-Петербургского государственного медицинского университета имени академика И. П. Павлова (по согласованию).

Ответственный секретарь редакции:

Коломийцев Сергей Юрьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Распределение обязанностей в редакции

Орлов Сергей Владимирович – выпускающий редактор.

Коломийцев Сергей Юрьевич – технический редактор.

Дмитренко Нина Андреевна – переводчик.

От редакции

Четвертый номер журнала за 2017 год начинается рубрикой «Философия информационного общества», статьей профессора **В. Д. Комарова** «**О действии основного закона общественного развития в информационном обществе**». Автор рассматривает трактовки материалистического понимания истории, существовавшие в поздней советской философской литературе, и показывает их фактическое отличие от аутентичной концепции К. Маркса. По мнению В. Д. Комарова, в информационную эпоху Коммунистическая партия Российской Федерации в лице ее ведущих теоретиков более последовательно и продуктивно изучает и использует научный потенциал марксистской философии общества. Доцент **Е. Е. Таратута**, специалист по исследованию виртуальной реальности, в работе «**“Запрограммируй это”. Новое представление о коде всего и повседневное социальное авторство**» касается концепции повседневности в эпоху информационного общества и делает вывод о крупном изменении в сфере социальных взаимодействий и смыслов: если лет двадцать назад эта сфера воспринималась как нереальное или недостаточно реальное, то теперь есть мощная тенденция считать по-настоящему реальным именно то и только то, что представлено в Интернете. Основные закономерности и задачи дизайна при проектировании объектов виртуальной социальной среды, некоторым образом сопряженные и с проблематикой предыдущей статьи, рассматриваются в публикации **Ю. В. Калайковой** и профессора **М. В. Панкиной** «**Виртуализация информационной среды: средства и возможности дизайна**». **Е. Ф. Нагорнов** в публикации «**Религия как технологическое расширение первобытного человека**» проводит оригинальное сопоставление взаимоотношения религии с производственными технологиями в первобытную эпоху, с одной стороны, и в условиях современной электронной культуры – с другой.

В рубрике «Теория и история культуры» статья **Е. А. Спист** «**Музыка и слово. Интерпретация композиторами единого поэтического текста**» посвящена функционированию сферы субъективного художественного восприятия. Суть жанра романса состоит в соотношении музыкальной и поэтической интонации, едином восприятии музыкального и поэтического текста, что и продемонстрировано на ряде примеров. Работа **Т. Г. Скребцовой** «**Органистические метафоры в современном языкознании**» показывает существенное влияние развития биологических наук на особенности языка той или иной эпохи. В настоящее время усиливается тенденция сближения биологии и языкознания. В статье **О. И. Юдиной** и **О. С. Сальниковой** «**Автоматизированная система прогнозирования стратегии письма у детей**» описана методика построения наиболее эффективной траектории работы с ребенком, обучающимся грамотному письму. Принципиально новые возможности для быстрого и качественного решения этой психолого-педагогической задачи создают современные компьютерные технологии.

Под рубрикой «Психология и социология» помещена работа доктора медицинских наук **О. Н. Забродина** «**Психологические и социологические**

факторы, влияющие на обсуждение научных данных». В ней проанализирована система факторов, влияющих на ход и результат научных дискуссий.

В журнале опубликована рецензия профессора **М. А. Арефьева** на новую книгу известного петербургского специалиста по истории русской философии **Антон Яковлевича Кожурина «Русская философия науки: XIX – первая половина XX века».**

10 декабря 2017 года ушел из жизни замечательный петербургский философ, Почетный профессор Санкт-Петербургского государственного университета **Владимир Павлович Бранский**. Журнал помещает некролог, подготовленный его коллегами и учениками, а также объявление о проведении в Доме ученых РАН круглого стола, посвященного памяти Владимира Павловича и его научной деятельности.

ФИЛОСОФИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

УДК 141.82

О действии основного закона общественного развития в информационном обществе^{*}

Комаров Виктор Дмитриевич – федеральное государственное казённое военное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Михайловская военная артиллерийская академия», кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: vdkomarov@mail.ru

195009 Санкт-Петербург, ул. Комсомола, 22,

тел: (812) 292-14-74.

Авторское резюме

Состояние вопроса: В советской литературе по диалектическому и историческому материализму марксизм-ленинизм рассматривался как всесильное учение, но без акцентирования внимания на его объективной научности, закономерности. Объективная основа исторического материализма сводилась в основном к экономическим факторам. Коммунистическая идеология отрывалась от научно-материалистического понимания исторического процесса.

Результаты: Классический, аутентичный марксизм базируется на великих научных открытиях К. Маркса (закон определяющей роли способа производства материальной жизни в формационном развитии цивилизованного общества; закономерность присвоения прибавочной стоимости в росте капиталистической экономики). Уровень реального гуманизма общественной жизни любой формации объективно обусловлен производительностью общественного труда и выражается в богатстве услуг по воспроизводству народной жизни. Наиболее обоснованным и плодотворным способом применения теории и методологии К. Маркса к решению проблем современной России в эпоху информационного общества можно считать подход, развиваемый теоретиками и идеологами КПРФ, в частности – в работах лидера партии Г. А. Зюганова.

Область применения результатов: Современный вариант марксистской теории общества является наиболее адекватной теоретической основой его дальнейшего преобразования. Бескризисный прогресс производительных сил, гармонизация производственно-экономических и социально-производственных отношений, непосредственное народовластие и торжество коммунистической духовности – системная цель *социалистического преобразования*

^{*} © В. Д. Комаров, 2017.

экономической, социальной и культурной политики народно-демократического государства.

Выводы: Сознательное использование открытого марксизмом основного закона общественного развития цивилизации обеспечивает партии научного коммунизма успехи в руководстве борьбой рабочего класса, всех трудящихся за общественный прогресс любой страны в информационную эпоху. Марксизм-ленинизм есть современная наука о реально-гуманистическом прогрессе постиндустриального общества. Научная обоснованность коммунистической идеологии – гарантия её творческих успехов и нарастающих практических побед в развитии мировой цивилизации.

Ключевые слова: классический марксизм; аутентичный марксизм; марксизм-ленинизм; способ производства материальной жизни; основной закон общественного развития; общественная формация; производственно-экономические отношения; социально-производственные отношения; экономический материализм; коммунистическая идеология.

On the Effect of the Basic Law of Social Development in the Information Society

Komarov Viktor Dmitrievich – Mikhailovskaya Military Artillery Academy, Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Professor, Doctor of Philosophy, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: vdkomarov@mail.ru

22, Komsomol st., Saint Petersburg, 195009, Russia,
tel.: (812) 292-14-74.

Abstract

Background: In Soviet literature on dialectical and historical materialism, Marxism-Leninism was viewed as an all-powerful teaching, but without accentuating attention to its objective scientific character, laws. The objective basis of historical materialism was reduced mainly to economic factors. Communist ideology broke away from the scientific-materialist understanding of the historical process.

Results: Classical, authentic Marxism is based on the great scientific discoveries of K. Marx (the law of the determining role of the mode of production of material life in the formative development of civilized society, the regularity in appropriating surplus value in the growth of the capitalist economy). The level of real humanism in the social life of any formation is objectively conditioned by the productivity of universal labor and is expressed in the wealth of services for the reproduction of people's lives. The most substantiated and fruitful way of applying Marx's theory and methodology to solving the problems of modern Russia in the era of the information society can be considered an approach developed by theorists and ideologists of the Communist Party, in particular, in the works of the party leader G. A. Zyuganov.

Research implications: The modern version of the Marxist theory of society is the most adequate theoretical basis for its further transformation. The crisis-free progress of the productive forces, the harmonization of production-economic and social-production relations, direct democracy and the triumph of communist spirituality are the systemic goal of the socialist transformation of the economic, social and cultural policies of the people's democratic state.

Conclusion: The conscious use of the basic law of social development of civilization, open by Marxism, provides the party of scientific communism with success in directing the struggle of the working class, all working people for the social progress of any country in the information age. Marxism-Leninism is a modern science about the real-humanistic progress of post-industrial society. The scientific thoroughness of communist ideology is a guarantee of its creative successes and growing practical victories in the development of world civilization.

Keywords: classical Marxism; authentic Marxism; Marxism-Leninism; the mode of production of material life; the basic law of social development; social formation; industrial and economic relations; social and industrial relations; economic materialism; communist spirituality; communist ideology.

Судьба марксизма как научной основы коммунистической идеологии осложнилась в послесталинское время существования Советского Союза. С 50-х годов XX в. начался постепенный отход от ленинизма как марксизма эпохи империализма, пролетарских и национально-освободительных революций. Идеологическая эволюция времён хрущёвской «слякоти» и горбачёвской «катастрофы» (выражение А. А. Зиновьева) привели к предательскому развалу СССР и к либерально-демократическому возрождению антикоммунистических идеологических концепций и выхолащиванию революционного марксизма до уровня гегелевской диалектики, экономического материализма и идеологии «гражданского общества».

В этот период многие российские философы стали переходить на позиции феноменологической эклектики и социальной психологии (вместо научной социологии). Исследователи проблем марксизма-ленинизма ударились в догматизацию его основополагающих принципов, начиная с материалистической диалектики, и начали постепенно «забывать» о научных открытиях аутентичного марксизма, игнорировать научно-революционные достижения ленинизма.

Антикоммунистические гонения оживили ревизионистские и социал-демократические тенденции в исследованиях отечественных катедер-марксистов. Однако на развалинах КПСС в этот же период последователями творческого марксизма-ленинизма закладывается научно-идеологическая основа новой партии трудового народа – Коммунистической партии Российской Федерации. В процессе своего становления КПРФ как партия ленинского типа очищает аутентичный марксизм-ленинизм от чуждых идеологических наслоений и ныне переходит к использованию в своей борьбе за социализм его научных достижений. Идеологи КПРФ ныне, в

информационную эпоху практической борьбы за социализм, стремятся разрабатывать классические положения марксизма-ленинизма в свете принципа единства теории и практики.

1. Сущность открытого К. Марксом основного закона общественной жизни

Ярчайшим выражением основательности марксизма как науки об общественном развитии человечества предстают открытые и изучаемые им объективные законы строения, функционирования и развития общественной жизни людей. Наряду с законами естествознания и человековедения эти законы составляют базу эффективного управления цивилизационным процессом взаимодействия человечества с природой Земли и ближнего Космоса.

Настало время рельефно показать, что *основным законом марксизма-ленинизма как науки об историческом процессе* выступает закон *определяющей роли способа производства материальной жизни общества*.

Гений Карла Маркса выразился прежде всего в создании научно-философского метода исследования динамично взаимосвязанных явлений природы, общества, человека и мирового духа. В особенности это касается раскрытия в марксизме закономерности саморазвития самой сложной сферы бытия – общественной жизни человеческого рода. Фридрих Энгельс и самые талантливые ученики немецкого гения во главе с В. И. Лениным отмечали, что научно-философское творчество Маркса породило два его великих открытия – материалистическое понимание истории человечества и открытие прибавочной стоимости как «тайны» самовозрождения могущества капитала.

Однако во всех канонических изложениях структуры марковского учения оставался в стороне тот факт, что методологическим ключом ко всем социально-философским, экономическим и социологическим открытиям Маркса было открытие *основного закона развития общественной жизни* человечества. В учебниках и монографиях по теории *марксизма как науки о закономерности общественного развития* странным образом обходилась классическая авторская формулировка основного закона.

В условиях первого в истории капитализма мирового экономического кризиса 1853–1858 гг. К. Маркс, усиленно занимаясь вопросами политической экономии, приступил к разработке большого труда по пролетарской политической экономии. В экономических рукописях 1857–1858 годов он сформулировал ряд важных положений, составивших методологическую основу «Капитала». Именно в это время были в общих чертах разработаны основы теории прибавочной стоимости – краеугольного камня марксистской политэкономии.

Первый выпуск большого научного труда был завершён в январе 1859 г. и издан в виде книги «К критике политической экономии» (июнь 1859 г., Берлин, 1000 экз.). В этом выдающемся экономическом произведении марксизма началась, по мысли В. И. Ленина, революционизация политической экономии. Научно-философскую основу этой революционности пролетарской политической экономии составило знаменитое предисловие Маркса к вышедшей книге, которое имеет самостоятельное научное значение. «Это

предисловие, – как отметили сотрудники Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, – содержит гениальную характеристику сущности открытого Марксом единственно научного материалистического понимания истории, классическое определение самого существа исторического материализма. В нём, по словам В. И. Ленина, Маркс дал «цельную характеристику основных положений материализма, распространённого на человеческое общество и его историю» [5, с. 39].

Ядром «единственно научного материалистического понимания истории» в марксовом изложении выступает классическая формулировка *основного закона* общественного развития человечества: «Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще» [7, с. 7]. И после этого, как бы подчёркивая общесоциологический характер указанного закона, Маркс формулирует основной *социально-философский принцип* материалистического понимания единого, закономерного, противоречивого исторического процесса: «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» [там же].

В логической связи с узловыми положениями научной социальной философии К. Маркс формулирует другие *базовые законы* движения исторического процесса: закон определяющей роли производственных общественных отношений, соответствия этих отношений материальным производительным силам, фундаментальности реального базиса в отношении надстройки, объективной конфликтности эпохи социальной революции, определяющей роли системы производительных сил в судьбе общественной формации, объективной реальности узловых проблем развития человечества, прогрессивной ступенчатости его формационного развития, антагонистического характера общественного прогресса в предистории человеческого общества [см.: 7, с. 6–8]. В нашу информационную эпоху приходится констатировать, что за 160 лет существования марксизма далеко не все из этих открытых К. Марксом законов общественного развития получили научно-философскую разработку.

Когда идёт речь о *догматизации социальной философии марксизма*, то имеются в виду, на мой взгляд, упрощение, схематизация, порой выхолащивание жизненного содержания марксова понимания закономерности противоречивого исторического процесса. Попробую это уточнить на нескольких типичных примерах.

В коллективной монографии «Материалистическая диалектика» [см.: 8] при анализе категории «общественно-экономическая формация» произвольно, вопреки терминологии Маркса, в одно понятие сливаются употребляемые автором «Предисловия» врозь понятия «общественная формация» и «экономическая общественная формация» [см.: 7, с. 7–8]. Такое неадекватное прилагательное к введённому Марксом понятию «формация» (из биологии XIX в.?) породило термин, ставший «обычным» словосочетанием в марксистской литературе XX века.

Далее у авторов указанной академической монографии столь же странным образом появляется усечённый термин «способ производства», в содержании которого остаётся только производство *материальных благ*, а не производство *материальной жизни* общества определённой формации, как у Маркса. Такое лукавое «усечение» содержания марксовых категорий продолжается и далее: производственные отношения сужаются до уровня экономических отношений: «реальный базис» становится *только* экономической структурой общества, а надстройка (опять же вопреки аутентичному Марксу), отождествляется с формами общественного сознания. Далее у авторов монографии получается, что именно экономическая структура общества «выражает социальную функцию производственных отношений как экономической основы общества, складывающейся между людьми независимо от их сознания в процессе производства материальных благ» [8, с. 41].

При такой «формализованной» логике социально-философского мышления начинается балансировка на грани диалектико-материалистического и буржуазно-экономического пониманий роли «материального производства» в историческом развитии человечества. Буржуазная вульгаризация производства материальной жизни общества рождает различные концепции «экономического детерминизма», в России рубежа XIX–XX вв. появляется «легальный марксизм» (С. Булгаков), на почве которого формируется эсеровская идеология, а в конце XX в. – либерально-демократический экономизм. В Западной Европе послевоенного периода рецидивы легального марксизма породили идеологию еврокоммунизма, а в философии – либеральные метания постмодернизма на почве феноменологической псевдонаучности.

Мне представляется, что кризис диалектико-материалистического понимания в послесталинский период, особенно в ходе «перестройки», отход партийного руководства СССР и других стран народной демократии от ленинизма как творческого марксизма информационной эпохи привели к трагическому разрушению социалистической надстройки в указанных странах и к искусственному возрождению экономической структуры досоциалистического базиса.

Однако даже после целенаправленного развала Советского Союза и Восточноевропейского социалистического блока сохранившиеся в жизни народов этих стран *элементы социалистического образа жизни* могут стать основой для возрождения в условиях постиндустриального общества *обновлённого социалистического способа производства материальной жизни* народов указанных стран. Глобальной поддержкой этого процесса в условиях системного кризиса мировой капиталистической системы хозяйства становится революционный процесс создания социалистического способа производства материальной жизни народов Китая, Кубы, Вьетнама, Лаоса, КНДР и Латинской Америки. Современное развитие социалистической надстройки в этих странах с помощью достижений информационной эпохи способствует прогрессивному росту там традиционного некапиталистического способа производства материальной жизни субъектов национально-освободительного движения.

Ф. Энгельс в своё время указал, что социализм стал наукой о создании справедливого общества трудящихся благодаря марксизму как науке о закономерном развитии общества. К этому следует добавить, что в этих условиях *идеология утопического коммунизма* в виде первоначального христианства, а затем романтических проектов выдающихся гуманистов XVI – XIX веков стала превращаться в марксистскую науку о законах общественного развития человечества, которая стала использоваться рабочим классом и трудовой интеллигенцией для революционного преобразования капиталистической формации *на принципах научного коммунизма*.

Странно, что марксисты XX века, анализируя сущность материалистического понимания истории, не обратили серьёзного внимания на генезис марксовой формулировки основного закона общественного развития, который охарактеризовал Фридрих Энгельс в свежей рецензии (август 1859 г.) на первую публикацию первого выпуска «К критике политической экономии». Он указывает, что именно в период, когда буржуазные круги Германии старательно заучивали догмы англо-французской политической экономии, «...появилась немецкая пролетарская партия. Всё содержание её теории возникло на основе изучения политической экономии. С момента её выступления берёт своё начало также и научная, самостоятельная *немецкая политическая экономия*. Эта немецкая политическая экономия базируется в сущности на *материалистическом понимании истории*, основные черты которого кратко изложены в предисловии к разбираемому произведению» [10, с. 440–491].

И далее великий соратник Маркса выдвигает фундаментальное положение *научной* социальной философии: «Не для одной только политической экономии, а для всех исторических наук (а исторические науки суть те, которые не являются науками о природе) явилось революционизирующим открытием то положение, что “способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще”, что все общественные и государственные отношения, все религиозные и правовые системы, все теоретические воззрения, появляющиеся в истории, могут быть поняты только тогда, когда поняты материальные условия жизни каждой соответствующей эпохи и когда из этих материальных условий выводится всё остальное. “Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание”» [10, с. 491].

Далее Энгельс разъясняет великое методологическое значение этого гениального открытия Маркса. Оно выражает настолько простую истину жизни человечества, что «... должно было бы быть само собой разумеющимся для всякого, кто не завяз в идеалистическом обмане. Из него, – указывает Энгельс, – вытекают, однако, в высшей степени революционные выводы не только для теории, но и для практики» [10, с. 491]. Раскрывая дальше в своей рецензии содержание основного закона исторического процесса, Энгельс уже в прогностическом плане заявляет: «Таким образом, при дальнейшем развитии нашего материалистического тезиса и при его применении к современности

нам сразу открывается перспектива великой, величайшей революции всех времён» [10, с. 491].

И действительно, ныне, в эпоху развития «информационального общества» (М. Кастельс) многие марксисты-ленинцы до сих пор догматически твердят о выхолощенном «историческом материализме», не замечая животрепещущей сердцевины научного понимания исторического процесса, поневоле возвращаясь на философские позиции буржуазной политической экономии. Из всего духа воинствующего научного материализма энгельсовской рецензии следует, что не только нынешние экономисты, но и многие современные социологи, политологи, культурологи весьма далеки от той гуманистической научности, которая присуща творческому марксизму-ленинизму.

2. Содержание основного закона общественного развития

Если сущность закона науки фиксируется обычно в его названии (формулировке), то содержание раскрывается путём выявления его связи с другими элементами и законами данной науки, указанием на специфику его практического использования. Касательно основного закона общественного развития такое методологическое действие связано с теоретической характеристикой его действия в социальной, политической и духовно-культурной сферах жизни цивилизованного общества, а также взаимосвязи с остальными элементами материалистического понимания истории. Такой анализ можно провести с помощью представительных трудов советского марксизма 80-х годов [2; 8].

В монографических, научно-популярных и учебных публикациях советского периода на разные лады часто вкривь и вкось *материальное производство* характеризовалось только как диалектическое единство производительных сил и производственных отношений. При этом учёные-экономисты обычно сводили категорию производительных сил к логическому единству рабочей силы и средств производства, включая мимоходом и предмет труда. Лишь в этом аспекте провозглашалось, что человек есть главная производительная сила общества, а остальное содержание производственной жизни – применение техники. Столь же схематично «экономизировались» производственные отношения: это – отношения между людьми и их группами в процессе производства материальных благ (специфика товарного производства материальных услуг оставлялась в стороне).

Ныне надо с научной строгостью отметить, что согласно аутентичному марксизму производственные отношения в любом способе производства материальной жизни объективно «раздвоены» на производственно-экономические и социально-производственные отношения.

Производственно-экономические отношения характеризуют взаимодействия производителей и торговцев при создании и перемещении (обмене) *товаров* в виде предметов и услуг (невещественных материальных благ) в рамках известной формулы Т–Д–Т. Именно деньги выступают здесь в качестве всеобщего эквивалента. В условиях рыночной экономики этот вид производственных отношений обезличен, имеет отчуждённый характер и чаще

всего выступает внешне как собственно *экономические отношения*. Ортодоксальные марксисты именуют их «производственными отношениями» и в совокупности считают «экономической структурой общества».

Однако с позиции аутентичного марксизма производственные отношения практически имеют и другую ипостась. Фактические материальные отношения по поводу непосредственного производства и воспроизводства индивидуальной человеческой жизни следует обозначать как *социально-производственные отношения*. Сферой проявления сущности этих отношений в общественном бытии выступает не экономика, а *социальная структура общества*: семья + подсистема здравоохранения + подсистема образования + подсистема национальной безопасности (включая её оборонную, продовольственную и экологическую области). Высший уровень прогресса социально-производственных отношений в цивилизованном обществе обеспечивает формирование всесторонне развитой личности в долгожителях этого общества. Отвечая на известный социологический вопрос: «С чего начинается личность?», аутентичный марксист убеждённо заявляет: с развития социально-производственных отношений на прочном и динамичном фундаменте реальной экономики.¹

Солидным изданием по марксистско-ленинской философии была монография перестроечного периода, подготовленная коллективом учёных СССР при участии авторов из ГДР [см.: 2]. В этой хорошо продуманной и тщательно отредактированной книге привлекают внимание XII глава об исходных положениях материалистического понимания истории [2, с. 246–257] и глава XIV с несколько «штампованным» заголовком: «Материальное производство – основа общественного развития» [2, с. 270–279].

В первой из этих глав авторы стараются оттенить сущность материалистического понимания истории на фоне преодолеваемого марксизмом идеалистического истолкования истории в буржуазной литературе XVII – первой половины XIX веков. Рисуя картину выработки Марксом и Энгельсом основных идей материалистического понимания истории, они, однако, не влезают вглубь этого творческого процесса, ограничиваясь общими рассуждениями об известных категориях схематизированного исторического материализма. Приводя известное указание В. И. Ленина о том, что «со времени появления “Капитала” ... материалистическое понимание истории уже не гипотеза, а научно доказанное положение...» (5, с. 139–140), московские учёные не раскрывают содержание законов исторического процесса, которые являются ядром марксистско-ленинской науки об общественном развитии. Далее говорится об объективном характере законов общественного развития, но ни слова об их предметном использовании в ходе перестроечных преобразований в социалистическом обществе.

В начале главы XIV цитируется мимоходом марксова формулировка «способа производства материальной жизни», но прямая речь идёт об особой

¹ Идеологи КПРФ понимают реальную экономику как свободное развитие производительных сил общества на базе высшей техники.

роли в развитии общества «способа производства материальных благ» [2, с. 270]. Производственные отношения трактуются как «экономическая структура общества» [2, с. 271]. Далее идут обычные рассуждения о взаимосвязи производительных сил и производственных отношений и выдвигается странное для марксистов положение: «Производительная сила организации и руководства производством тем значительнее, чем сильнее выявляется общественный характер производства» [2, с. 275].

Рассматривая «производственные, экономические отношения», авторы главы о материальном производстве делают ответственное заявление: «Производственные отношения включают в себя отношения по поводу *производства, распределения, обмена и потребления материальных благ*. Будучи системой, они имеют собственную структуру. Основой, главным определяющим элементом этой системы является *собственность на средства производства*» [2, с. 276]. Собственность трактуется как «основной элемент экономических отношений» и далее рассматривается в полном отрыве от человека как главной производительной силы. При этом именно *экономические* (а не производственные!) *отношения* рассматриваются «по фазам общественного воспроизводства: производство, распределение, обмен, потребление» [там же]. Проблема производства человека выпадает из анализа, и аутентичный марксизм «теряется вдали».

Получается, таким образом, что в классическом советском изложении основ диалектического и исторического материализма парадигмой материального производства как основы общественного развития человечества выступает *экономический способ производства*, который Маркс считал заключительным – *капиталистическим* способом производства материальной жизни именно классово-антагонистического общества.

Авторы от марксизма перестроечного периода осмысливают в такой псевдомарксистской парадигме лишь один из открытых Марксом законов общественного развития – закон соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил [см.: 2, с. 277–279]. В отрыве от основного закона общественного развития, сформулированного К. Марксом в предисловии к первому выпуску «К критике политической экономии», авторы коллективной монографии считают, что именно закон соответствия «...выражает наиболее существенное, глубинное, устойчивое» во взаимодействии производительных сил и производственных отношений любой формации. «Во всех классово-антагонистических формациях, – пишут авторы, – это соответствие по своему существу является антагонистическим» [2, с. 278].

В позднем капиталистическом обществе разрешение этого антагонизма приводит к государственно-монополистическому капитализму. При социализме действие указанного закона означает «постоянное совершенствование, развитие всей системы производственных отношений». В конце XX века примером этого, как считают авторы, «является совершенствование системы управления народным хозяйством, осуществляемое в последнее время во всех социалистических странах, которое в значительной степени вызвано современной научно-технической революцией. Решение задач органического

соединения достижений НТР с преимуществами социалистической системы хозяйства включает в себя в качестве важнейшего элемента совершенствование производственных отношений, в том числе управления» [2, с. 278].

По существу, марксисты перестроечного периода, не уяснив универсального смысла *основного закона* общественного развития, подменили его лукаво истолкованным законом соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил. Своеобразно подводя «марксистскую базу» под известный принцип нового мышления – «Больше демократии, больше социализма!», академические учёные-философы вышли за пределы аутентичного марксизма-ленинизма и опрометчиво заявили: «Использование закона соответствия даёт возможность более полно удовлетворить потребности трудящихся на основе динамичного развития материального производства» [2, с. 279].

В капитальном советском труде о материалистической диалектике основной закон марксизма специально не рассматривается. Он как бы «скрыт» за анализом категории «общественно-экономическая формация» [см.: 8, с. 36–45]. Однако дальше один из авторов (В. С. Барулин) раскрывает *содержание этого закона*, анализируя основные сферы общественной жизни. Развивая учение видных советских философов о соотношении этих сфер, автор справедливо указывает, что понятие «сфера общественной жизни» в марксизме-ленинизме «выступает как важная и самостоятельная категория исторического материализма» и напрямую связывает её с марксовой формулировкой основного закона строения, функционирования и развития общественной жизни [8, с. 47–48]. Правда, он скромно считает это «известное положение К. Маркса» всего лишь «основной материалистической идеей» [8, с. 48–49].

Следуя общей традиции марксистов XX в., В. С. Барулин сводит богатое содержание категории «*производство материальной жизни*» к метафизическому понятию «*материальное производство*» и в духе экономического материализма пишет: «Область общественной жизни, связанная с производством материальных благ, и образует *экономическую сферу общества ...*». При таком повороте социального философствования предмет материального производства «обесчеловечивается», а природа, к примеру, новорожденного человеческого существа сводится к качеству «материального блага».

Упоминая об «общесоциологических законах развития экономической сферы общества», В. С. Барулин рассуждает затем об «основных элементах экономической сферы», к коим относит производительные силы общества и производственные отношения, причём странным образом в состав производительных сил включаются предметы труда и духовно-идеальные компоненты человеческой деятельности [см.: 8, с. 50]. Естественно, из экономической сферы при таком подходе исключаются такие уникальные элементы *производства человека*, как тело индивида, его личность, психофизиологические свойства. Тем самым не схватывается *диалектическое единство* процесса *производства материальной жизни общества* как производства и воспроизводства человека – общественного существа, а также

производства, воспроизводства необходимых для этого материальных благ и условий.

При указанной метафизической, экономической схематизации процесса производства материальной жизни неадекватным становится последующий анализ остальных трёх сфер общественной жизни. В. С. Барулин пишет: «Важной сферой общественной жизни, возникающей на основе экономической и непосредственно связанной с ней, является *социальная*» [8, с. 52]. Социальная сфера реально образована исторически сложившимися общностями людей, связанных непосредственно жизненными отношениями. К таким социальным общностям относятся общины, народности, классы, народ, нации.

Справедливо считая, что «...способ производства, материальная жизнь выступает в качестве ведущего, главного фактора формирования социальной сферы...», В. С. Барулин пишет: «Социальные общности объективны по своей природе... Именно материально-производственная жизнь общества с её различными сторонами, гранями структуры и т. д. выступает той основой, которая вызывает к жизни, обеспечивает существование и функционирование социальных общностей, делает их стабильными и постоянно воспроизводящимися, несмотря на неизбежную смену поколений» [8, с. 52–53].

Надо только уточнить, что непосредственное обусловливание существования и движения социальной сферы определённым способом производства материальной жизни выражается в практическом единстве процессов *производства и потребления* материальных благ людьми, входящими в конкретную социальную общность. Иначе говоря, именно такое единство составляет материальную основу определённого образа жизни данной общности. Всем известны сложившиеся в каждой общности традиции и повседневные обычаи потребления материальных благ. Это объективное поле фактов.

По моему убеждению, пространственно-временной континуум производства и потребления определённых, чаще всего традиционных для эпохи материальных благ есть *система непосредственно-жизненных отношений* людей всякой социальной общности. Я также считаю, что именно *совокупное бытие социальных общностей* составляет предмет научной социологии.

Системный подход к пониманию структуры *уклада жизни* определённой социальной общности открывает путь к научному познанию динамичной связи укладов жизни народности, класса, нации, супернациональной общности людей с исторической эволюцией способа производства материальной жизни цивилизованного общества. Знание механизма действия основного закона общественного развития человечества позволяет понять объективные причины зигзагов цивилизационного процесса в ходе великой смены капиталистической глобализации на социалистический путь развития человечества в XXI веке.

Некоторая методологическая ущербность анализа В. С. Барулиным сущности и структуры развития политической и духовной сфер общественной жизни также связаны с неадекватностью его трактовки открытого Марксом основного закона развития цивилизации.

В. С. Барулин отмечает: «Важную роль в жизни общества играет *политическая сфера*. Она включает в себя политическое сознание, политические организации и учреждения, политические отношения и действия. Сущностный признак этой сферы заключается в том, что в ней обобщённо, концентрированно отражаются экономические интересы, потребности социальных общностей и общества в целом» [8, с. 58].

Во-первых, здесь снова на место марксовской категории «способ производства материальной жизни» подставляется более узкое, точнее понятие *экономического способа производства (материальных благ)*. Получается, что всё богатство материальной жизни народов древнейших цивилизаций (России, Индии, Китая, Азии) сводится к размеренной эволюции их разнотипных экономик при весьма неравномерном течении их общественной жизни в ходе формационного развития.

Во-вторых, при таком подходе к характеристике содержания политической сферы общественной жизни преувеличивается роль сознательного элемента и недооценивается аспект *властного управления* делами общества. Тем самым невольно преувеличивается роль экономической политики государства и приуменьшается роль его социальной политики, что особенно методологически не состоятельно в современную эпоху.

В-третьих, при таком подходе в стороне оказывается материально-экзистенциальная генетика военной деятельности не только государства, но и гражданского общества. Система социального насилия в классовом обществе напрямую связана с духовно-идеологической сферой, а опосредованно (через социальную) со сферой производства и воспроизводства материальной жизни общества.

Не стоит полностью соглашаться со следующим заявлением В. С. Барулина: «Если экономика играет определяющую роль в жизни общества, то политика – главенствующую. В экономической сфере формируется совокупность самых разнообразных, внутренне противоречивых возможностей развивающегося общества, выбор и реализация этих возможностей решающим образом зависит от политики» [8, с. 61–62]. В действительности жизнь уродливого буржуазного общества в современной России давно уже демонстрирует обратное: экономическая сфера его бытия движется в зигзагообразной амплитуде, а уровень материального благополучия большинства народа при либерально-демократической политике неуклонно понижается.

Касаясь категории «духовная сфера общественной жизни», В. С. Барулин справедливо отклоняет её отождествление с совокупностью форм общественного сознания, хотя сначала странным образом относит к ним науку, образование и воспитание. В конечном счёте он отмечает, что специфическими элементами духовной сферы жизни выступают виды и типы духовного производства, формы общественного сознания и определённые подсистемы общества – наука, образование, воспитание [8, с. 63–65].

Весьма туманны рассуждения нашего автора относительно детерминации духовной сферы общественной жизни. Из марксовской формулировки основного

закона строения общественной жизни следует, что базовый *детерминант* духовных процессов общественной жизни – способ производства материальной жизни. В. С. Барулин видит эту линию детерминации, но считает, что в каждом из названных им элементов духовной сферы «проявляется совокупное действие многих детерминант», хотя для каждого элемента можно также «установить преимущественное значение какой-то одной или нескольких детерминант» [8, с. 65]. Такая методологическая софистика рождает далее целый ряд спорных суждений этого автора. Весьма поверхностно он освещает соответственно детерминирующую роль социальной и политической сфер жизни общества. Фиксируются разные каналы общекультурной детерминации духовной сферы общественной жизни.

В итоге систематизации указанных детерминантов духовной сферы общественной жизни «... самым общим синтезирующим показателем всех названных элементов, – как пишет автор, – является сознание» [8, с. 68]. Ещё более важен следующий вывод: «В классовом обществе в духовной сфере главную роль играет идеология, именно идеология господствующего класса». Идеология «оказывает наиболее сильное воздействие на развитие науки, образования, искусства ... Поэтому ведущая роль идеологии в духовной сфере классового общества является своего рода отражением ведущей роли классов, государства в соответствующих сферах общественной жизни» [8, с. 68–69].

Со своей стороны, считаю необходимым подчеркнуть, что с возникновением и развитием марксизма как науки о законах общественного развития человечества только коммунистическая идеология трудящихся обрела научный характер. Именно *научный коммунизм* стал идеологией *пролетариата* капиталистических и *рабочего класса* социалистических стран.

В современной России только КПРФ имеет научно выверенную программу вывода великой страны из затяжного системного кризиса. В отличие от псевдомарксистской идеологии КПСС, именно эта партия сильна коммунистической идеологией, опирающейся на фундамент творческого марксизма-ленинизма как науки об объективных законах общественного развития. Выступая на Международной теоретической конференции РУСО, заместитель председателя ЦК КПРФ Д. Г. Новиков отметил, что миссия КПРФ как партии трудового народа «требует постоянного научного поиска, исследования важнейших экономических, социальных, политических и духовно-культурных процессов, которые происходят в современном обществе» [9, с. 4].

В связи с предпринятым в советском марксизме освещением научного содержания основного закона общественного развития ныне становится актуальной еще одна тема. В условиях развития информационного общества методологическое значение имеет критический анализ *концепции* перспективной научной идеологии партии трудящихся, разработанной нашим известным философом и социологом Александром Александровичем Зиновьевым [см.: 3].

Возвратившись из диссидентской эмиграции уже в постсоветскую Россию, А. А. Зиновьев выступил весьма своеобразным оппонентом советского

марксизма. В начале XXI века он выпустил в серии дискуссионного клуба КИРФ монографию, где написал: «Марксизм имел высокий интеллектуальный уровень в качестве массовой и государственной идеологии. Но ... он идеологами-марксистами превозносился именно как наука... Я педантичным образом проанализировал марксистское учение именно в этом аспекте и установил, что все его основные понятия и утверждения не соответствуют критериям логики и методологии науки» [3, с. 84].

Далее Зиновьев в указанном сочинении с позиции *логического позитивизма*, отвергая факт существования диалектической логики, характеризует марксистскую диалектику как схоластическую теорию «общих законов всего на свете». Отрицая всеобщность объективного единства и борьбы противоположностей, он распространяет это положение на другие законы диалектики и делает вывод: «Диалектика как учение есть языковая конструкция, и как таковая она должна строиться в соответствии с правилами логики. И прежде всего она должна быть логически непротиворечивой. Пренебрежение к логическому аспекту было и остаётся характерным для всех сочинений на тему о диалектике» [3, с. 88].

С постпозитивистской позиции *фальсификационизма* наш автор рассматривает «самую фундаментальную идею марксистского учения об обществе – материалистическое понимание истории». Объявляя затем «всеобщей банальностью» для всех материалистов «рассмотрение человеческого общества и истории человечества как объективной реальности», он утверждает, что сверх того марксизм «явление самой человеческой истории разделил на материальное и идеальное, что равным счётом ничего общего не имеет с философским материализмом» [3, с. 89].

Расправившись такими способами с логическими основами диалектического материализма, А. А. Зиновьев анализирует интересующее нас общее понятие диалектики общественного развития. Он пишет: «В основе марксистской социальной доктрины лежит понятие способа производства. В этом, собственно говоря, и усматривается материализм: способ производства считается базисом общества, на котором возвышаются все “надстройки”, включая государственные учреждения. При этом начисто игнорируется тот факт, что ничего идеального в государственных учреждениях (армия, полиция, тюрьмы) нет и что в способе производства “идеальных” явлений не меньше, чем в надстроечных». Духом формально-логического эклектизма проникнуто и следующее утверждение автора: «В способе производства различаются производительные силы (средства производства и приводящие их в действие люди) и производственные отношения (отношения между людьми в процессе производства). Примат при этом отдаётся первым. А между тем были и есть общества, в понимании которых этот принцип просто ошибочен фактически» [3, с. 89–90].

Признавая факт, что в марксистском учении «общественные отношения делятся на материальные и идеологические», А. А. Зиновьев рассуждает дальше с формально-логической позиции о содержании этого факта: «Первые суть производственные отношения, экономическая структура общества. Вторые

суть государство и право, такие формы общественного сознания как мораль, религия, философия, искусство, а также политическая и правовая форма сознания. Идеологические отношения суть лишь надстройка над материальными» [3, с. 91]. Оставляя в стороне всё многообразие материальных отношений при производстве материальной жизни общества, формально-логический критик советского марксизма приходит к столь же упрощённому, формально-логическому выводу о тождестве производственных отношений с экономическими: «Остаётся лишь одно: экономические отношения общества определяют собою все прочие, являются базисом для них» [3, с. 91]. И этот вывод, как видим, совпадает с позициями догматизированного марксизма, которые были вскрыты в предыдущем нашем анализе.

Очевидно, что неправомерное отождествление А. А. Зиновьевым догматического марксизма с научно-коммунистической идеологией и отрицание им методологической ценности диалектической логики привели его к отходу от диалектического материализма как философской основы аутентичного марксизма. Историческая практика XX века, в которую был объективно вовлечён А. А. Зиновьев вместе с советскими людьми, показывает, что социализм постепенно побеждает капиталистическую систему хозяйства именно потому, что марксизм-ленинизм стал научной основой социалистической идеологии.

Как мы уже видели, логик Зиновьев софистически подменяет понятие марксистской науки об общественном развитии человечества («человека», по его выражению) термином «марксистская идеология». В этом смысле он пишет в своей книге, что важнейшую часть «марксистской идеологии образует учение об идеальном социальном строе... – учение о коммунистическом социальном строе» [3, с. 228]. Он считает, что именно марксисты назвали «его выражением “научный коммунизм”». Исповедуя эту, по Зиновьеву, утопическую догму, советские марксисты после социалистической реализации указанного идеала в СССР посчитали якобы, что в действительности реализован «неправильный коммунизм», но остались верны марксистской догме XIX века.

Игнорируя *ленинскую теорию* построения социализма в СССР и дальнейшего научного обоснования его перерастания в коммунизм, А. А. Зиновьев со своим пониманием социального идеала приходит к своеобразному «кунктаторскому» заключению. Коммунистический идеал, по его мнению, возможен лишь как результат «объективного научного исследования». Запутавшись далее в тенетах негативной диалектики и софистики, он пишет, что «принципиальное отличие его (социального идеала – В. К.) от марксовского и домарксовского коммунизма заключается в том, что он должен быть не плодом воображения и субъективных желаний угнетаемых масс людей, а лишь результатом научного исследования колоссального практического опыта реальных коммунистических стран (Советского Союза в первую очередь) в течение десятков лет» [там же, с. 232].

В ходе «научного изучения фактического опыта Советского Союза и других коммунистических (часто их называли социалистическими) стран»

нужно будет, верно отмечает философ Зиновьев, «в индивидуальном (неповторимом) историческом потоке событий выделить то, что является непреходящим, универсальным, закономерным». На этой основе удастся, по Зиновьеву, «вылепить сам тип социальной организации, законы которой суть одни и те же для всех времён и народов, где появляются соответствующие объекты и условия для их бытия» [3, с. 232–233].

Ну, наконец-то: став на позиции отрицаемой им марксистско-ленинской диалектической логики, русский философ, социолог, логик А. А. Зиновьев прибыл в поле решения реально-гуманистических задач современной эпохи. Он справедливо считает, что «интеллектуальными источниками новой (альтернативной) идеологии» могут стать «изучение советского опыта» и «научное исследование самого западнизма, в котором в силу объективных социальных законов развиваются антизападнистские тенденции ...» [3, с. 233]. Именно такими законами, открытыми марксизмом-ленинизмом, и являются основной закон и другие указанные в начале статьи законы общественного развития.

И мы видим, что уход Зиновьева с постпозитивистских позиций под влиянием диалектико-логического осмысления процессов капиталистической и социалистической глобализации приводит его к верному выводу о том, что в партию коммунистического будущего должны войти люди, выработавшие новое, научно-идеологическое учение о реальных перспективах общественного развития цивилизации.

Имея в виду постсоветскую Россию и другие страны либерального капитализма, А. А. Зиновьев верно отмечает: «Государству, отбросившему светскую идеологию и вставшему на путь возрождения религиозного мракобесия, новая светская идеология враждебна. Деловые круги в лучшем случае к ней равнодушны. *Интеллигенция возглавляет процесс идеологической деградации страны* (выделено мною – В. К.) Так что новая идеология... должна создаваться как явление интернациональное, а не узконациональное» [3, с. 235].

Как видим, доктор философских наук, профессор МГУ А. А. Зиновьев, будучи специалистом по логике с мировым именем, на заключительном этапе своей творческой деятельности отошёл от методологических принципов классического марксизма-ленинизма. Он считает, что во второй половине XX в. в общественном развитии человечества произошёл переломный переход от эпохи обществ к эпохе *описанных им* сверхобществ. Поэтому для него естественным стал переход от марксистской теории общественных формаций к концепции цивилизационного развития мирового «человеяника». Великие открытия К. Маркса при исследовании закономерности общественного развития и марксистские новации В. И. Ленина в этих условиях якобы утратили свою актуальность. Отсюда следовал логический вывод о необходимости разработки некой новой идеологии для партии трудящихся в «глобальном сверхобществе». Тут основной закон общественного развития, открытый Марксом, был методологически не нужен [см.: 1, с. 348–349].

3. Марксизм-ленинизм как научная основа современной коммунистической идеологии

Классический марксизм базировался на признании объективной истинности нескольких открытых им общесоциологических законов общественного развития. Их практическое использование в руководстве революционно-освободительным движением народных масс во главе с пролетариатом побуждало социал-демократические партии развивать коммунистическую идеологию и научно рационализировать классовую борьбу рабочих и крестьян в экономической и политической формах.

В эпоху империализма в России революционный марксизм приобрёл научную форму *ленинизма* и был разработан реалистический проект социалистического преобразования традиционного классового общества. Великая Октябрьская социалистическая революция, победившая в России (1917–1922 гг.), открыла политический путь для практической реализации этого грандиозного марксистско-ленинского проекта в евразийском масштабе. Трудями коммунистических идеологов ряда стран Европы и Азии марксизм, диалектико-материалистически осмысливая достижения всей неклассической науки XX в., приобрёл качество *неклассического марксизма* и закономерно выступил в мировой культуре как *марксизм-ленинизм*. В разработках ряда советских и зарубежных идеологов научного коммунизма он понимался обычно как творческий марксизм.

Послесталинский период характеризовался отходом ряда прогрессивных и революционных мыслителей от коммунистической идеологии и игнорированием научного значения марксизма-ленинизма. Такая капитулянтская позиция свойственна бывшим «заслуженным адептам» научного коммунизма в России и европейских странах.

Иначе рассуждали выдержавшие ельцинский погром *российские коммунисты*. Созданная на развалинах КПСС Коммунистическая партия Российской Федерации, пережив период мучительного становления и острых идеологических дискуссий, взяла за научную основу своей программы *аутентичный марксизм-ленинизм*. Её лидером стал высокообразованный ленинец марксистской закалки Геннадий Андреевич Зюганов, успешно разработавший в советское время такие важные проблемы творческого марксизма-ленинизма, как «Основные направления развития социалистического городского образа жизни» (кандидатская диссертация) и «Основные тенденции и механизм социально-политических изменений в современной России» (1995 – докторская диссертация).

В отличие от профессора А. А. Зиновьева, который издалека наблюдал за трагическим разрушением социалистического лагеря извне и изнутри, обласканного многими зарубежными академиями и премиями, – доктор философских наук Г. А. Зюганов, используя неклассический марксизм как «оружие, огнестрельный метод» (Маяковский), самоотверженно и со знанием дела боролся с догматиками и предателями дела Ленина на постсоветском пространстве [см.: 1, с. 356]. При поддержке советских учёных социалистической ориентации, оставшихся верными защитниками идеологии

научного коммунизма на позициях творческого марксизма-ленинизма, Г. А. Зюганов с соратниками из стойких коммунистов воссоздал и возглавил ленинскую партию в новом облике.

Анализируя обобщающую книгу Г. А. Зюганова об идейно-теоретической основе КПРФ [см.: 4], мы не находим в ней *прямых ссылок* на открытые марксизмом и развиваемые в ленинизме объективные законы человечества на пути к глобальному коммунизму. В духе принципа единства теории и практики (как основного в научной философии) автор указывает на многие элементы научности идеологического облика коммунистической партии XXI века. Делается это на основе марксистско-ленинского анализа советского опыта построения, защиты и развития социалистического общества.

Элементы творческого марксизма-ленинизма в диалектико-материалистическом понимании строительства обновлённого социализма на постсоветском пространстве Евразии фиксируются в представленной книге лидера КПРФ следующим образом.

1) Сначала о лидерах научного коммунизма как идеологии трудящихся XX века: *«Ленин и Сталин ... находятся вместе с нами на переднем крае борьбы за торжество исторической правды»* [4, с. 4]. *«Опираясь на труды основоположников марксизма, Ленин впервые научно обосновал систему идей, взглядов и ценностей, выражающую интересы трудового народа... Ленинизм остаётся источником нашей силы, ленинская методология помогает нам понять сущность политической борьбы в современных условиях, выработать верную стратегическую линию. Это наше главное преимущество в тяжёлом противостоянии силам реакции, пытающимся повернуть историю вспять»* [4, с. 5–6].

2) Представители фрондирующей российской интеллектуальной «элиты» зря ломают головы в поисках национальной идеи. *«Во-первых, национальная идея нынешнему режиму не нужна. А во-вторых, она давно уже есть у нашего народа. Это сильное государство, высокая духовность, справедливость и коллективизм»* [4, с. 6].

3) Буржуазная идеология как в виде «западнизма» (А. А. Зиновьев), так и в форме обоснования *«криминального, компрадорского капитализма в нашей стране»* не имеет под собой какой-либо серьёзной научной основы. *«Поэтому, проводя политику антикоммунизма и антисоветизма, новоявленная российская буржуазия выставляет убогие и заезженные аргументы, задача которых сводится к одному – опорочить советский строй, извратить нашу историю, вывернуть её наизнанку»* [см.: 4, с. 7].²

4) Для развития современной России нужна не лозунговая «модернизация», а речь должна идти *«о непрерывном процессе научно-технического развития»* в форме модернизации реальной экономики на основе развёртывания научно-технологической революции [см.: 4, с. 8–13].

5) На основе опыта Советского Союза государственность в России сильна народовластием в форме советов, народностью своих вождей, планомерным

² В дальнейшем цитировании везде сохраняется авторский курсив (В. К.).

разрешением противоречий между народом и властью, систематическим обучением трудящихся делам управления государством [см.: 4, с. 14–19].

6) Материальное благосостояние народа при социализме может укрепляться и развиваться путём «обеспечения максимального удовлетворения растущих материальных и культурных потребностей всего общества путём непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники» [см.: 4, с. 21–26].

7) Только коммунистическая партия на основе модернизации и использования достижений марксистско-ленинской теории может обеспечить успешное начало, укрепление и завершение социалистического строительства государственными усилиями трудящихся во главе с рабочим классом [см.: 4, с. 27–88].

8) По существу в свете *основного закона общественного развития* любой страны Г. А. Зюганов написал: «Модернизация общества предполагает его духовное и интеллектуальное совершенствование, повышение качества жизни. В обновлении производства, в политических преобразованиях нет смысла, если они не ведут к улучшению жизни человека, его культурного и духовного облика» [4, с. 105]. Однако ныне *«российская верхушка хочет провести модернизацию на принципиально иной основе. Она пытается осуществить её в интересах тончайшей правящей прослойки, отказываясь от главных особенностей российской цивилизации, составляющих её силу – коллективизм, справедливость, верховенство духовного над материальным»* [4, с. 109].

9) «КПРФ подчёркивает, что стране нужна ... модернизация социалистическая, которая обеспечит благосостояние всех граждан России и возрождение её державной мощи» [4, с. 111]. И далее Г. А. Зюганов как её научный лидер указывает, что для развёртывания этой модернизации реальны *«...такие основные направления, как: 1) реконструкция всего государственного аппарата; 2) изменение отношений собственности на стратегические отрасли экономики и природные ресурсы; 3) поддержка науки и ускоренное развитие наукоёмкого производства; 4) новая культурная революция, стержень которой – создание прогрессивной и широкодоступной образовательной системы»* [4, с. 118–119].

10) Имея в виду *решающую роль развития производительных сил в прогрессе способа производства материальной жизни*, Г. А. Зюганов отмечает: «Не отвечает потребностям развития страны нынешняя структура её производительных сил. Она пришла в полный упадок и совершенно недееспособна. Из 140 миллионов граждан России лишь 25 миллионов человек работают в реальном производстве». Деградация села и агропромышленного комплекса России привела к утрате ею продовольственной безопасности. Нуждается в технологической модернизации её промышленность. Разрушена единая транспортная система России. Строительная отрасль погрязла в откровенном жульничестве при наличии затяжного кризиса ЖКХ [см.: 4, с. 123–128].

11) Г. А. Зюганов показывает, что *только реальный гуманизм* марксистско-ленинского толка обеспечивает историческое воплощение коммунистического

идеала всесторонне развитой личности в каждом гражданине цивилизованного общества. Он пишет: «Российский капитализм с его пещерными нравами отвергает основополагающие идеи гуманизма, рассматривающие человека как мерило всех ценностей... С реставрацией в России индивидуалистических отношений, люди оказались погружёнными в чуждую им общественную атмосферу, в которой деньги превращены из средства в цель существования человека» [4, с. 144–145].

12) Указывая марксистско-ленинский, социально-патриотический «путь спасения и возрождения России», Г. А. Зюганов пишет: *«Только смена общественных отношений, возрождение твёрдых социальных гарантий и нравственных устоев способно поднять людей на большое дело. Две главные идеи всегда вдохновляли граждан России на подвиги и победы. Это – идеи патриотизма и социальной справедливости, которые соединяются под знаменем социализма»* [4, с. 157].

13) Раскрывая источник таких угроз национальной безопасности России, как демографическая катастрофа, подрыв экономической безопасности, разрушение российской науки, энергетический коллапс, ликвидация продовольственной безопасности, подрыв экономического и культурного единства страны, система социального апартеида, деградация оборонной безопасности, Г. А. Зюганов делает вывод: *«Депопуляция и бедность населения, соединённые с разрушением промышленности и сельского хозяйства, помноженные на падение духовно-культурного уровня населения, сформировали самую значимую и опасную угрозу каждому гражданину России, угрозу нашей национальной безопасности. Это угроза полной потери независимости и окончательного разрушения страны»* [4, с. 170].

14) *«Методологической основой идейно-теоретической и практической деятельности КПРФ всегда была и есть теория марксизма-ленинизма»*, – заявляет лидер коммунистов России [4, с. 265]. И далее он справедливо указывает на стержневое значение классового подхода к марксову положению о решающей роли трудящихся в производстве материальной жизни любого общества: *«Применительно к общественной жизни метод материалистической диалектики выражает себя в классовом подходе к анализу и оценке социальных фактов и явлений»* [4, с. 267].

15) Как квалифицированный представитель научной социальной философии, Г. А. Зюганов показывает, что реально-гуманистические достижения советского социализма могут стать в современной России *«основой того образа будущего»*, который вполне может *«представить убедительную альтернативу нынешнему порядку вещей»* [4, с. 289]. Имея в виду современный способ производства материальной жизни в странах народной демократии информационной эпохи, Г. А. Зюганов делает важное с точки зрения марксистско-ленинской теории заявление: *«Слагаемыми этой альтернативы станут также успехи стран и народов, реализующих свой социальный идеал сегодня. Китай, Вьетнам, Белоруссия доказывают, что социально ориентированное государство с регулируемой им экономической*

жизнью и независимым политическим курсом – предпочтительнее моделей, навязываемых империализмом» [там же].

16) Регрессивный характер российского капитализма проявился за последние 30 лет постсоветской истории в отходе от социалистического способа производства материальной жизни народа. Несмотря на прикрытие этой экономической инволюции конституционным лозунгом «социального государства», за последнее десятилетие усилились организованные и стихийные протесты трудящихся России против деградации реальной экономики державы и прогрессирующего понижения жизненного уровня. Лишь у 200 богатейших семейств нашей страны непрерывно растут доходы и материальное благополучие. Менее заметны протесты нового пролетариата России и стран СНГ в сфере бытия производственно-экономических отношений. «Но социальный протест всё сильнее проявляет себя там, где сосредоточена трудовая интеллигенция, – в здравоохранении, образовании, культуре» [4, с. 291]. Далее Г. А. Зюганов приводит факты нарастания этого протеста в сфере социально-производственных отношений, что особенно характерно для информационного общества. «Пробуждение трудовых интеллигентов ещё не стало устойчивой тенденцией, – пишет лидер народно-патриотического движения России, – но сам его факт обнадеживает. Для нас, КПРФ, он имеет принципиальное значение: без лучших представителей интеллигенции, без людей просвещённых, мыслящих и честных, невозможно привнести социалистическое сознание в пролетарские массы» [4, с. 291–292].

17) Идеологи КПРФ как марксистско-ленинской партии нового типа обращают внимание и на тот факт, что именно в ходе революционного превращения российской цивилизации в советскую цивилизацию на базе социалистического способа производства материальной жизни началась культурная революция в духовных процессах жизни нового общества. «Безусловным достоянием социализма, – указывает Г. А. Зюганов, – стала идея приоритета духовных ценностей в сознании большинства советского общества ... В деяниях творцов советской духовности социалистическая цивилизация обрела свою вечность. В них живёт она, и никому не дано её уничтожить» [4, с. 300–301].

18) Далее лидер КПРФ решительно обосновывает смелый тезис аутентичного марксизма (см. труды Ф. Энгельса о первоначальном христианстве): «Наша партия считает свободу атеизма – гарантией уважения религиозных и атеистических чувств людей. КПРФ – партия научного коммунизма, а стало быть, научного, но не воинствующего атеизма» [4, с. 307]. Ленинский подход при приёме верующих в коммунистическую партию прост: никакой пропаганды религиозных взглядов внутри партии. С точки зрения аутентичного марксизма, именно социалистический способ производства материальной жизни обуславливает динамичное единство светской и религиозной духовности на основе принципов гуманизма, справедливости и нравственности. В среде коммунистов России, выстрадавшей марксизм в форме ленинизма, «...вызрело убеждение, что в советской

цивилизации будущего относительно государства трудящихся и Церкви будут построены по принципу уважительного мирного сосуществования» [4, с. 308].

Размеры статьи заставляют ограничиться цитированием узловых положений зюгановской книги об основах коммунистической идеологии. Тем не менее ясно одно: российские коммунисты вполне научно считают центральной магистралью перехода кризисной страны к достойной жизни народа *эффективную социальную политику государственного народовластия*. Тем самым они методологическими установками своего лидера доказывают творческий подход к использованию основного закона общественного развития ради построения обновлённого социализма в информационном обществе. В этом обществе народовластие обеспечивает такую организацию «всеобщего труда» (Маркс), при которой духовная культура народа органично связана с прогрессом его социального благосостояния.

В информационную эпоху интенсивно растёт научно-идеологический потенциал КПРФ. Творчески разрабатываются проблемы, отодвинутые в сторону идеологами КПСС вопреки потребностям жизни в послесталинский период. «Среди теоретических позиций, которые КПРФ отстаивала в период между XV и XVII съездами, были, – как отметил на Международной конференции зам. председателя ЦК КПРФ, кандидат исторических наук Д. Г. Новиков, – характеристики рабочего класса и пролетариата современной эпохи. Мы подчеркнули, что марксистско-ленинское положение о диктатуре пролетариата сохраняет своё значение, что диктатура пролетариата является диктатурой трудящегося большинства, направленной против диктатуры буржуазного меньшинства. С социально-классовых позиций мы рассмотрели национальный вопрос, показали классовое содержание русофобии, тесно связанной с антисоветизмом» [9].

Как видим, всё это – острые социальные вопросы, обусловленные ходом современного производства материальной жизни и тесно связанные с политической и духовной сферами общественной жизни современной России.

Список литературы

1. Алексеев П. В. Философы России XIX–XX столетий. Биографии, идеи, труды. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Академический проект, 2002. – 1152 с.
2. Диалектический и исторический материализм / Под общ. ред. А. Г. Мысливченко, А. П. Шептулина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Политиздат, 1988. – 446 с.
3. Зиновьев А. А. Идеология партии будущего. – М.: Алгоритм, 2003. – 240 с.
4. Зюганов Г. А. Идеино-теоретическая основа партии. – М.: Издательство ИТРК, 2013. – 352 с.
5. Ленин В. И. Что такое «Друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? // Полное собрание сочинений. Изд. 5. – М.: Издательство политической литературы, 1967. – С. 125–346.
6. Ленин В. И. Карл Маркс. Сочинения. Изд. 4. – М.: Госполитиздат, 1955. – С. 27–74.

7. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. – Т. 13. – М.: Госполитиздат, 1959. – С. 1–167.

8. Материалистическая диалектика. В 5 т. Т. 4. Диалектика общественного развития / Под общ. ред. Ф. В. Константинова, В. Г. Марахова; отв. ред. В. Г. Марахов. – М.: Мысль, 1984. – 320 с.

9. Прорыв в новую эпоху // Газета «Правда». – 2017. – 9–14 июня. – С. 4.

10. Энгельс Ф. Карл Маркс. «К критике политической экономии» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 13. – М.: Госполитиздат, 1959. – С. 489–499.

References

1. Alekseev P. V. Philosophers of XIX–XX Centuries. Biographies, Ideas, Works [*Filosofy Rossii XIX–XX stoletiy. Biografii, idei, trudy*]. Moscow, Akademicheskii proekt, 2002, 1152 p.

2. Myslivchenko A. G., Sheptulin A. P. (Eds.) Dialectical and Historical Materialism [*Dialekticheskiy i istoricheskiy materialism*]. Moscow, Politizdat, 1988, 446 p.

3. Zinovev A. A. The Ideology of the Party of the Future [*Ideologiya partii buduschego*]. Moscow, Algoritm, 2003, 240 p.

4. Zyuganov G. A. Ideological and Theoretical Basis of the Party [*Ideynoteoreticheskaya osnova partii*]. Moscow, Izdatelstvo ITRK, 2013, 352 p.

5. Lenin V. I. What the “Friends of the People” Are and How They Fight the Social-Democrats [Chto takoe “Druzya naroda” i kak oni voyuyut protiv sotsialdemokratov?] *Polnoe sobranie sochineniy. Izd. 5* (Complete Works. Issue 5). Moscow, Izdatelstvo politicheskoy literatury, 1967, pp. 125–346.

6. Lenin V. I. Karl Marx [Karl Marks]. *Sochineniya. Izd. 4* (Works. Issue 4). Moscow, Gospolitizdat, 1955, pp. 27–74.

7. Marx K. A Contribution to the Critique of Political Economy [K kritike politicheskoy ekonomii]. *Sochineniya. Izd. 2. T. 13* (Works. Issue 2. Vol. 13). Moscow, Gospolitizdat, 1959, pp. 1–167.

8. Konstantinov F. V., Marakhov V. G. (Eds.) Dialectics of Social Development [Dialektika obschestvennogo razvitiya]. *Materialisticheskaya dialektika. V 5 t. T. 4* (Materialistic Dialectics. In 5 vol. Vol. 4). Moscow, Mysl, 1984, 320 p.

9. A Breakthrough to the New Epoch [Proryv v novuyu epokhu]. *Pravda* (Truth), 2017, June 9–14, p. 4.

10. Engels F. Karl Marx. Outline of a Critique of Political Economy [Karl Marks. “K kritike politicheskoy ekonomii”]. *Sochineniya. 2-e izd. T. 13* (Works. Issue 2. Vol. 13). Moscow, Gospolitizdat, 1959, pp. 489–499.

УДК 004.946

«Запрограммируй это». Новое представление о коде всего и повседневное социальное авторство*

Таратута Екатерина Евгеньевна – Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», отделение социологии, Санкт-Петербург, доцент, Doctor of Social Sciences, кандидат философских наук, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: etaratuta@hse.ru

ул. Седова, 55 корпус 2, Санкт-Петербург, Россия, 192148,

тел: +7 (812) 560-71-75.

Авторское резюме

Состояние вопроса: За последние двадцать лет философское и гуманитарное сообщество прошло через периоды большого энтузиазма по отношению к исследованиям виртуальной реальности, относительного затишья в этих исследованиях, а затем – нового подъема интереса к изучению различных вопросов и аспектов теперь уже цифровой реальности, когда она перешла на новый уровень своего развития как количественно, так и качественно.

Результаты: Максимально широкое распространение цифровых технологий в последние годы привело к новой волне пользовательской повседневной увлеченности технологиями и вслед за этим инженерным и технологическим образом мысли. Новое технологическое мышление приписывает статус реального по большей части тому, что описывается формулами и/или целерациональными схемами, а также программным кодом, и представлено в Интернете.

Область применения результатов: Распространение цифровых технологий позволяет нам получить представление о том, какой образ мысли является доминирующим в обществе сегодня. Принятие в расчет этого обстоятельства может оказаться важным для урегулирования самых разнообразных спорных и конфликтных ситуаций.

Выводы: Сфера социальных взаимодействий и смыслов, созданная при посредстве компьютеров и цифровых технологий, двадцать лет назад воспринималась и конструировалась как принципиально нереальная или недостаточно реальная, а теперь она эволюционировала к прямо противоположному смыслу: только то, что представлено в Интернете, воспринимается как (единственно) реальное.

Ключевые слова: социальные взаимодействия; технологии; Интернет; социальный код; инженерное мышление; повседневное социальное авторство.

* © Е. Е. Таратута, 2017.

“Program This”. A New Understanding of the Code of Everything and Everyday Social Authorship

Taratuta Ekaterina Evgenevna – National Research University “Higher School of Economics”, Department of Sociology, Saint Petersburg School of Social Sciences and Humanities, Ph. D., Doctor of Social Sciences, Associate Professor, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: etaratuta@hse.ru
Sedova st., 55/2, Saint Petersburg, 192148, Russia,
tel: +7 (812) 560-71-75.

Abstract

Background: Over the past twenty years, the philosophical and humanitarian academic community has passed through periods of great enthusiasm for virtual reality research, a relative standstill in these studies, and a new rise in interest in studying various issues and aspects of digital reality as far as the latter has moved to a new level of its development both quantitatively and qualitatively.

Results: The widest dissemination of digital technology in recent years has led to a new wave of user-driven daily engagement in technology and, subsequently, engineering and technological thought. New technological thinking ascribes the status of the real, for the most part, to what is described by formulas and / or goal-oriented schemes, as well as by program code and presented on the Internet.

Research implications: The dissemination of digital technology allows us to get an idea of what kind of thought is dominant in society today. Taking into account this circumstance may prove to be important for settlement of a wide variety of disputed and conflicting moments.

Conclusion: The sphere of social interactions and meanings, created with the help of computers and digital technologies, was perceived or designed twenty years ago as fundamentally unrealistic or not real enough, and now it has evolved to the opposite sense: only what is represented on the Internet is perceived as the (only) real.

Keywords: social interactions; technologies; the Internet; social code; engineering thinking; everyday social authorship.

В данной статье я рассматриваю новый формат социальных взаимодействий, который уже в достаточной мере сложился и оформился в современном обществе, и который известный британский исследователь в области цифровой антропологии Дэниэл Миллер назвал «регулируемой социальностью» [см.: 14]. Речь идет о том, что, с одной стороны, распространенность технологий и социальных сетей приводит к тому, что ситуация лицом-к-лицу [см.: 1], в которой осуществляется общение, перестает во многих случаях быть неотменимой, и все больше социальных взаимодействий, осуществляемых при посредстве технологий, получают возможность быть отложенными, обдумантыми и отредактированными или

вовсе отмененными. С другой стороны, социальные взаимодействия все больше технологизируются, алгоритмизируются, организуются и осуществляются с помощью неких социально-инженерных конструкций, вообще инженерного мышления, и в этой связи, опять же, непосредственность момента и ситуации контакта лицом-к-лицу вообще ставится под вопрос как таковая. В итоге этих трансформаций мы получаем новое представление о том, в какой степени отдельный человек может влиять на свои социальные взаимодействия, а также и новые способы это влияние реализовывать.

Исследованиями социальных эффектов виртуальной реальности я начала заниматься в 1997 г. В то время все имевшиеся на тот момент исследования виртуальной реальности, социального пространства Интернета, социальных эффектов новых технологий и т. д. отличало одно общее свойство: общий большой энтузиазм по поводу появившихся новшеств, огромное количество исследовательских публикаций со стороны буквально всех областей гуманитарного знания [см., например: 2–9; 11; 15; 17–19]. Собственно, этот общий энтузиазм и стал одним из отправных пунктов моей диссертации, работу над которой я начала в 1997 г. Тогда я исходила из того, что, прежде всего, необходимо разобраться, что именно вызывает такой энтузиазм у многих исследователей этой проблематики – и, конечно, у пользователей Интернета, какое именно свойство Интернета до такой степени всех увлекает.

Когда я исследовала социальный смысл виртуальной реальности на том этапе ее технического становления, я сделала вывод о том, что самой удивительной характеристикой этого смысла на тот момент было то, что я назвала онтологической безответственностью виртуальной реальности [см.: 10]. Это означает, что многих вдохновило именно одно важное обстоятельство. Некоторый большой фрагмент социальной, intersubъективной реальности вдруг оказался объявлен нереальным или недо-реальным, обладающим некоторой недостаточной онтологией, и это сделало возможным превратить виртуальное пространство в некую тренировочную площадку для действий и качеств, отрабатывать которые в «реальной реальности» было по той или иной причине невозможно, неприемлемо, нежелательно, неудобно и т. д.

После первых 10–15 лет технического существования компьютерной виртуальной реальности ажиотажный интерес к ней и пользователей, и исследователей несколько угас, поскольку это был некий первоначальный интерес, вызванный именно возникновением и начальной стадией развития самих технологий виртуальной реальности. Когда все эти реалии стали делом привычным, то наступило некоторое затишье и в исследовательском их рассмотрении. Однако в то же время продолжали быстро развиваться сами технологии, подготавливая качественный скачок в их использовании, когда все пользователи найдут, что новые технологии действительно существенным образом изменяют их повседневную жизнь.

И вот теперь, в течение нескольких последних лет, мы снова видим состояние нового всеобщего энтузиазма по поводу технологий – как пользовательского по поводу самих этих технологий, сделавших очередной огромный качественный скачок, так и ученых, которые работают с этими

технологиями и изучают их смысл и значение, в том числе социальное. За последние годы возникли целые новые дисциплины и области знания – цифровая антропология, экономическая и социальная информатика, большие данные, машинное обучение и т. д. Технологии во всем их развитии на данном этапе, пожалуй, не воспринимаются уже ни как нечто новое, ни как что-то, могущее (хотя бы потенциально) быть отделенным от нашей жизни. Они полностью срослись с нашей жизнью во всех сферах, и наша жизнь тотально срослась с ними. Уже выросло целое поколение тех, кого Миллер называет *digital natives*, – это те люди, которые не застали жизни без компьютеров и всех современных технологий. То есть ощущения новизны этих достижений уже нет, и все же можно сказать, что общество до сих пор продолжает праздновать эти технологии, общее настроение по их поводу все еще приподнятое, энтузиазм по-прежнему есть, и он демонстрирует, по-видимому, даже некий новый подъем, новую волну.

И снова возникает вопрос: что же вызывает этот энтузиазм теперь уже на данном этапе? Сами возможности, которые дают нам технологии? Или к возможностям как таковым как раз все уже привыкли?.. Может быть, дело в тех переменах, которые новые технологии привнесли в социальные механизмы, и теперь мы празднуем уже, скорее, социальные изменения, последовавшие за внедрением и распространением технологий, чем непосредственно само внедрение и распространение технологий (как это было 15–20 лет назад)?

Видимо, мы испытываем теперь новую волну именно пользовательского, повседневного восторга технологизации – как это было на рубеже XIX–XX веков, когда технологии уже внедрены и используются настолько широко, что успели основательно изменить повседневную жизнь всех людей, в том числе и далеких от научных и технических разработок.

Всякий раз такое состояние празднования очередного большого скачка в развитии и внедрении технологий становится удивительным этапом в развитии человечества, который нельзя недооценивать. Каждый раз на протяжении исторического времени радость по поводу очередного этапа развития технологий помогает людям увеличивать контроль над своей жизнью и в других областях... Развитие технологий дает веру в то, что и в других областях подобное ощущение влияния человека на то, что происходит с ним в жизни, эффективное и надежное, – возможно.

Эта вера в возможность увеличения своего влияния на мир имеет некую промежуточную или сопутствующую стадию – ощущение, что в виде этих технологий мы получили, наконец, средство описать точными формулировками, неким программным кодом, всю сложность мира. Так проявляется человеческое стремление к гармонии. Или к предсказуемости? Значит, так проявляется человеческое свойство принимать иногда гармонию за предсказуемость. Или так проявляется стремление к гармонии в те эпохи, когда мы в очередной раз поддались желанию принять ее за предсказуемость.

Однако если мы снова настроены видеть только то «всё», которое может быть так или иначе посчитано или описано кодом, программой, то вот сейчас, именно на теперешнем этапе жизни человечества, возможно, впервые

повседневному наблюдателю оказывается более-менее понятным, каким именно образом оно посчитано. Код оказался, наконец, открытым. Это может звучать парадоксально, но «код всего» усложнился до такой степени, что стал выглядеть несложным для повседневного пользователя, то есть, на самом деле, с этим кодом произошло то же самое, что ранее – с настоящим программным кодом: он обрел понятный и удобный пользовательский интерфейс, открывший доступ к пользованию им тем, кто не может его написать. Код перестает быть не только старинной алхимической рукописью, понятной лишь немногим избранным и посвященным, он перестает даже, в некотором роде, обладать эзотеричностью нормальной науки нового времени, становясь чем-то вроде элементарной арифметики и азбуки. Его изучают дети. В этой связи уместно вспомнить исключительную популярность книг о Гарри Поттере, которая сама по себе стала не так давно предметом научных исследований [13]. Можно видеть, как когда-то давно «кодом всего» действительно была алхимия, затем – строго научная химия, и вот теперь – уже некий просто школьных курс химии, более-менее доступный всем (хотя, в случае саги о Гарри Поттере, доступный всем все же не в обычной, а в магической школе, – однако книгам о Гарри Поттере уже много лет, а теперь доступность новых технологий вполне распространяется на обыкновенных учеников обыкновенных школ).

Парадокс в том, что современному пользователю технологий кажется, что он лично причастен к этому новому владению миром, которое обеспечивает новая технологизация. В чем состоит это новое владение реальностью, к которому, как нам, пользователям, видится, все мы теперь причастны? В этом нет ничего нового: власть техники, технической разметки, наброшенной на мир, всегда была очень притягательной для людей, и, прежде всего, потому, что она дает чувство контроля над миром, над его хаосом и его порядками, она дает возможность выстроить, собственно, виртуальную реальность – реальность, созданную человеком, которую при известной степени веры в человеческий технический проект можно на постоянной основе считать единственной существующей реальностью, и эта реальность настолько обширна и подробна, что в ней можно жить и работать, никогда не выходя за ее пределы.

«В эпоху своего возникновения техника соотносилась с природой человека, взятой как целое, а эта природа играла определенную роль в каждом аспекте индустрии: таким образом, техника у своих истоков была широко ориентирована на жизнь, а не на труд и не на власть. Как и в любом другом экологическом комплексе, разнообразие человеческих интересов и целей, как и различные органические потребности, сдерживали чрезмерный рост какого-либо отдельно взятого компонента. И хотя язык стал наиболее могущественным средством символического самовыражения человека, он, как я попытаюсь показать, имеет началом тот же общий источник, из которого, в конечном счете, возникла машина, – это все тот же первобытный повторяющийся порядок ритуала, тип порядка, который человек вынужден был разработать для самозащиты и управления колоссальным избытком психической энергии, предоставляемым в его распоряжение его громадным мозгом» [5].

Можно сказать, что мы живем в эпоху нового массового техно-элитизма, когда доступ к технике имеют все, и все чувствуют себя по этому поводу некоторым образом привилегированными. Каждому подростку смутно кажется в глубине души, что войти в социальную сеть означает практически не только получить доступ к некоему большому универсальному коду, описывающему все в мире, но и стать причастным к авторству этого кода, к созданию этого кода. «Если тебя нет в Интернете, ты не существуешь», – сказал однажды Билл Гейтс. Восторг от пользования технологиями, от собственного присутствия в Интернете позволяет любому пользователю будто бы отказать в существовании тому, чего или кого в Интернете нет, т. е. отказать в существовании тому, что не описано кодом, а тем более тому, что, как может оказаться, кодом вообще не описываемо. Больше того – возможность такого отказа в реальности тому, чего нет в Интернете, получит любой из тех, кто «есть в Интернете», даже если «есть в Интернете» в его конкретном случае – это только «зависание» в соцсетях. Если же человек, например, работает или учится онлайн, или имеет свой онлайн-бизнес, то в таком случае для этого человека кодом описывается нечто вообще самое важное в жизни, то есть цифровое пространство начинает превосходить оффлайн и по экзистенциальной значимости и тогда, как следствие, – по онтологическому статусу.

Раньше было так: «Несчастий, последовавших за тем, как человек покинул животное царство, оказалось много, но и награды стали бесценными. Склонность человека сочетать свои фантазии и проекты, желания и намерения, абстракции и идеологии, с общими местами повседневного опыта сделалась, как мы теперь видим, важным источником его неизмеримых творческих способностей. Между иррациональным и сверхрациональным нет четкого водораздела, и трактовка этих амбивалентных сфер всегда была важнейшей проблемой для человека. И одной из причин отсутствия глубины в расхожих утилитаристских интерпретациях техники и науки является то, что они игнорируют факт, согласно которому этот аспект человеческой культуры – подобно любой другой грани человеческого существования – всегда был открыт как трансцендентальным чаяниям, так и демонической принудительности, – и никогда не выглядел столь открытым и уязвимым, как в наши дни» [5]. Можно сказать, что вопрос о технике – это всегда вопрос о границе между иррациональным и сверхрациональным, однако алхимик, физик, открыватель закона, действительный разработчик программного кода знает об этом, что главный вопрос – именно в этой границе, и что ему принимать под свою ответственность решение о том, где она будет проведена в случае с его разработкой. А вот пользователь, который видит перед собой только пользовательский интерфейс, ни о чем таком, вероятно, не догадывается, несмотря на то, что пребывает в иллюзии авторской причастности к разработке. Что происходит тогда? Вероятно, пользователь просто считает безусловно рациональным именно этот пользовательский интерфейс и то, что этот интерфейс описывает, то есть его контент, а остальное пользователь просто отбрасывает за ненужностью, непонятностью его статуса и неясностью того, как именно с ним обращаться. В данном случае рациональное, как его видит

пользователь в этой связи, сливается с онтологически валидным, с существующим. Таким образом, действительно получается, что то, чего нет в Интернете – не существует, по крайней мере, для массового пользователя Интернета. И в любом случае в результате этого пользовательского чувства причастности к разработке осуществляется принятие пользователями технического, инженерного мышления как основного взгляда на мир и трансфер этого мышления на разные сферы жизни, не связанные вроде бы с программированием и кодированием.

В применении к более гуманитарным областям жизни техническое мышление принимает вид проектного мышления в широком смысле, желание и возможность выстраивать всю жизнь и отдельные ее сферы как проекты осознанно и целерационально. Презентация в Интернете – от личной, на страничке в соцсетях, до коммерческого проекта – развивается чаще всего в рамках той же целерациональной стратегии, будучи ориентированной на целевую аудиторию и опосредованной идеями о том, что именно должно быть этой аудитории сообщено (исходя из ее характеристик и предпочтений), а что – ни в коем случае. Этот образ действий и мысли несет в себе огромную долю социального проектирования, авторства контекстов, ролей и взаимодействий. Если личные профили в соцсетях следуют этой модели чаще всего неосознанно, то коммерческие Интернет-проекты развиваются по правилам маркетинга как, опять же, технологии, целенаправленно, то есть Интернет-проект формирует и задает то, что *существует*, в том числе и в смысле социальных отношений. Оффлайн-торговля предлагает людям какие-то товары, которые кому-то из этих людей нужны, а кому-то – нет, при том, что маркетинг уже много десятков лет уговаривает оффлайн предпринимателей и продавцов, что нужно продавать не столько, собственно, товар, сколько некую философию, образ жизни и т. д., к которой привязывается этот товар. Однако реализовать эту концепцию в случае Интернет-торговли оказывается гораздо проще, чем в оффлайне. Когда вы продаете свой товар по всему миру, вам становится критически важна эта ваша некая особенная философия и стилистика, способная привлечь клиентов со всего мира именно к вам. Без этого в Интернете вообще не получится никакой торговли.

Если же вы не продаете, а покупаете, то и в этом случае вы не можете уже ничего «просто купить», не становясь при этом адептом бренда и философии купленного товара, – хотя бы потому, что выбор так огромен, что для того, чтобы его сделать, приходится обзаводиться какими-то очень вескими основаниями для покупки. Это происходит даже тогда, когда покупаете вы какую-то сущую мелочь, потому что онлайн-брендофилософии вокруг всего, что продается, в том числе вокруг любых малосущественных мелочей, получили такой неоспоримый онтологический статус. Коммерческая «легенда» вещи или услуги оказывается более реальной, в большей степени существующей, чем собственно та вещь, которую вам пришлют в результате этой онлайн-покупки.

Возможно, эти маркетинговые легенды воплощают некую фундаментальную тоску по временам гораздо менее многочисленных, зато

действительно символически и сакрально нагруженных предметов и смыслов, свойственных старинным и традиционным культурам. Чем более дешевыми и многочисленными становятся вещи, тем в большей степени, возможно, им стараются придать символический и сакральный статус «тех». Кстати, при посредстве Интернета эта невыполнимая задача становится, наконец, более выполнима. По крайней мере, до тех пор, пока все остается на чисто символическом уровне покупки онлайн, пока вещь не доставлена, некое утраченное уже в современной культуре волнение о приобретении действительно (экзистенциально) значимого пребывает на время с нами.

Особенно интересно здесь также и то, что, по большому счету, секрета коммерческого успеха вещи или услуги в случае с онлайн-торговлей не знает никто, поскольку дело совсем не только в самой вещи или ее характеристиках, а в том, сколько человек будут готовы «подхватывать» ее маркетинговую легенду, то есть, фактически, признать ее претензии на то, что она и есть реальность, причем экзистенциально значимая реальность. То есть, в конечном итоге, вопрос состоит в том, сколько человек окажутся готовы синхронизовать свою собственную, личную реальность с реальностью этой конкретной маркетинговой легенды, – дело именно в установлении этого контакта, соответствия. Если же реальность, как мы помним, описывается при этом кодом, что не может не предполагать определенную унификацию и условность, то важно заметить, что это самое совместное взаимное признание и опознавание смыслов в их конкретном выражении должно происходить именно на основании общего кода, его совместного опознавания как достаточно достоверного описания жизни и верификации в этом качестве. Формируется новая система условности – каким образом мы будем верифицировать смыслы друг друга через их специфическое и определенным образом условное, опять же выражение в онлайн-репрезентации. Таким образом, возникает новая социальная квалификация – узнавать свою реальность в этой, новым образом унифицированной и кодированной; так мы осваиваем и взаимно верифицируем новый код реалистичности. Видимо, это огромный сдвиг и скачок в культуре и истории человечества.

Таким образом, современный этап развития цифровых технологий и их социальная конструкция показывают нам, что наличие у новых технологий развитого пользовательского интерфейса, с одной стороны, и ширина охвата реальности ее цифровым описанием, с другой, приводят к тому, что «то, что есть в Интернете», начинает восприниматься как (единственно) реальное, и при этом на данной основе начинает создаваться новый социальный интересу субъективный код «того, что есть реальное». Перемены такой глубины и масштаба, конечно же, не могут не представлять собой масштабную и фундаментальную смену эпох в культуре человечества, хотя все очертания этого нового смыслового порядка нам сейчас, конечно, пока что не видны.

Список литературы

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.

2. Воронов А. И. Философский анализ понятия «Виртуальная реальность». Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. – СПб.: СПбГУ, 1999. – 22 с.
3. Иванов Д. В. Императив виртуализации. Современные теории общественных изменений. – СПб.: СПбГУ, 2002. – 212 с.
4. Ковалевская Е. В. Виртуальная реальность: философско-методологический анализ. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. – М.: РАНХиГС, 1998. – 21 с.
5. Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества. – М.: Логос, 2001. – 408 с.
6. Носов Н. А. Виртуальная психология. – М.: Аграф, 2000. – 432 с.
7. Носов Н. А. Виртуальная реальность // Вопросы философии. – 1999. – № 10. – С. 152–164.
8. Опенков М. Ю. Виртуальная реальность: онто-диалогический подход. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. – М.: МПГУ, 1997. – 38 с.
9. Прилукова Е. Г. Теле-виртуальная реальность: гносеологический аспект. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. – Магнитогорск: МГУК, 1999. – 17 с.
10. Таратута Е. Е. Социальный смысл виртуальной реальности. – СПб.: СПбГУ, 2007. – 147 с.
11. Хоружий С. С. Род или недород? Заметки к онтологии виртуальности // Вопросы философии. – 1997. – № 6. – С. 53–68.
12. Эко У. От Интернета к Гуттенбергу: текст и гипертекст // Новое литературное обозрение. – 1998. – № 32. – С. 5–14.
13. Blake A. The Irresistible Rise of Harry Potter. – London, New York: Verso, 2002. – 120 с.
14. Miller D., Horst H. A. The Digital and the Human: A Prospectus for Digital Anthropology // Digital Anthropology. – London, New York: Bloomsbury, 2012. – С. 3–38.
15. Turkle S. Life on the Screen: Identity in the Age of Internet. – New York: Simon and Shuster, 1997. – 352 с.
16. Buehl A. Cyber Society. Mythos und Realität der Informationsgesellschaft. – Koeln: PapyRossa-Verlag, 1996. – 276 с.
17. Shields R. (Ed.) Cultures of Internet (Virtual Spaces, Real Histories, Living Bodies). – London: Sage Publications, 1996. – 208 с.
18. Jones S. G. (Ed.) Virtual Culture. Identity and Communication in Cybersociety. – California: Sage Publications, 1997. – 272 с.
19. Wooley B. Virtual Worlds. A Journey in Hype and Hyperreality. – Oxford: Blackwell, 1992. – 274 с.

References

1. Berger P. L., Luckmann T. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge (*Sotsialnoe konstruirovaniye realnosti. Traktat po sotsiologii znaniya*). Moscow, Medium. 1995, 323 p.

2. Voronov A. I. Philosophical Analysis of the Concept of “Virtual Reality”. Abstract of the Ph. D. Degree Thesis in Philosophy [*Filosofskiy analiz ponyatiya “Virtualnaya realnost”*]. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata filosofskikh nauk]. St. Petersburg, SPbGU, 1999, 22 p.
3. Ivanov D. V. The Virtualization Imperative. Modern Theories of Social Change [*Imperativ virtualizatsii. Sovremennye teorii obschestvennykh izmeneniy*]. St. Petersburg, SPbGU, 2002, 212 p.
4. Kovalevskaya E. V. Virtual Reality: Philosophical and Methodological Analysis. Abstract of the Ph. D. Degree Thesis in Philosophy [*Virtualnaya realnost: filosofsko-metodologicheskiy analiz. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata filosofskikh nauk*]. Moscow, RANKhiGS, 1998, 21 p.
5. Mumford L. The Myth of the Machine [*Mif mashiny. Tekhnika i razvitie chelovechestva*]. Moscow, Logos, 2001, 408 p.
6. Nosov N. A. Virtual Psychology [*Virtualnaya psikhologiya*]. Moscow, Agraf, 2000, 432 p.
7. Nosov N. A. Virtual Reality [Virtualnaya realnost]. *Voprosy filosofii* (Questions of Philosophy), 1999, № 10, pp. 152–164.
8. Openkov M. M. Virtual Reality: Ontological-Dialogue Approach. Abstract of the Thesis for the Doctor of Philosophy Degree [*Virtualnaya realnost: ontologicheskii podkhod. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni doktora filosofskikh nauk*]. Moscow, MPGU, 1997, 38 p.
9. Prilukova E. G. Tele-Virtual Reality: The Epistemological Aspect. Abstract of the Ph. D. Degree Thesis in Philosophy [*Tele-virtualnaya realnost: gnoseologicheskii aspekt. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata filosofskikh nauk*]. Magnitogorsk, MGUK, 1999, 17 p.
10. Taratuta E. Social Meaning of Virtual Reality [*Sotsialnyy smysl virtualnoy realnosti*]. St. Petersburg, SPbGU, 2007, 147 p.
11. Horuzhy S. S. The Being or Not-Enough-Being? Notes on the Ontology of Virtuality [*Rod ili nedorod? Zametki k ontologii virtualnosti*]. *Voprosy filosofii* (Questions of Philosophy), 1997, № 6, pp. 53–68.
12. Eco U. From the Internet to Gutenberg [Ot Interneta k Guttenbergu: tekst i gipertekst]. *Novoe literaturnoe obozrenie* (New Literary Review), 1998, № 32, pp. 5–14.
13. Blake A. *The Irresistible Rise of Harry Potter*. London, New York, Verso, 2002, 120 p.
14. Miller D., Horst H. A. The Digital and the Human: A Prospectus for Digital Anthropology. *Digital Anthropology*. London, New York, Bloomsbury, 2012, pp. 3–38.
15. Turkle S. *Life on the Screen: Identity in the Age of Internet*. New York, Simon and Shuster, 1997, 352 p.
16. Buehl A. *Cyber Society. Mythos und Realität der Informationsgesellschaft*. Koeln, PapyRossa-Verlag, 1996, 276 p.
17. Shields R. (Ed.) *Cultures of Internet (Virtual Spaces, Real Histories, Living Bodies)*. London, Sage Publications, 1996, 208 p.

18. Jones S. G. (Ed.) *Virtual Culture. Identity and Communication in Cybersociety*. California, Sage Publications, 1997, 272 p.

19. Wooley B. *Virtual Worlds. A Journey in Hype and Hyperreality*. Oxford, Blackwell, 1992, 274 p.

УДК 008; 004.946

Виртуализация информационной среды: средства и возможности дизайна*

Калайкова Юлия Владимировна – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный архитектурно-художественный университет», кафедра графического дизайна, аспирант, Екатеринбург, Россия.

E-mail: pictaplasma@gmail.com

620075 Россия, г. Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, д. 23.

тел.: 8-962-3-888-133.

Панкина Марина Владимировна – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный профессионально-педагогический университет», кафедра дизайна интерьера, профессор, доктор культурологии, доцент, Екатеринбург, Россия.

E-mail: marina-pankina@rambler.ru

620012 Россия, Екатеринбург, ул. Машиностроителей, д. 11,

тел.: 8 902 87 37 161.

Состояние вопроса: С активным развитием виртуальной информационной среды значительно возрастают роль и возможности дизайна как деятельности по производству визуальных образов новых объектов и пространств. Дизайн становится одним из ключевых инструментов настоящего и будущего развития самой виртуальной реальности. Задача исследования – определить специфику процесса проектирования и объектов дизайна в виртуальной информационной среде, степень его влияния для дальнейшего поиска и анализа принципов, методов и средств дизайна в виртуальной информационной среде.

Результаты: Возможности и ограничения виртуальной информационной среды определяют специфику дизайна и его роль в формировании нового нематериального пространства. Для дизайна перемещение области деятельности из реальной действительности в виртуальную знаменует появление новой коммуникационной среды и, как следствие, трансформацию объекта дизайна и характера проектирования.

Виртуальная информационная среда становится мощным средством коммуникации, собравшим воедино множество каналов перцептивного воздействия на пользователя, включая интерактивность. Дизайн становится инструментом упорядочивания, детерминации и адаптации информации, обеспечения обратной связи.

Область применения результатов: Особенности дизайна и объектов дизайн-проектирования в виртуальной информационной среде станут краеугольным камнем в определении специфических навыков, необходимых

* © Ю. В. Калайкова, М. В. Панкина, 2017.

для эффективного проектирования. Выявленные на их основе принципы могут быть использованы в качестве критериев эффективности при оценке дизайн-проектов в виртуальной информационной среде.

Выводы: Основными задачами дизайнера при проектировании объекта виртуальной информационной среды становятся: упорядочивание, детерминация и адаптация информации, организация коммуникации в рамках системы и обеспечение её «обратной связью»; возрастает социокультурная роль и ответственность профессионала.

Ключевые слова: дизайн; виртуальная информационная среда; виртуальная реальность; интерактивность; объекты дизайна; коммуникация.

Virtualization of the Information Environment: Tools and Design Possibilities

Kalaykova Julia Vladimirovna – Ural State Architectural and Art University, department of graphic design, Ph. D. student, Yekaterinburg, Russia.

E-mail: pictaplasma@gmail.com

23, Karl Liebkecht st., Ekaterinburg, 620075, Russia.

tel: 8-962-3-888-133.

Pankina Marina Vladimirovna – Russian State Professional and Pedagogical University, Interior Design Department, Professor, Doctor of Cultural Studies, Yekaterinburg, Russia.

E-mail: marina-pankina@rambler.ru

11, Mashinostroiteley st., Yekaterinburg, Russia, 620012,

tel: 8-902-87-37-161.

Abstract

Background: With the active development of the virtual information environment, the role and possibilities of design as an activity for the production of visual images of new objects and spaces significantly increase. Design becomes one of the key tools for the present and future development of virtual reality itself. The program of the research is to determine the specifics of the design process and design objects in a virtual information environment, the degree of its influence for further search and analysis of principles, methods and design tools.

Results: The possibilities and limitations of the virtual information environment determine the specifics of design and its role in the formation of a new non-material space. For the design, shifting the focus of activity from real to virtual reality marks the emergence of a new communication environment and, as a consequence, the transformation of the design object and the design style.

The virtual information environment becomes a powerful means of communication, which has brought together many channels of perceptual influence on the user, including interactivity. Design is a tool for ordering, determining and adapting information, providing feedback.

Implications: The design features and design objects in the virtual information environment will be the cornerstone in determining the specific skills required for effective design. The principles revealed on their basis can be used as criteria for effectiveness in the evaluation of design projects in a virtual information environment.

Conclusion: The main tasks of the designer when working with an object of a virtual information environment are as follows: ordering, determining and adapting information, organizing communication within the system and providing it with "feedback", with the socio-cultural role and responsibility of the professional growing.

Keywords: design; virtual information environment; virtual reality; interactivity; objects of design; communication.

Множество научных и ненаучных работ последних лет посвящены исследованию виртуальной реальности – настолько привлекательной, таинственной и нередко пугающей, столь близкой и родной многим и одновременно чуждой другим. Эти работы преследуют цель поиска верного вектора развития и одновременно способов формирования виртуальной реальности, её значения и влияния на человеческую жизнь. Особый интерес представляет исследование виртуальной среды, генерируемой посредством информационных технологий, – вероятной предтечи виртуальной реальности. Данную статью мы посвятим специфике и эволюции дизайна в виртуальной среде.

В отечественной литературе последних лет выделяют более двух десятков определений виртуальной реальности [7], рассматривающих понятие с двух позиций. Первая подразумевает, что виртуальная реальность – это искусственно созданная среда, подменяющая обычное восприятие окружающей действительности информацией, генерируемой различными техническими средствами, такими как: радио (радио-среда), фотоаппарат, воссоздающий в редуцированном виде визуальную действительность, телевидение, имитирующее движение и т. п. Другой подход отмечает виды виртуальной реальности, возникшие в результате творческой активности воображения либо изменения работы сознания посредством внешнего биохимического воздействия на головной мозг [2; 3; 4].

Мы же рассматриваем виртуальную реальность как информационную среду, созданную посредством использования компьютерных технологий, то есть существующую в режиме взаимодействия «человек – компьютер». Для уточнения понятийного аппарата введём термин «*виртуальная информационная среда*», где продуцирование виртуального будет связано исключительно с развитием компьютерных технологий.

Многие исследователи утверждают, что истинная сущность виртуальной реальности заключается в полном погружении человека в некую искусственную среду, объекты которой он способен увидеть, услышать, иногда осязать и обонять, взаимодействовать с ними [5]. Наше настоящее общение с

новыми технологиями является лишь начальным этапом на пути к «истинной виртуальности»: постепенное развитие интерактивности, трансформация пространства, изменение характера коммуникации. Новая информационная среда выступает средством изменения действительности, но в то же время не является его альтернативой. Потому, с одной стороны, мы находимся в ситуации, когда объекты виртуальной среды существуют как субстанции реального мира – инструменты для нашей реальности. С другой стороны, подобно любым изменениям, происходящим в результате развития технологий, компьютер начинает порождать продукт совершенно нового типа (мультимедийный – цифровое искусство, программирование, компьютерные игры и т. п.), существующий лишь в электронной форме, обладающий самобытностью [6].

Однако эти «миры» постоянно пересекаются, дополняя друг друга – технологии качественно меняют сущность привычных вещей. Например, навигатор становится не только электронным прототипом бумажной карты, но также совершенствует её – добавляет интерактивность, представляя объект на качественно новом уровне. В данном случае мы имеем не только наглядный ориентир в пространстве – аудиальная функция вкупе с возможностью взаимодействия превращают инструмент в прилежного помощника и даже собеседника.

Все объекты дизайна в виртуальной информационной среде можно условно разделить на три типа, которые демонстрируют её эволюцию.

1. Электронные версии действительной реальности (книги, аудиофайлы, фотографии и т. п.). Не модифицируют основную функцию объекта, но перемещают традиционный объект в виртуальное информационное пространство.

2. Усовершенствованные с помощью компьютерных технологий объекты нашей среды (карты-навигаторы, электронные книги, простые компьютерные игры и т. п.). Взятые за основу традиционные объекты качественно переосмысливаются на новом технологическом уровне (как правило, приобретают функцию интерактивности).

3. Самобытные объекты виртуальной информационной среды (3D модели, веб-ресурсы, виртуальные миры и т. п.). Появились исключительно благодаря развитию компьютерных технологий.

Для дизайна перемещение области деятельности из реальной действительности в виртуальную знаменует появление новой коммуникационной среды и, как следствие, трансформацию объекта дизайна и характера проектирования [5]. Многочисленные дискуссии, посвящённые проблеме существования дизайна в виртуальной среде, утверждают его скорое тотальное исчезновение. По мнению других авторов, сохранение актуальной в XXI веке тенденции к информатизации знаменует не только спасение профессии, но и её развитие в совершенно новом ключе. Дизайн, будучи сильным инструментом построения коммуникаций, приобретёт одну из ведущих ролей в организации нового пространства; являясь центральным

фактором гуманизации инновационных технологий, он выступит в качестве медиума [1].

Подобно нашему миру, состоящему из атомов и микрочастиц, виртуальная среда основана на иной, но очень схожей по своей структуре «числовой материи», на основе которой мы воссоздаём копию первичной реальности. Однако в воссозданном мире нам полностью подвластно управление физикой – создание иных пространств, объектов, логики событий. Дизайнер наряду с техническими специалистами предстаёт в этом мире «демиургом», создающим новое виртуальное существо, и позволяет пользователю в той или иной степени влиять на процесс «бытия». Несмотря на то, что психика человека воспринимает реальности как несводимые друг к другу пространства и ментально существует лишь в одном из них, виртуальность может развернуться в самостоятельную субстанцию или стать неотъемлемой частью физического мира. В результате возникает зависимость: чем сильнее связь пользователя с виртуальной информационной средой, тем крепче становится механизм воздействия на него со стороны дизайнера [2; 3].

В сферу влияния дизайнера попадает именно момент интерактивности. Интерактивность – это принцип организации системы, при котором цель достигается информационным обменом элементов этой системы.

Интерактивность виртуальной среды обусловлена, в первую очередь, наличием дополнительных инструментов (мышки, клавиатуры, сенсорного экрана), с помощью которых мы взаимодействуем с устройством. Для того, чтобы прочитать книгу в реальной жизни, нам необходимо сначала взять её, затем открыть, найти нужную страницу, принять подходящую позу... В виртуальном пространстве подобные процессы связаны с помощью алгоритмов – каждый шаг определён и визуализирован; если ранее взаимодействие происходило в одну сторону – в виде послания дизайнера потребителю, то новые объекты дизайна предполагают постоянную обратную связь. Таким образом, задачей дизайнера становится описание и оформление автоматизированной системы коммуникаций там, где это необходимо – например, при разработке информационной системы обучения.

Вывод. В стремительном потоке хаотичных данных, аккумулируемых виртуальной информационной средой, дизайн становится инструментом их упорядочивания, детерминации и адаптации для восприятия, обеспечения обратной связи. Особенность дизайна виртуальной среды заключается в специфике объектов проектирования, существующих отдельно от традиционных, но в то же время воссозданных на их основе, подчиняющихся законам виртуальной среды. До тех пор, пока есть обозримая граница между двумя реальностями, дизайн будет работать над приспособлением виртуальности под человека, его потребности и возможности, а объекты дизайн-проектирования будут нести функцию обеспечения взаимодействия пользователя с виртуальной информационной средой.

Список литературы

1. Аронов В. Р. Проблемы дизайна-5: Сборник статей. – М.: Антипроект, 2009 г. – 320 с.
2. Бычков В. В., Маньковская Н. Б. Виртуальная реальность как феномен современного искусства. // Эстетика: Вчера. Сегодня. Всегда. – 2006. – № 2. – С. 32–61.
3. Бычков В. В., Маньковская Н. Б. Виртуальная реальность в пространстве эстетического опыта // Вопросы философии. – 2006. – № 11. – С. 47–59.
4. Ладов В. А. VR-Философия (философские проблемы виртуальной реальности): Учебно-методическое пособие. – Томск: Издательство Томского Университета, 2004. – 62 с.
5. Маньковская Н. Б. Эстетика постмодернизма. – СПб.: Алетейя, 2000. – 347 с.
6. Розенсон И. А. Дизайн в информационной среде // Основы теории дизайна: учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2009. – 215 с.
7. Соснина Т. Н. Определение понятия «виртуальность». Анализ терминологического статуса // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2017. – № 2(16). – С. 11–19 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fikio.ru/?p=2566> (дата обращения 27.11.2017).

References

1. Aronov V. R. Problems of Design-5: Articles [*Problemy dizayna-5: Sbornik statey*]. Moscow, Antiproekt, 2009, 320 p.
2. Bychkov V. V., Mankovskaya N. B. Virtual Reality as a Phenomenon of Contemporary Art [Virtualnaya realnost kak fenomen sovremennogo iskusstva]. *Estetika: Vchera. Segodnya. Vsegda* (Aesthetics: Yesterday. Today. Always), 2006, № 2, pp. 32–61.
3. Bychkov V. V., Mankovskaya N. B. Virtual Reality in the Space of Aesthetic Experience [Virtualnaya realnost v prostranstve esteticheskogo opyta]. *Voprosy filosofii* (Questions of Philosophy), 2006, № 11, pp. 47–59.
4. Ladov V. A. VR-Philosophy (Philosophical Problems of Virtual Reality) [*VR-Filosofiya (filosofskie problemy virtualnoy realnosti)*]. Tomsk, Izdatelstvo Tomskogo universiteta, 2004, 62 p.
5. Mankovskaya N. B. Aesthetics of Postmodernism [*Estetika postmodernizma*]. Saint Petersburg, Aleteyya, 2000, 347 p.
6. Rozenson I. A. Design in the Information Area [*Dizayn v informatsionnoy srede*]. Saint Petersburg, Piter, 2009, 215 p.
7. Sosnina T. N. The Definition of the Notion “Virtuality”. The Terminological Status Analysis [Opredelenie ponyatiya “virtualnost”. Analiz terminologicheskogo statusa]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* (Philosophy and Humanities in Information Society), 2017, № 2(16), pp. 11–19. Available at: <http://fikio.ru/?p=2566> (accessed 27 November 2017).

УДК 130.2

Религия как технологическое расширение первобытного человека*

Нагорнов Евгений Александрович – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Нижегородская государственная медицинская академия», кафедра социально-гуманитарных наук, кандидат культурологии, старший преподаватель, Нижний Новгород, Россия.

E-mail: evnagor@mail.ru

603028, Россия, Нижний Новгород, ул. Тихорецкая, д. 5-а, кв. 43,
тел.: +7 (8312) 279-38-78.

Авторское резюме

Состояние вопроса: В научной литературе культурологические аспекты взаимосвязи религии и технологии в универсуме культуры изучены мало, хотя работ, исследующих их по отдельности, вне всякой компаративистики, к настоящему моменту опубликовано значительное количество.

Результаты: В современной теории культуры исследуется культурологическое взаимоотношение религии и технологии, дается сравнительный анализ культурных установок религиозного и технологического субъектов, анализ самой картины мира в культурных мирах религии и технологии, религия рассматривается, в частности, в технологическом срезе. Анализ этого круга проблем позволяет утверждать: религия и технология взаимосвязаны в процессе культурной жизнедеятельности человека и диалектически взаимодействуют между собой в универсуме культуры. Преобразовательский, активистский элемент религиозной культуры, направленный на творение «нового мира» и проясняемый через идею изобретения, через трудовую активность исторического субъекта имеет место как в первобытной, так и в современной культуре. Мистические операции Л. Леви-Брюля и технологические расширения М. Маклюэна являются примером технологического мироотношения.

Область применения результатов: Учет различных аспектов взаимодействия религии и технологии в культуре расширяет возможности исследований в области антропологии, этнологии, культурологи, теории культуры.

Выводы: Есть много общего в динамике диалектического взаимоотношения религии и технологии в рамках первобытной и электронной культуры, в их отношении к миропониманию человека, к культурной практике исторического субъекта. Генезис религиозных представлений в контексте технологического изобретательского процесса будет логично рассматривать через призму исследований Л. Леви-Брюля и М. Маклюэна. Можно утверждать, что на современном этапе развития технология способна выполнять и

* © Е. А. Нагорнов, 2017.

свойственные религии функции объединения человечества, создавая пространство «глобальной деревни».

Ключевые слова: религия; технология; магия; миф; партиципация; электронная эра; активизм; первобытная культура; радио; телевидение.

Religion as a Technological Extension of Primitive Man

Nagornov Evgeny Alexandrovich – Nizhny Novgorod State Medical Academy, Department of Social and Human Sciences, Ph. D. (Cultural studies), Assistant Professor, Nizhny Novgorod, Russia.

E-mail: evnagor@mail.ru

5-a, Tikhoretskaya st., apt. 43, Nizhny Novgorod, 603028, Russia,

tel: +7 (8312) 279-38-78.

Abstract

Background: In academic literature, the cultural study aspects of the relationship between religion and technology in the universe of culture have not been studied thoroughly. Nevertheless, there are many papers which investigate these issues separately, without any comparative analysis.

Results: The modern theory of culture studies the cultural relationship of religion and technology. A comparative analysis of the cultural attitudes of religious and technological subjects is made. The world outlook in the cultural framework of religion and technology is examined. Religion is considered, in particular, in connection with technology. The analysis of this range of problems makes it possible to say that religion and technology are interrelated in human cultural life, and they interact dialectically in the universe of culture. The transformative, active element of religious culture aimed at creating a “new world” and explained with the help of the idea of invention, the labor activity of the historical subject exists both in primitive and modern culture. The mystical operations of L. Levy-Bruhl and M. McLuhan’s technological extensions are an example of a technological world relation.

Research implication: The consideration of various aspects of the religion and technology interaction in culture extends the possibilities of research in the field of anthropology, ethnology, cultural studies, and culture theory.

Conclusion: There is much in common in the dynamics of the dialectical relationship between religion and technology in the framework of primitive and electronic culture, in their relation to the human world outlook, to the cultural practice of the historical subject. The genesis of religious notions in the context of the technological inventive process should be logically considered on the basis of the studies of L. Levy-Bruhl and M. McLuhan. At the present stage of development, technology is capable of performing quite religious functions of uniting humankind, creating the space of the “global village”.

Keywords: religion; technology; magic; myth; participation; electronic era; activism; primitive culture; radio; television.

В статье развиваются основные идеи нашего диссертационного исследования о взаимоотношении религии и технологии в культуре как технологических типов мироотношения. Целью является прояснение религиозных представлений в контексте технологического изобретательства через взаимосвязь религии и технологии в культурной жизнедеятельности первобытного человека. Кроме этого исследуется онтологическая близость мировоззрения первобытного человека, опирающегося на магию, мировоззрению современного человека информационной эпохи, опирающегося на электронные технологии.

Маркс отмечал: «Технология вскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а вместе с тем и его общественных условий жизни и приистекающих из них духовных представлений» [6, с. 383]. Отсюда цель исследователя – «из данных отношений реальной жизни вывести соответствующие им религиозные формы» [6, с. 383]. Здесь следует искать причины, вызвавшие к жизни веру в потусторонний мир, в сверхчувственные существа, во вмешательство духов, в магическую силу определенных действий.

Религия приистекает из самой преобразующей деятельности человека, из его жизненных потребностей.

Каким образом вполне реальное деятельностное и изобретательное начало превращается в «сверхъестественное», а потом как это «сверхъестественное» начало, уже на современном витке развития, снова возвращается в технологию? Какова основа «коллективных представлений» первобытного человека? И как выделить из первобытной религиозной мистики, где «всякая действительность мистична, как мистично всякое действие и всякое восприятие» [1, с. 10], реальную технологическую основу?

С этой целью следует обратиться к мифу, к структурам первобытного мышления, к механизму архаичных партиципаций. В них мы можем увидеть, как уже существующие виды человеческой деятельности и изобретательства начинают «освящаться», приобретают соответствующее символическое выражение и *артикулируются* в особое *священное* пространство. Через пространство мифа раскрывается и онтологическая близость первобытного и современного человека электронной эпохи. Это и получает обоснование в философии М. Маклюэна.

Ключевыми понятиями для сближения религии и технологии внутри мифа для нас будут понятия *силы, действия, мистических операций*, информационного поля и «технологического расширения» М. Маклюэна.

1. Технологическое основание первобытной религии

Согласно взглядам Х. Ортеги-и-Гассета, верования – это «не более чем придуманные человеком интерпретации того, что в процессе своей жизни он обнаруживает в себе самом и вокруг себя», «образы бытия», «способы поведения», имеющие объективное выражение в социальном бытии. Религия является у Ортеги внутренним воображаемым «миром» потому, что она «имеет образ и содержит в себе некий порядок, некий план», позволяя субъекту

уходить от хаоса первичной реальности. Как говорит Ортега: «...мир – это прежде всего орудие, изготовленное человеком, а процесс изготовления и есть сама человеческая жизнь, бытие. Человек рожден создавать миры» [7, с. 255]. И продолжает: «Событие не принадлежит истории, если его нельзя возвести к извечному истоку, где берет начало и становится реальностью все, что образует жизнь человека» [7, с. 282]. Т. е. социально значимое событие должно получить дополнительную легитимацию и «сакрализацию» «священного пространства», что и демонстрирует история человечества на всем её протяжении. Событие должно стать органической частью некоего «организованного мира», установить некую «территоризацию», замкнуть на себе «синтагматические цепочки» (Леви-Стросс), войти в соответствующую систему кодирования.

М. Элиаде также утверждает: «Желание религиозного человека жить в священном равноценно его стремлению очутиться в объективной реальности, не дать парализовать себя бесконечной относительностью чисто субъективных опытов, жить в реальности, в действительном, а не иллюзорном мире» [10, с. 27].

В первобытной культуре значимо только то, что получает санкцию из рук богов, создавших человека и важные для него технологии, а заодно и впервые открывших ритуалы почитания. Отсюда – важность погружения в «первичную ситуацию», в «золотое» время, в котором еще «присутствовали боги и мифические Предки, когда они занимались сотворением Мира или его устройством, либо когда они открывали человеку основы цивилизации». «Человек желает обнаружить активное присутствие богов, он стремится также жить в свежем, чистом и “сильном” Мире, в таком, каким он вышел из рук Создателя» [10, с. 61].

Станислав Лем также отмечает: «Каждая религия – это застывшая кодификация определенных, как бы интенциональных актов, которые дали **начало миру** и подготовили его к появлению человека» [2, с. 215].

С точки зрения В. К. Никольского, «во всякой вещи первобытное сознание интересуется не объективными признаками и свойствами, а мистической силой, проводником которой является данная вещь, так как эта мистическая сила является не исключительным свойством данной вещи, а чем-то общим для целого ряда вещей... – первобытное сознание в сочетании, ассоциировании представлений считается не с реальными свойствами вещей, а с мистическими силами, которые в них, якобы заключены, которые действуют в них в качестве причин» [1, с. 11]. Леви-Брюль отмечает: «Наиболее важными для них свойствами этих существ и предметов являются таинственные силы последних, их мистические способности» [1, с. 79]. Этот закон Леви-Брюль называет законом *партиципации* (сопричастия). По мнению антрополога, «пра-логическое мышление не объективирует, таким образом, природу. Оно, скорее, воспринимает ее в конкретном переживании, чувствуя свою сопричастность с ней, ощущая повсюду партиципации; эти комплексы сопричастности оно выражает в социальных формах» [1, с. 142]. Технологическое орудие само по себе не является ценным для коллективных представлений первобытного сознания, но оно становится крайне важным, будучи сопричастным

таинственной сверхъестественной силе. Только так орудие приобретает необходимое активистское начало, могущее изменять реальность. Только так оно погружается в особое сакральное пространство силы действия.

То есть, чтобы действовать, технология должна покрыться пленкой сверхъестественного начала, **артикулироваться** в нем. Леви-Брюль отмечает: «Эти средства и приемы должны, на взгляд первобытного человека, обладать магической силой, быть облечены, так сказать, в результате особых операций мистической мощью, совершенно так же, как в восприятии первобытного человека объективные элементы включены в мистический комплекс» [1, с. 214]. С точки зрения первобытного мышления, «без совершения магических операций самый опытный охотник и рыболов не встретит ни дичи, ни рыбы. Они ускользнут из его сетей, с его крючков, его лук или ружье дадут осечку, добыча, даже настигнутая метательным снарядом, останется невредимой, наконец, уже будучи раненой, она затеряется так, что охотник ее не найдет» [1, с. 214]. Мистические операции выступают некоей сверхъестественной технологией для дикаря: «Без этих операций не стоит даже и приниматься за дело» [1, с. 214].

Данные операции сопровождаются формированием партиципаций. Оружие и охотничье снаряжение в ходе партиципаций должны «подвергнуться магическим операциям, которые наделяют их особой силой» [2, с. 218]. Во всех первобытных обществах есть особая социальная роль – «проводника магической связи», особого человека (шамана, знахаря, колдуна), «восстанавливающего нормальные отношения между общественной группой охотника и группой убитого зверя» [1, с. 222]. Именно он формирует через партиципацию «магическую силу успеха» для племени в его предприятиях. Без него, без его заклинаний и магических обрядов технология не будет работать. Так естественное «отзеркаливается» в сверхъестественном, в этом идеальном отражении материальных процессов. Религиозные церемонии и сам естественный процесс у дикаря не различается: «Пра-логическое мышление характеризуется тем, что (а это и делает столь затруднительным его воспроизведение для нас) для него совершенно не существует подобного различия: операции того и другого рода образуют единый, не поддающийся разложению образ действия. С одной стороны, все действия, даже наиболее положительные, имеют мистический характер. Лук, ружье, сеть, конь охотника и воина – все это сопричастно таинственным силам, приводимым в действие церемониями» [1, с. 228]. То есть формируется некое особое пространство, своего рода электрическое поле, фон, благодаря которому технологии приводят к успеху. Малейшее нарушение разрушает фон, а, следовательно, разрушает все партиципации и обрекает племя на гибель. Причем *фон магических операций для первобытного мышления представляется гораздо более важным, чем даже непосредственный естественный технологический процесс*. И вот почему: «Для первобытных людей слова, особенно те, которые выражают коллективные представления, воспроизведенные в мифах, – мистические реальности, из которых каждая определяет некое силовое поле» [1, с. 403].

Здесь нет визуальных, линейных представлений, присущих цивилизованному письменному человеку в его прогнозах и взглядах на природу. Как пишет Леви-Брюль: «Поведение в нашем обществе основано всегда на представлении о порядке и системе явлений, подчиненных законам и свободных от всякого произвольного вмешательства» [1, с. 229]. А первобытный человек имеет перед собой совершенно другую реальность, реальность не прогнозируемой статики, но внезапного действия, не упорядоченности, но хаоса: «Реальность, которой окружена социальная группа, ощущается ею как мистическая: все в этой реальности сводится не к законам, а к мистическим связям и сопричастностям» [1, с. 229]. И к этому он себя и готовит. Отчасти это напоминает современную реальность информационной эры, где субъект утопает в волнах информации и молниеносных событий. Леви-Брюль отмечает: «Сила, влияние, более могущественный дух, побеждающий это влияние, – вот кто устанавливает или разрывает связи, партиципации, от которых зависит жизнь и смерть» [1, с. 255]. От которых зависит и работа технологии: «Для данного мышления не существует случайных отношений» [1, с. 263]. Леви-Брюль утверждает: «Так как таинственные силы всегда ощущаются как присутствующие везде и всюду, то чем более случайным кажется для нас событие, тем более знаменательно оно в глазах первобытного человека» [1, с. 336]. По мнению ученого, «предассоциации, которые имеют не меньше силы, чем наша потребность связывать всякое явление с его причинами, устанавливают для первобытного мышления, не оставляя места для колебаний, непосредственный переход от данного чувственного восприятия к данной невидимой силе» [1, с. 348]. Только технология, сопричастная невидимой силе, способна изменять окружающий мир и выстоять под давлением природного хаоса.

Леви-Брюль приводит высказывание мисс А. Флетчер, изучавшей быт североамериканских индейцев: «Они рассматривали все одушевленные или неодушевленные формы, все явления как проникнутые общей жизнью, непрерывной и похожей на волевою силу, которую они создавали в себе самих. Таинственную силу, наличную во всех вещах, они назвали вакачада, этим путем все вещи оказывались связанными с человеком и между собой» [1, с. 144]. Все жизненно важные общественные практики: сбор урожая, собирательство, рыбная ловля, охота – являются актом, «религиозным по своей сущности»: «Благополучие гуичолов зависит от числа оленей, убитых в этот момент, точно так же, как зависит оно от количества собранного гикули; охота сопровождается теми же церемониальными обрядами, ей сопутствуют те же коллективные эмоции, с которыми связан сбор священного растения» [1, с. 136]. Леви-Брюль отмечает: «Член первобытного общества живет и действует среди существ и предметов, которые все, кроме свойств, которые за ними признаем и мы, обладают еще и мистическими способностями: к их чувственной реальности примешивается еще и некая иная» [1, с. 81]. Складывается ситуация, когда «весь мир он мыслит под знаком духов, все происходит вследствие воздействия одного духа на другого» [1, с. 82]. Мисс Кингсли, изучавшая народы африканского континента, отмечает: «Во всех

поступках своей повседневной жизни африканский негр показывает, что он живет среди целого мира могущественных духов... Перед тем как отправиться на охоту или войну, он натирает свое оружие магическим веществом, для того чтобы укрепить заключенных в оружии духов» [1, с. 82]. Другими словами, технология становится эффективной, только если ей удастся «подключиться» (партиципироваться) к процессу «циркуляции между этими существами и предметами крайне важной для племени мистической силы» [1, с. 140].

Религиозная технология сверхъестественного в данной культуре позволяет «осмыслить» то или иное действие, «расколдовать» его, а значит и **управлять** им. Она становится необходимой для человека везде, где реальная технология «не справляется». Это, согласно советскому историку Ю. П. Францеву, характерно уже для самых ранних этапов человеческого развития: «Они (первобытные люди – Е. Н.) в бессильном вожделении наделяют сами предметы или явления природы сверхъестественными свойствами, надеясь, что эти предметы удовлетворят их желания. Например, какой-нибудь камень принесет удачу на охоте или обильный улов рыбы и т. д.» [9, с. 73].

Таким образом, корни религии – в реальных практических нуждах исторического субъекта, она возникла как технология сверхъестественного, как «технологическое расширение» первобытного человека. Согласно Леви-Брюлю, «мифы, погребальные обряды, аграрные обычаи, симпатическая магия не кажутся порожденными потребностью в рациональном объяснении: они являются ответом на потребности, на коллективные чувства, гораздо более властные, могущественные и глубокие в первобытных обществах, чем указанная выше потребность рационального объяснения» [1, с. 48].

Вовсе не любознательность, не жажда рационального объяснения двигала первобытным человеком, но страх перед необъяснимым, технологический контроль над миром, потребность в его преобразовании и подчинении. Это и делает магию сверхъестественной технологией древности. Контроль над пространством и решение практических жизненных задач являются, на наш взгляд, источником коллективных представлений древности. Говоря о сознании первобытного человека, Леви-Брюль утверждает: «Совокупность коллективных представлений, которыми он одержим и которые вызывают в нем аффекты такой силы, что мы ее и представить не можем, малосовместима с бескорыстным созерцанием объектов, какое предполагается чисто интеллектуальным желанием знать их причину» [1, с. 48]. То есть вера первобытного человека изначально *технологична*, направлена на преобразование окружающего мира и управление им. Любой технологический акт – это одновременно и акт религиозный. Технология для дикаря не существует без «мистического элемента».

Леви-Брюль пишет: «Мышление первобытных людей неизбежно истолковывает совершенно по-другому, нежели мы, то, что мы называем природой и опытом. Оно всюду видит самые разнообразные формы передачи свойств путем переноса, соприкосновения, трансляции на расстояние, путем заражения, осквернения, овладения» [1, с. 113]. Вот почему технологическое орудие ценно не само по себе, но в качестве «проводника сопричастности». Это

позволяет нам сказать, что уже первобытный человек обладал реляционной картиной мира, где действие приравнивалось к реальности: «Если эти обычаи обязательны и почитаемы, следовательно, коллективные представления, которые с ними связаны, носят императивный, повелительный характер и оказываются не чисто интеллектуальными фактами, а чем-то совершенно иным» [1, с. 57]. То есть являются формами активистского технологического мироотношения, где религия дополняет технику, и наоборот. Коллективные представления предполагают, что «первобытный человек в данный момент не только имеет образ объекта и считает его реальным, но и надеется на что-нибудь или боится чего-нибудь, что связано с каким-нибудь действием, исходящим от него или воздействующим на него» [1, с. 57]. Согласно Леви-Брюлю, «действие это становится то влиянием, то силой, то таинственной мощью, в зависимости от объекта и обстановки, но само действие неизменно признается реальностью и составляет один из элементов представления о предмете» [1, с. 57].

В итоге мистическая вера в силы, влияния и действия имеет в первобытном мышлении, по-нашему мнению, технологическое прочтение. Так же, как и вера в мистические свойства предметов, связанные с их формой. Леви-Брюль утверждает: «Первобытному человеку вовсе нет нужды искать объяснения, ибо оно уже содержится в мистических элементах его коллективных представлений» [1, с. 64]. Первобытная религия позволяет тут же немедленно объяснить произошедшее событие, исходя из него же самого. Явление а priori предполагает в себе все свое содержание, и может быть незамедлительно прочитано первобытным человеком. Явление – это послание.

Леви-Брюль, рассуждая о восприятии явлений первобытными людьми, отмечает: «Наиболее важными для них свойствами этих существ и предметов являются таинственные силы последних, их мистические способности» [1, с. 79]. То есть опять главным в их мистике оказывается силовой технологический аспект восприятия, главной целью которого является в свою очередь подчинение пространства и явлений. По мысли Леви-Брюля, «когда лекарь применяет какое-нибудь лекарство, то это дух снадобья воздействует на духа болезни» [1, с. 82]. Технология дополняется религией: «Собственно физическое действие не мыслится без мистического» [1, с. 82]. Это позволяет рассматривать технологию и религию как «фазы человеческой эволюции» (Ж. Симондон), говорить об их «магическом единстве». Согласно Ж. Симондону, «техничность появляется как один из двух аспектов решения проблемы связи человека с миром; другим одновременным и соотносящимся аспектом является возникновение определенных религий» [8, с. 97].

Таким образом, можно сказать, что религиозная мистика первобытного человека является, говоря языком М. Маклюэна, его «технологическим расширением», его информационным полем. Точно так же как телеграф, телевидение или радио являются *расширениями* человека современного.

2. Близость первобытного человека и человека электронной эпохи

С точки зрения М. Маклюэна, «электронный век неизбежно ведет нас обратно в мир мифических видений» [3, с. 215]. Начинается «история электрической обратной трайбализации Запада..., который осознал, что все социальные перемены суть последствия внедрения новых технологий (этих самоампутаций нашего бытия) и их проникновения в нашу чувственную, сенсорную жизнь» [3, с. 342]. Начинается «новый век племенной вовлеченности». Согласно М. Маклюэну, «цивилизация – продукт фонетической грамотности, и когда она начинает растворяться в электронной революции, мы снова открываем для себя родовую и комплексную осведомленность, которая проявляется в полном сдвиге нашей чувственной жизни» [3, с. 28]. Современный субъект вновь оказывается в племенном хоре архаичных волеизъявлений. Вот почему «все отсталые страны в глобальной деревне столь же включены в электрическую среду, как и американский негр или тинэйджеры западного мира» [3, с. 91]. Интегральный и органический характер электрической технологии разворачивает европейскую цивилизацию в сторону первобытного общества с его идеей «племенного единства и силы»: «Радиофаза электроники пробудила племенные энергии европейских народов» [3, с. 148]. Это приводит к восстановлению прежней первобытной модели жизни как действия и погони за силой.

М. Маклюэн ссылается на Х. Ортегу-и-Гассета, заявившего, что «важнейшее свойство человеческой жизни состоит в том, что нельзя существовать, не делая чего-либо». Ортега утверждает: «Жизнь уже дана нам – мы лишь внезапно обнаруживаем себя в ней, – но дана не “готовой”: мы должны “сделать ее”. Итак, жизнь – это действие» [3, с. 201]. Именно в электронную эпоху человек всячески стремится стать из отдельного индивида «участником общественных процессов», участником общественных энергий. Как некогда первобытный человек стремился стать органической частью коллективных представлений и партиципаций своего племени: «Современная электронная связь строит мир по образцу “глобальной деревни”» [3, с. 64]. М. Маклюэн отмечает, что в наши дни «мы сосредоточены на “выдумке вечности” и раскидываем свою нервную систему по всему земному шару» [3, с. 204]. В итоге современная наука занимает место первобытной мифологии, СМИ – место племенных собраний, а гонка вооружений – место племенных войн: «Для дописьменных обществ цельное видение и миф – именно то, что мы называем великой научной истиной; самый масштаб новой среды как макроскопического увеличения наших собственных самоампутаций может сегодня положить начало новой науке о человеке и технологиях» [3, с. 216]. Положить начало новому электронному мифу. По Маклюэну, «сегодня “одновременное поле” электрических информационных структур скорее воспроизводит или возрождает условия и потребность в диалоге и соучастии, нежели стремится к специализации или частной инициативе на всех уровнях социального опыта» [3, с. 221].

По мнению М. Маклюэна, «подпороговые глубины радио заряжены резонирующими отзвуками племенных горнов и древних барабанов» [5, с. 342].

«Это заложено в самой природе данного средства, обладающего способностью превращать душу и общество в единую эхокамеру» [5, с. 342]. Радио вернуло к жизни «древний опыт родовых паутин глубокого племенного вовлечения» [5, с. 344]. М. Маклюэн утверждает: «Для племенных народов, все социальное существование которых есть расширение семейной жизни, радио будет оставаться агрессивным опытом» [5, с. 342]. «Для них радио является в высшей степени взрывным» [5, с. 342]. Достаточно вспомнить роль радио в борьбе за независимость африканских колоний. Племенное прошлое и архаика синкретизма парадоксальным образом воскресают в XX веке: «Оно (радио – Е. Н.) определенно сжимает мир до размеров деревни и создает ненасытную деревенскую тягу к сплетням, слухам и личной злобе» [5, с. 349]. В результате радио как «воскреситель архаизма и древних воспоминаний» возвращает нас к коллективным представлениям первобытного человека.

Все это приводит к тому, что в настоящее время снова возможен интерес к первобытному искусству, которое, по мнению М. Маклюэна, сейчас активно возрождается «в результате интериоризации унифицированного поля электрической одновременности эрой электроники» [5, с. 111]. Как считает философ, «необходимо осознать тесную взаимосвязь, существующую между миром и искусством пещерного человека и интенсивной органической взаимозависимостью людей, живущих в эпоху электричества» [5, с. 113]. М. Маклюэн утверждает: «Вновь проснувшаяся в нас страсть к контурам и очертаниям неотделима от навязанной нам технологией электромагнитных волн тенденции признания органическими четкой взаимозависимости, функций и всех форм. Иными словами, восстановление в искусстве и архитектуре первобытных (примитивных) органических ценностей является последствием технологического влияния современности» [5, с. 116]. Поскольку, по мнению мыслителя, «телеграф, радио и телевидение не склонны демонстрировать гомогенность, свойственную печатной культуре, располагая нас к осознанию непечатных культур» [5, с. 258].

М. Маклюэн цитирует Э. Монтегю: «Неграмотный человек охватывает мышлением весь мир. Возможно, мифология и религия тесно связаны между собой, однако, если первая вырастает из повседневной жизни человека, то вторая – из его интереса к сверхъестественному... Таким образом, неотъемлемой частью бытия неграмотного человека является принуждение окружающей реальности к подчинению его воле посредством манипулирования этой реальностью заранее определенным и установленным образом» [6, с. 130]. Э. Монтегю заключает: «Неграмотные народы – гораздо больше, чем те, кто владеет письмом – отождествляют себя с миром, в котором живут... Для человека неграмотного реальностью является все то, что происходит вокруг него. Если обряды, проводимые с целью увеличения поголовья скота или повышения урожая, приводят к желаемому, они не только связываются с полученным результатом, но и становятся его частью; ибо, полагает неграмотный человек, без их проведения вряд ли стоит рассчитывать на нечто подобное» [6, с. 130]. То же самое происходит и с человеком электронной эры. Только для принуждения окружающей реальности к подчинению его воле

современный человек вместо обрядов использует электронные технологии, ставшие уже неотъемлемой частью современной мифологии. Ведь согласно маклюэновской концепции, «все технологии суть расширения наших физических и нервных систем, нацеленные на увеличение энергии и повышение скорости» [5, с. 101].

По мнению М. Маклюэна, «действуя как орган самого космоса, племенной человек воспринимал функции своего тела как способы участия в божественных энергиях» [5, с. 140]. То есть воспринимал вполне активистским образом. Вот почему в своей религии и технологии он стремится к «ритуальному расширению своего тела». Важнейшие культурные изменения происходят «с расширением тела в новые социальные технологии и изобретения»: «Новое расширение устанавливает новое равновесие между всеми чувствами и способностями, ведущее, как мы говорим, к “новому мировоззрению”, то есть к новым установкам и предпочтениям в самых разных сферах» [5, с. 142]. Это было характерно для древнего первобытного образа жизни, когда в него внедрялся новый технологический образец. Но это характерно и для современной электронной эры: «Так и в нашей сложной жизни интенсификация какого-то единичного фактора естественным образом ведет к установлению нового равновесия между нашими технологически расширенными способностями, создавая в итоге новый взгляд на вещи и новое “мировоззрение” с новыми мотивациями и изобретениями» [5, с. 143]. Согласно М. Маклюэну, «трансформации технологии имеют характер органической эволюции, поскольку все технологии – расширения нашего физического бытия» [5, с. 207]. Современный человек подобно первобытному дикарю ради достижения дальнейшего развития должен использовать все свои способности, а не только визуальную линейность галактики Гуттенберга. Мыслитель утверждает: «Наша реакция на возрастающую мощь и скорость наших расширенных тел рождает новые их расширения. Каждая технология создает в сотворивших ее людях новые стрессы и потребности. Новая потребность и новая технологическая реакция рождаются из тех объятий, в которые заключает нас уже существующая технология; и этот процесс не прекращается» [5, с. 207]. Идея мифологического *вечно* возвращения вновь оказалась востребованной.

По М. Маклюэну, благодаря развитию электрических средств коммуникации мир сегодня является «единым целым»: «Сегодня мы живем в Эпоху Информации и Коммуникации, поскольку электрические средства коммуникации мгновенно и непрерывно создают тотальное поле взаимодействующих событий, в котором участвуют все люди» [5, с. 282]. Философ утверждает: «Электричество, как и мозг, дает средство вхождения в контакт со всеми гранями бытия сразу» [5, с. 283]. Так появление телеграфа сформировало «мгновенность “всего-сразу” и тотальное вовлечение, присущие телеграфной форме» [5, с. 289]. Телефон, радио и телевидение еще более усилили данный процесс, как «участные» формы технологии: «Телевидение не может работать в качестве фона. Оно вас захватывает. Вы должны быть *вместе* с ним» [5, с. 356]. Все это приводит к размыванию «великой визуальной структуры абстрактного Индивидуального человека» Запада и появлению

нового коллективного электрического человека наших дней, чье мировоззрение напоминает все больше «коллективные представления» древних, их племенную вовлеченность. Отсюда происхождение многочисленных современных мифов о человечестве как едином глобальном организме: «Ибо миф представляет собой форму одновременного восприятия сложного переплетения причин и следствий» [5, с. 402]. Как и первобытный человек прошлых культур, современные люди хотят жить здесь и сейчас, действовать *здесь и сейчас*: «Именно тотальное вовлечение во всепоглощающую сейчасность появляется в жизни молодежи благодаря мозаичному образу телевидения» [5, с. 385].

По мнению М. Маклюэна, «дитя телевидения ждет вовлечения и не желает специалистского *рабочего места* в будущем. Он жаждет роли и глубокой привязанности к своему обществу» [5, с. 386]. Как отмечает Маклюэн, «главная особенность электрической эпохи состоит в том, что она создает глобальную сеть, во многом похожую по своему характеру на нашу центральную нервную систему. Наша центральная нервная система не просто представляет собой электрическую сеть, но и конституирует единое поле опыта» [5, с. 130]. По сути, электричество заменяет роль древних *партиципаций*, также формировавших единство первобытного мировоззрения и позволяющих взглянуть на мир как *единое целое*. Автоматизация привела к тому, что «теперь нам нужно лишь назвать и спроектировать процесс или продукт, чтобы они осуществились» [5, с. 404]. Это позволяет сблизить автоматизацию с первобытными ритуалами и *мистическими операциями*, которые также по своему «проектировали» процесс, дабы он осуществился. Естественные электромагнитные волны заменяют собою сверхъестественные волны мистических партиципаций, некогда скреплявших архаичные племенные союзы. Ойкумена становится электрической, но принцип связи остается прежним. По словам М. Маклюэна, «люди вдруг превратились в кочевых собирателей знания, кочевых, как никогда раньше, информированных, как никогда раньше, – и вместе с тем, как никогда раньше, вовлеченных в социальный процесс» [10, с. 412].

Заключение

В результате проведенного исследования можно сказать следующее.

1) Религия в ее ранней магической форме действительно является своеобразным «технологическим расширением первобытного человека». Особенно это проявляется в понятиях «мистического элемента», партиципации и невидимой силы, характерных для первобытного мышления.

2) В ходе сравнительного анализа структур первобытного мышления и современного сознания человека электронной эры (в контексте философии М. Маклюэна) действительно подтвердилась их близость. Визуальная линейность печатного человека все более отходит на второй план в эпоху электронного века. А современный мир все более напоминает «глобальную деревню». Для прогресса же требуется не только выделение визуальности, но, прежде всего, первобытной вовлеченности всех чувств.

Таким образом, можно рассматривать религию и технологию как активистские типы мироотношения, вступающие в сложные диалектические взаимоотношения в рамках культуры.

Список литературы

1. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. – М.: Академический проект, 2015. – 430 с.
2. Лем Ст. Фантастика и футурология. В 2-х тт. Т. 1. – М.: АСТ: Хранитель, 2005. – 380 с.
3. Маклюэн М., Фиоре К. Война и мир в глобальной деревне. – М.: АСТ: Астрель, 2012. – 219 с.
4. Маклюэн М. Галактика Гуттенберга. Становление человека печатающего. – М.: Академический проект, 2015. – 443 с.
5. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. – М.: Кучково поле, 2014. – 464 с.
6. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1. Процесс производства капитала. – М.: Политиздат, 1978. – 598 с.
7. Ортега-и-Гассет Х. Вокруг Галилея (схема кризисов) // Избранные труды. – М.: Издательство «Весь Мир», 1997. – С. 233–403.
8. Симондон Ж. Суть техничности // Синий диван. Философско-теоретический журнал / под ред. Е. Петровской. – Вып. 18. – М.: Три квадрата, 2013.
9. Францев Ю. П. Материалисты прошлого о происхождении религии // Ежегодник музея истории религии и атеизма. Т. 1. М.–Л.: АН СССР, 1957. – 524 с.
10. Элиаде М. Священное и мирское. – М.: МГУ, 1994. – 144 с.

References

1. Levy-Bruhl L. Primitive Thinking [*Pervobytnoe myshlenie*]. Moscow, Akademicheskii Proekt, 2015, 430 p.
2. Lem St. Science Fiction and Futurology. In 2 vol. Vol. 1. [*Fantastika i futurologiya. V 2 tomakh. Tom I*]. Moscow, AST: Khranitel, 2005, 380 p.
3. McLuhan M., Fiore K. War and Peace in the Global Village [*Voyna i mir v globalnoy derevne*]. Moscow, AST: Astrel, 2012, 219 p.
4. McLuhan M. The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man. [*Galaktika Guttenberga. Stanovlenie cheloveka pechatayuschego*]. Moscow, Akademicheskii Proekt, 2015, 443 p.
5. McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man [*Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka*]. Moscow, Kuchkovo Pole, 2014, 464 p.
6. Marx K. Capital: Critique of Political Economy. Vol. 1. The Production Process of Capital. [*Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii. T. 1. Kn. 1. Protsess proizvodstva kapitala*]. Moscow, Politizdat, 1978, 598 p.
7. Ortega y Gasset J. About Galileo [*Vokrug Galileya*]. *Izbrannye trudy* (Selected Works). Moscow, Ves Mir, 1997, 704 p.

8. Simondon G. The Essence of Technicity [Sut tekhnichnosti]. *Siniy divan. Filosofsko-teoreticheskiy zhurnal* (Blue Sofa. Philosophical and Theoretical Journal), 2013. Issue 18.

9. Frantsev Yu. P. Materialists of the Past about the Origin of Religion [Materialisty proshlogo o proiskhozhdenii religii] *Ezhegodnik muzeya istorii religii i ateizma. T. 1 (Year-Book of the Museum of the History Religion and Atheism)*. Moscow–Leningrad, AN SSSR, 1957. 524 p.

10. Eliade M. The Sacred and the Profane. [*Svyaschennoe i mirskoe*]. Moscow, MGU, 1994. 144 p.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 784.3

Музыка и слово. Интерпретация композиторами единого поэтического текста*

Спист Елена Александровна – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургская государственная консерватория имени Н. А. Римского-Корсакова», кафедра концертмейстерского мастерства, доцент, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: espist@gmail.com

190000, Россия, Санкт-Петербург, Театральная площадь, д. 3,
тел: +7 (911) 902 92 20.

Авторское резюме

Состояние вопроса: Исследование музыкального и поэтического текстов вокального сочинения – это актуальная междисциплинарная проблема, интегрирующая в себе понятия и категории современного музыкознания и лингвистики. Одним из ее аспектов является соотнесение музыкальной и поэтической интонации.

Результаты: В данном контексте предметом специального анализа стали романсы Н. А. Римского-Корсакова и Н. К. Метнера, написанные на стихотворение А. С. Пушкина «Цветок». Изучение на конкретных примерах особенностей взаимоотношений поэтической и музыкальной интонации даёт возможность осмысления их корреляционной зависимости, сравнивая поэтический размер и его музыкальное прочтение в ритмическом рисунке, строфическую организацию поэтического текста с музыкальной формой произведения, стихотворный синтаксис и музыкальную фразировку, рифму и каданс.

Выводы: Изучение данной проблематики играет ключевое значение в понимании законов развития камерной-вокальной музыки, так как раскрывает самую суть жанра романса (Lied), заложенную в его генезисе, а именно, синтетичность жанра, что имеет большое значение в исполнительской и педагогической практике, помогая постижению и воплощению авторского замысла.

Ключевые слова: музыка; слово; интонация; А. С. Пушкин; Н. А. Римский-Корсаков; Н. К. Метнер.

* © Е. А. Спист, 2017.

Music and Word. Various Interpretations of a Poetic Text by Different Composers

Spist Elena Aleksandrovna – Saint Petersburg Rimsky-Korsakov State Conservatory, Accompaniment Department, Associate Professor, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: espist@gmail.com

3, Teatralnaya square, Saint Petersburg, 190000, Russia,

tel: +7 (911) 902-9220.

Abstract

Background: The subject of this analysis is to research the interactions between Music and Word, namely, the interaction of musical and poetic intonations in a romance. The author starts with the definition of poetry and music as a “phenomenon of meaning” (Y. M. Lotman) the comprehension of which is dualistic. In this context, the analysis presents a study of individual intonations of the same poetic text or phrase by different composers.

Results: The poem “The Flower” by Alexander Pushkin and its transformation into romances by Nikolai Rimsky-Korsakov and Nikolai Medtner has become the subject of an in-depth analysis in this study. Romances serve as examples of characteristic interactions between poetic and musical intonations and the existence of correlation between the measure and the rhythmic structure, the cadence and rhyme, the syntax and phrasing as well as strophic organization in poetry and music. Both the unity and the struggle between the two fundamental categories reflected in the dialectic interaction between Music and Word have become the subject of a special study into intonation.

Conclusion: The study of the interactions between Music and Word plays a key role in the understanding of the principles of the development of chamber-vocal music. It reveals the very essence of the romance genre (Lied), which is of great importance for music pedagogy and performance, helping to comprehend and implement the author's intention.

Keywords: music; word; intonation; A. S. Pushkin; N. A. Rimsky-Korsakov; N. K. Medtner.

Одним из существенных аспектов совместной работы пианиста и певца над произведением является достижение ансамблевого взаимодействия в едином понимании и воплощении художественных задач. Музыкальное партнёрство невозможно без проникновения в суть вокального сочинения, представляющего единство инструментального начала, то есть фортепианной партии, с вокализируемым стихотворением, то есть с партией певца. В широком плане – это прочтение композитором поэтического текста. В исполнительской практике – это взаимодействие пианиста с певцом.

В предлагаемом контексте центральным становится понятие интонации, трактуемой «как эмоционально-смысловой тонус звуков, произносимых

человеком», которая «ощущается и в слове, и в музыкальном звуке, ибо интонация прежде всего – качество осмысленного произношения» [1, с. 259].

Сравнение поэтической и музыкальной интонаций позволяет рассмотреть возможные формы взаимопроникновения Слова и Музыки в жанре романа.

Материалом для практического изучения выбраны романсы Н. А. Римского-Корсакова и Н. К. Метнера, написанные на стихотворение А. С. Пушкина «Цветок».

Истоки размышления о вечности и времени, позволяющие сравнить человеческую жизнь с кратким мигмом существования цветка, растения, можно найти уже в библейских цитатах: «Всякая плоть-трава, и вся красота её, как цвет полевой» (Кн. Пророка Исаи 40:6); «Как цветок он выходит и опадает. Убегает как тень, и не останавливается» (Кн. Иова 14:2).

Заявленная тема не предполагает углублённый экскурс в историю символики, которая всегда была присуща искусству. Но все же следует отметить, что эмблематическое мышление особенно ярко проявилось к XVII веку в Западной Европе.

Возникают сборники, помогающие прочитывать зашифрованные в литературных и живописных произведениях символы. В 1614 г. в Нидерландах вышла книга Румера Виссхера¹ по прочитыванию эмблематики.

Мы можем только предполагать, ознакомился ли с подобными геральдическими сборниками Пётр I в период его Великого посольства в Западную Европу в 1696–1697 гг., но доподлинно известно, что по его указу в России в 1705 г. по подобию западноевропейских книг был составлен сборник «Символы и эмблематика», составители – Ян Тесинг и Илья Копиевский². Пользующийся большим спросом, справочник был переиздан в 1719 г., а в 1811 г. был напечатан в Императорской типографии Санкт-Петербурга.

Изображения сорванных и увядших цветов наряду с черепом, песочными часами, разбитыми музыкальными инструментами, раскрытыми нотами, олицетворяющими без музыкантов беззвучную, а, следовательно, мёртвую музыку, оплавленные свечи и так далее – все эти символы олицетворяли быстротечность и тлен жизни.

Стихотворение А. С. Пушкина «Цветок» написано в ноябре 1828 г. в усадьбе Малинники Тверской области, принадлежавшей после смерти мужа (Н. И. Вульфа) П. А. Осиповой-Вульф³.

Любопытно, что за три года до этого, в 1825 г., Пушкин пишет альбомное стихотворение с посвящением П. Осиповой «Цветы последние милей»:

Цветы последние милей
Роскошных первенцев полей.
Они унылые мечтанья
Живее пробуждают в нас.

1 Румер Виссхер – нидерландский купец, поэт, меценат и покровитель литературы и искусства конца XVI и начала XVII вв.

2 Сборник «Символы и эмблематика» напечатан в 1705 г. в Амстердаме в типографии Генриха Ветштейна. Издание включало в себя 840 гравированных рисунков эмблем с поясняющими надписями на восьми языках, включая русский.

3 Прасковья Александровна Осипова-Вульф, в девичестве П. Вындомская, 1781–1859 гг.

Так иногда разлуки час
Живее сладкого свиданья.

Опубликованное после смерти поэта, оно образно и интонационно созвучно с написанным в 1828 г. «Цветком» и воспринимается как небольшой этюд-эскиз к написанному позднее стихотворению.

Необходимо подчеркнуть, что пушкинское сочинение нельзя назвать оригинальным. Это скорее своеобразный ремейк одноименного стихотворения В. Жуковского, написанного в 1811 г. с подзаголовком «Романс»:

Минутная краса полей,
Цветок увядший, одинокой,
Лишён ты прелести своей
Рукою осени жестокой.

Увы! нам тот же дан удел,
И тот же рок нас угнетает:
С тебя листочек облетел –
От нас веселье отлетает.

Отъемлет каждый день у нас
Или мечту, иль наслажденье.
И каждый разрушает час
Драгое сердцу заблужденье.

Смотри... очарованья нет;
Звезда надежды угасает...
Увы! кто скажет: жизнь иль цвет
Быстрее в мире исчезает?

Интересны биографические совпадения при создании стихотворений. У Жуковского – невозможность соединить судьбу с Марией Протасовой, у Пушкина – неудачное сватовство к Анне Олениной. Не случайно точное совпадение названий стихотворений, Пушкин лишь не использует имеющийся у Жуковского подзаголовок «Романс», но музыкальная природа его стихотворения очевидна:

Цветок засохший, безуханный,
Забытый в книге вижу я;
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя:

Где цвел? когда? какой весною?
И долго ль цвел? и сорван кем,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положен сюда зачем?

На память нежного ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокого гулянья
В тиши полей, в тени лесной?

И жив ли тот, и та жива ли?
И нынче где их уголок?
Или уже они увяли,
Как сей неведомый цветок?

Достаточно сравнить первые строки у В. Жуковского «Цветок увядший, одинокой» с пушкинскими «Цветок засохший, безуханный», или третью строфу с четвёртой строфой сопоставимых опусов:

Отъемлет каждый день у нас
Или мечту, иль наслажденье.
И каждый разрушает час
Драгое сердцу заблужденье.⁴

И жив ли тот, и та жива ли?
И нынче где их уголок?
Или уже они увяли,
Как сей неведомый цветок?⁵

Собственно, всё стихотворение Александра Сергеевича – это запечатлённый поток поэтической фантазии, представляющей цепь риторических вопросов, рождённых образом цветка.

Последняя строфа переводит читателя в другую тональность, из лирической области в сферу философского размышления, продолжая поэтические вариации на тему «суетности и бренности человеческой жизни», заданную В. Жуковским.

Из 74 слов, составляющих стихотворение Пушкина «Цветок», двадцать составляют союзы и частицы. Певучесть и музыкальность поэтическому изложению добавляют увеличение гласных в стихотворении за счёт многократного повторения союза «И». Вариантом применения этой гласной становится использование союза «И» в сочетании с сонорной согласной «Л» в союзе «Или», и его вариант «Иль» со смягчённым окончанием.

Пушкин изящно «жонглирует» этими словами, используя музыкальный приём ритмического дробления. Он виртуозно «расставляет» данные союзы во фразах:

И долго **Ль** цвёл...

⁴ В. А. Жуковский «Цветок».

⁵ А. С. Пушкин «Цветок».

И далее: И жив ЛИ тот! И та жива ЛИ?

Звучат же эти слова в окружении наиболее вокальных гласных – «О», «Ё=ЙО», «И», «А» в словах «дОлгО», «цвЁл», «жИв», «тОт», «тА», «жИвА», что, безусловно, усиливает распевность Пушкинского слога. Певучие и похожие по звучанию союзы «И» – «Или» различны по смыслу. Соединительный Союз «И» помогает развивать поэтическую мысль, с помощью него, как с нитью Ариадны, раскручивается замысел стихотворения:

«И долго ль цвел? и сорван кем»,

«И жив ли тот, и та жива ли? И нынче где их уголок?»

Разделительный союз «Или» (вариант «Иль»), напротив, вносит в стихотворение интонацию неустойчивости, сомнения, рефлексии:

На память нежного ль свиданья,

Или разлуки роковой,

Иль одинокого гулянья

В тиши полей, в тени лесной?

Или уже они увяли,

Как сей неведомый цветок?

Написано стихотворение любимым размером поэта – четырёхстопным ямбом, пушкинской строфой с перекрёстным чередованием слогов в строфе 9-8-9-8. Стихотворный размер можно сравнить с музыкальным как некой системой временных координат, заключающей в себе ритмическое многообразие композиции. В анализируемом стихотворении ритмическая игра ударений в строке происходит за счёт чередования трёхсложных, двусложных и односложных слов.

В качестве примера проанализируем первую строку – «Цветок засохший, безуханный». За счёт использования трёхсложных слов в ней пропущены ударения, присущие классическому четырёхстопному ямбу.

Вместо ритмического рисунка _ / _ / _ / _ / _ звучит _ / _ / _ _ / _ . Пропуск ударения добавляет плавность и легатность стиху в противовес классической ямбичности строк:

Где цвел? когда? какой весною? _ / _ / _ / _

И долго ль цвел? и сорван кем, _ / _ / _ / _

Или:

И жив ли тот, и та жива ли? _ / _ / _ / _

И нынче где их уголок? _ / _ / _ / _

Ритмическая игра ударений в словах меняет внутренний темп стихотворения, что ассоциируется с пульсацией живого организма. Поэтому время в стихотворении, подобно темпоральной организации музыкального

произведения, имеет способность растягиваться и сжиматься в зависимости от акцентуации. Чередование женской и мужской рифмы в строках усиливает пластичность высказывания.

На стихотворение А. Пушкина «Цветок» написаны романсы С. М. Блуменфельда оп. 7 № 3, Ц. Кюи оп. 19, Н. А. Римского-Корсакова оп. 51 № 3, Н. К. Метнера.

Романс Н. А. Римского-Корсакова написан в 1898 г., в период, который, по словам Б. Асафьева, был «своеобразной пушкинской болдинской осенью» [2, с. 60].

Об изменении взглядов на сочинение вокальной музыки и, как следствие, трансформации приёмов композиции композитор пишет во второй половине сезона 1897 г., в «Летописи музыкальной жизни».

Импульсом к созданию становится мелодия, взаимодействующая со словом, в отличие от предшествующих сочинений, в которых связь мелодии и текста была более опосредованной и обобщённой.

«Мелодия романсов, следя за изгибами текста, стала выходить у меня чисто вокальною, т. е. становилась таковой в самом зарождении своём, сопровождаемая лишь намёками на гармонию и модуляцию. Сопровождение складывалось и вырабатывалось после сочинения мелодии, между тем как прежде, за малыми исключениями, мелодия создавалась как бы инструментально, т. е. помимо текста, а лишь гармонизируя с его общим содержанием, либо вызывалась гармонической основой, которая иногда шла впереди мелодии. Чувствуя, что новый приём сочинения и есть истинно вокальная музыка, и будучи доволен первыми попытками своими в этом направлении, я сочинял один романс за другим на слова А. Толстого, Майкова, Пушкина и других...» [5, с. 206]. Жанр вокальной музыки находится в системе координат поэтической речи и инструментальной музыки, от их взаимодействия и зависит собственно «положение центра тяжести произведения» [6, с. 145].

В романсе «Цветок засохший» Н. А. Римского-Корсакова демонстрируется классичность мышления, раскрывающегося в трактовке формы, отборе музыкальных средств, в дисциплине эмоционального подтекста сочинения.

Композитор выбирает позицию спокойного рассказчика, в интерпретации которого стихотворение приобретает повествовательный характер – недаром Б. Асафьев говорил о нём как о «выдающемся национальном рапсODE» [2, с. 90]. Подобная трактовка поддерживает лирическую интонацию стихотворения и подчёркивает созерцательный характер романса.

Собственно, созерцание для композитора было формой выражения фантазии художника и отождествлялось с представлением прекрасного как эстетической категории.

«Под именем фантазии или воображения мы разумею особую деятельность души... Само же душевное состояние происходящее от этой деятельности, мы называем созерцанием, характеризуемым как чувственное мышление. Созерцание вызывает в нас представление о прекрасном», – пишет

он в сохранившемся отрывке из введения к «Эстетике Музыкального искусства» [2, с. 210].

Фортепианное вступление аккумулирует в себе главные композиционные приёмы, которые станут основой для дальнейшего развития романса, подобно поэтическому началу, в котором слово «Цветок» становится импульсом для дальнейшего развёртывания стихотворного текста.

Интонационно 5-тактная инструментальная преамбула представляет собой синтез двух противоположных начал: движения и статики. В основе его лежит терцовый мотив, построенный на кружении вводных тонов, отталкивающихся от тоники (a-moll), которая одновременно является Y-ступенью субдоминанты в 1-ом такте и его вопросительной инверсии во 2-ом такте.

Акцентированные затакты смещают сильные доли в тактах, что вносит неустойчивость в ритмическое оформление интонационного мотива.

С другой стороны, неустойчивость и вопросительность ядра-интонации совмещена с определённой монотонностью изложения, подчёркнутой трёхкратным повторением мелодического рисунка первого двутакта, который из фортепианного вступления переходит в вокальную партию. Римский-Корсаков целенаправленно возвращает нас к исходному импульсу – поиску тоники, что ассоциируется с возвращением к исходной точке поэтического текста – к слову «цветок».

Фортепианная постлюдия как расширенный вариант вступления за счёт трёхкратного повторения каданса не только замыкает и уравнивает форму, но, возвращаясь к теме вступления, подчёркивает риторику стихотворения, бесконечность цепи вопросов без ответа. Как бы возвращая нас к библейскому: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем» (Екклесиаст, 1:9).

Гармоничность взаимодействия слова и музыки в романсе подчёркнута полной или частичной поддержкой вокальной партии в фортепианном сопровождении фактически от начала вступления голоса т. 6 и до т. 29.

Выразительны в своём тесном взаимодействии музыки и слова тт. 29–33.

На поэтических строках «Иль одинокого гулянья» композитор останавливает всё движение в фортепианной партии долгим, на 5 четвертей си бемоль мажорным аккордом, который своей остановкой поддерживает художественный образ затерянности и уединённости. И далее, на строках «В тиши полей, в тени ветвей» – воссоздающая музыкальную тишину, но не типичная для вокальных сочинений Римского-Корсакова ремарка *diminuendo* на восходящей гамме.⁶ Выбранный композитором темп романса *Andante* с метрономом четверть = 66 не меняется на всём его протяжении за исключением ремарки *a ritardando* в т. 29 и *ritardando* в заключительном кадансе, такты 49–50.

⁶ Эта музыкальная находка использования восходящих гамм на *dim.* станет впоследствии одним из любимых приёмов С. Рахманинова в вокальных сочинениях. См. романсы «Покинем милая» ор. 26 № 5, сл. А. Голенищева-Кутузова, тт. 22–25, на словах: «в вечерний час, когда темнеют небеса и молча бродит взор», «У моего окна» ор. 26 № 10 на сл. Г. Галиной, тт. 11–13, на словах «я радости ловлю весёлое дыхание», «Музыка» ор. 34 № 8 на сл. Я. Полонского – «Над этой воздушной кристальной волной», «Диссонанс» ор. 34 № 13, сл. Я. Полонского, тт. 57–60, «И дрожу, и шепчу я тебе: милый ты мой!», в тихой кульминации фортепианной партии «Маргариток» на сл. И. Северянина ор. 38 № 3 и т. д.

Темповое единство изложения подчёркивает повествовательное развёртывание музыкального высказывания.

Внутреннее оживление темпа стихотворения композитором поддержано за счёт изменения метрического дробления с дуоли на триоль в среднем голосе фортепианной партии с т. 16.

Гармоническое и фактурное развитие в тт. 29–38 подготавливает кульминацию произведения в т. 38–40 на словах «или они уже увяли», поддержанную ремаркой композитора *espressivo*, усиленного динамикой *forte*.

Интонационное напряжение в вокальной партии усилено слуховой аберрацией кульминационной ноты «соль» в партии певца т. 39 как вводного тона к тетра хорду «до-фа» тт. 38–39, тем самым повторно звучащий, но более напряженно тетра хорд интонационно объединяет две поэтические фразы «Иль одинокого гулянья» и «Или они уже увяли».

В «Цветке» Н. А. Римского-Корсакова ярко проявились музыкальные принципы, провозглашённые композитором в конце 90-х годов XIX столетия. Романс как образец классичности мышления композитора характеризует синтез ясности формы, интеллигентной культуры чувства и эмоциональной дисциплины в следовании мелодии за поэтическим текстом.

В 1918 г. Н. Метнер сочинил пять романсов ор. 36 на стихи А. С. Пушкина. Второй из них, «Цветок», впервые был исполнен в авторском концерте 28 декабря 1918 г. с Анной Эль-Тур⁷, бывшей одним из любимых сценических партнёров композитора.

Не случаен выбор стихотворения «Цветок» композитором, для которого главными в искусстве были «вечные» темы.

В своей книге «Муза и мода» он писал: «В искусстве же главной реальностью являются темы. Главные темы искусства суть темы вечности, существующие сами по себе. Художественное “открытие” заключается лишь в индивидуальном раскрытии этих тем, а никоим образом не в изобретении несуществующего искусства» [3, с. 3].

Говоря о музыке Н. Метнера, необходимо сразу подчеркнуть индивидуальность и самобытность его композиторского почерка. В истории жанра русского романса фигура композитора стоит несколько особняком. Хотя исследователи метнеровского наследия находят истоки вдохновения музыканта в парадоксальном сплаве русского мелоса с немецкой культурой, однако понимание Н. Метнером взаимосвязи музыки и слова в романсах ярко индивидуально и оригинально. Для него поэтический текст – это скорее импульс к собственным музыкальным размышлениям, стихотворение должно было быть созвучно с его внутренним миром, как бы написано им самим.

«Я всегда боюсь, когда кто-либо “пишет романсы на слова Пушкина” и т. д.; писать можно только на свои слова, и даже вовсе не “на” слова, а просто петь свои слова, и случайно Ваши слова, которые Ваша песня, оказались словами Пушкина и Фета. Я думаю, что, когда они создавались Пушкиным и

⁷ Анна Самойловна Исакович (в замужестве Калантарова; псевдоним – Анна Эль-Тур; (1886, Одесса – 1954, Амстердам) – русско-французская певица и музыкальный педагог.

Фетом, они уже и тогда были и словами Метнера вместе. Оттого это ликующее и неразложенное единство, к[оторое] преисполняет Ваши песни, оттого их целостная простота и сила, их действие на слушателя» [4, с. 149].

Следуя за словом, инструментальная партия скорее передаёт обобщённое поэтическое настроение, нежели скрупулёзно следует за стихотворением. Можно сказать, что в его вокальных сочинениях главенствует инструментальное начало. Более того, если ему не нравился выбранный другими композиторами текст, он мог отвлечься от слова и слушать только музыку. Так, не соглашаясь с композитором А. Н. Александровым⁸ в выборе текстов для романсов, он говорил: «Вы знаете, я могу слушать вокальную музыку, совершенно отвлекаясь от слов, если они мне не нравятся» [5, с. 98].

В этом «неразложенном единстве» композитор воспринимает вокальное сочинение цельно, не раскладывая его на составные части, но ведущим в такой коррелятивной паре является инструментальное начало. Голос в романсах Метнера, зачастую отрываясь от поэтического текста, превращается в один из тембров звучащей партитуры, исполняемой пианистом и певцом. Пиком такой трактовки голоса стали Соната-вокализ и Сюита-вокализ, но включения пения без слов композитор использовал и в отдельных романсах: в заключительной фразе сочинения на сл. Пушкина «Лишь розы увядают», в реплике с ремаркой *quasi cadenza* в романсе «Песнь ночи», сл. Ф. Тютчева и в развёрнутом вокализе, включённом в музыкальную ткань «Бессонницы», сл. Ф. Тютчева.

Фортепианная партия в его романсах всегда самодостаточна, она или комментирует, или раздвигает поэтическое пространство за счёт пространных сольных фортепианных эпизодов.

Романс Метнера «Цветок» не имеет фортепианного вступления и заключения, импульсом к его становлению становится поэтическое слово «цветок» как некий «толчок» к развитию.

Композитор указывает темп романса *Andante espressivo*. Являющийся сам превосходным исполнителем своих сочинений, он, по-видимому, очень ревниво относился к исполнительской точности в воспроизведении авторского текста и, помимо множественных артикуляционных и динамических указаний, его произведения всегда изобилуют большим количеством словесных ремарок. Романс «Цветок» – не исключение. Обычно словесные указания композитора относятся к темповым изменениям и уточнениям характера исполняемого музыкального фрагмента. Причём, наряду с общепринятыми обозначениями, Н. Метнер пользуется авторским терминологическим словарём, как, например: “*con timidezza*” (с робостью), “*acciacato*” (болезненно), “*sfrenatamente*” (безудержно), “*irresolute*” (нерешительно).

В этом романсе в тт. 42–43 композитор использует часто употребляемые им обозначения ***piu languido e mancando*** (как бы более изнемогая и исчезая)⁹. Как говорилось ранее, стихотворение Пушкина – это каскад риторических

⁸ А. Н. Александров (1888–1982), советский композитор, дирижер, пианист, музыкальный педагог, публицист. Народный артист СССР (1971). Лауреат Сталинской премии второй степени (1951).

⁹ Термин *mancando* (сходя на нет) встречается у Шопена в мазурке оп. 24, № 4, следуя за термином *calando* (идя на убыль).

вопросов. Буйство поэтической фантазии и сжатие внутреннего времени стиха Метнер поддерживает постоянными темповыми ремарками, усиливающими напряжённость исполнения.

Т. 5 – *dolcissimi* (термин связан с подчёркиванием словосочетания «мечтою странной»), далее все ремарки связаны с драматургией романса: т. 13 – росо *a poco animato (ma non tanto)*, т. 15 – *poco a poco acceler.*, тт. 18 – *sempre piu mosso*, тт. 21 – *con moto (ma sempre espressivo)*, тт. 22 – *cresc.*, тт. 23 – *poco a poco appassionato*.

Кульминация, кроме темпового нарастания, подготовлена секвенционным развитием тт. 21–25 и использованием в фортепианной партии техники *martellato* (тт. 12–21, тт. 30–32, т. 34, т. 36), придающей импульсивность и возбуждение музыкальной речи.¹⁰

Ремарка *poco calando* в т. 27 воспринимается как затишье перед бурей. Композитор как бы останавливает стихотворное время, уводя музыкальную фразу на *dim.*, подчёркивающую исчезающую интонацию поэтических строк «В тиши полей, в тени лесной», однако ремарка *acceler. e cresc.* в т. 29 и изменение динамики на длинной вокальной ноте последнего слога слова «Лесной» в т. 28 от *piano* к *forte* раздвигает поэтический синтаксис и даёт новый толчок к развитию музыкальной ткани, приводя к кульминации произведения. Ею становится развёрнутое фортепианное соло.

Из 48 тактов пьесы практически 11 тактов отдано партии пианиста-соло с исполнительской ремаркой *poco agitato e con moto*. Метнер как бы переводит поэзию Пушкина в мир музыки. Он раздвигает поэтическое пространство, и ассоциативность словесного изложения на заданную поэтом тему продолжается средствами музыки.

Удивительна форма романса. Метнер в заключении, которое обозначается возвращением к первоначальному темпу *Andante (non subito)*, необыкновенно изобретательно повторяет первые 7 тактов романса. Практически неизменённая вокальная строчка воспринимается слушателем совершенно по-иному, за счёт артикуляционной вариативности и новой гармонизации, фортепианная фактура этого эпизода очень лаконична и строга. На первое место выходят заключительные строфы стихотворения:

И жив ли тот, и та жива ли?
И нынче где их уголок?
Или уже они увяли,
Как сей неведомый цветок?

Симметричность формы придаёт произведению классическую стройность и завершенность. Вариативное изложение первоначальных тактов в коде романса замыкает музыкальную форму, возвращаясь «на круги своя», что отражает бесконечность выбранной темы.

¹⁰ Классический пример использования подобной фактуры в вокальной музыке мы находим в песне Г. Вольфа на стихи Э. Мёрике «Встреча» (“Begegnung”), в фортепианном вступлении и заключении, песни Р. Шумана оп. 51, № 1 на стихи Э. Гейбеля «Желание» (“Sehnsucht”).

Понимание и изучение проблематики взаимодействия музыки и слова имеет большое практическое значение как в педагогической, так и в исполнительской практиках, так как помогает понять замысел сочинения, а, следовательно, найти наиболее выразительные средства исполнения. В этой связи необходимо упомянуть такое качество речевой интонации как тембр, неким эквивалентом которого в музыкальном исполнительстве является туше, т. е. прикосновение к звуку, поскольку от неверного звукового представления может существенным образом исказиться звучание произведения, а, следовательно, авторский замысел.

Область Lied (романса) никогда не может быть полной гармонией, союзом между поэзией и музыкой. Это скорее «договор о взаимопомощи», а то и «поле брани», единоборство. И тут-то и заключается интерес, притягательность и смысл эволюции данных форм.

Возникающее порой единство – всегда результат борьбы, если оно не «механистично», не формально.

«Стоит только понять простой факт: не из родственности, а из соперничества интонаций музыки и поэзии возникают и развиваются Lied и родственные жанры; и вся их творческая история становится вполне понятной, чётко обозримой и крайне содержательной. То же и со стилистикой и эстетикой Lied» [1, с. 233–234].

Изучение романсов, написанных на единый поэтический текст, позволяет выявить характерные черты стиля и композиционных приёмов, принципы построения драматургии формы сочинения, поскольку индивидуальность композиторского мышления ярко проявляется при сопоставлении трактовок константного стихотворения. В этом ключе изучение взаимодействия поэтической и музыкальной интонации в рамках камерной-вокальной музыки на примерах единого стихотворного текста видится перспективным и актуальным.

Список литературы

1. Асафьев Б. В. Музыкальная форма как процесс / Изд. 2-е. – Ленинград: Музыка, 1971. – 376 с.
2. Асафьев Б. В. Николай Андреевич Римский-Корсаков (1844–1944). – Москва–Ленинград: Музгиз, 1944. – 91с.
3. Метнер Н. К. Муза и мода. 1935. – Paris: YMSA PRESS, 1978. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://medtner.org.uk/Muza i moda.pdf](http://medtner.org.uk/Muza_i_moda.pdf) (дата обращения 20.05.2017).
4. Метнер Н. К. Письма / Сост., ред. З. А. Апетян. – Москва: Советский композитор, 1973. – 615 с.
5. Метнер Н. К. Статьи. Материалы. Воспоминания / Сост.-ред., вступ. ст., коммент. и указ. З. А. Апетян. – Москва: Советский композитор, 1981. – 351 с.
6. Римский-Корсаков Н. А. Полное собрание сочинений. Т. 1. Литературные произведения и переписка (1844–1908). – Москва: ГосМузИздат, 1955. – 399 с.

7. Римский-Корсаков Н. А. Вагнер и Даргомыжский // Музыкальные статьи и заметки (1869–1907). – Санкт-Петербург, 1911. – С. 143–169.

References

1. Asafiev B. V. Musical Form as a Process [*Muzykalnaya forma kak protsess*]. Leningrad, Muzyka, 1971, 376 p.

2. Asafiev B. V. Nikolai Rimsky-Korsakov (1844–1944) [*Nikolay Rimskiy-Korsakov*]. Moscow–Leningrad, Muzgiz, 1944, 91 p.

3. Medtner N. K. The Muse and the Fashion [*Musa I moda*]. Paris, YMSA PRESS, 1978. Available at: http://medtner.org.uk/Muza_i_moda.pdf (accessed 20 May 2017).

4. Medtner N. K. Letters [*Pisma*]. Moscow, Sovetskiy Kompozitor, 1973, 615 p.

5. Medtner N. K. Articles, Materials, Reminiscences [*Stati, materialy, vospominaniya*]. Moscow, Sovetskiy Kompozitor, 1981, 351 p.

6. Rimsky-Korsakov N. A. Literary Works and Correspondence (1844–1908) [*Literaturnye proizvedeniya I perepiska (1844–1908)*]. *Polnoe sobranie sochineniy, T. 1* (Complete Works, vol. 1). Moscow, GosMuzIzdat, 1955, 399 p.

7. Rimsky-Korsakov N. A. Vagner and Dargomyzhsky [*Vagner I Dargomyzhskiy*]. *Muzykalnye stati I zametki (1869–1907)* (Musical Articles and Notes (1869–1907)). Saint Petersburg, 1911, pp. 143–169.

УДК 81-11

Органистические метафоры в современном языкознании*

Скребцова Татьяна Георгиевна – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет», кафедра математической лингвистики, кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: t.skrebtsova@spbu.ru

199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11,
тел.: +7 (921) 310-33-19.

Авторское резюме

Состояние вопроса: На протяжении двух столетий существования лингвистики как самостоятельной науки ученые прибегали к разнообразным метафорам, с тем чтобы осмыслять и описывать различные аспекты языка, связанные с его внутренним устройством и функционированием. Заметное место среди них занимают органистические метафоры, уподобляющие язык живому организму.

Цель: Исследование направлено на изучение использования органистических метафор в языкознании, начиная от периода его формирования как отдельной области знания в начале XIX века вплоть до наших дней. Большое внимание уделяется общенаучному контексту, в котором происходит обращение к метафоре языка-как-организма в тот или иной исторический период.

Результаты: Использование органистических метафор в дискурсе о языке не всегда концептуально обусловлено. Так, в работах ранних компаративистов биологические метафоры являются скорее данью риторике, нежели попыткой выявить связи между лингвистикой и биологией. Нечто подобное можно наблюдать и в современной публицистике, где нередко высказывается озабоченность по поводу активных изменений (прежде всего, массовых заимствований из английского), наблюдаемых в русском языке в последние десятилетия. Однако собственно в лингвистике широкое использование органистических метафор обычно обусловлено возрастанием роли биологии в соответствующий период. Так было в середине XIX века, когда под влиянием эволюционной теории Ч. Дарвина возникла концепция лингвистического натурализма А. Шлейхера, известная своими масштабными проекциями мира живой природы на область естественного языка. Острая борьба между сторонниками и противниками теории Дарвина на рубеже XIX и XX веков отразилась и на языкознании: ключевая идея Шлейхера о том, что языки могут только распадаться и расходиться, но не сближаться и не сходиться, была подвергнута критике.

Выводы: Современный всплеск органистических метафор в языкознании происходит на фоне важных достижений в биологии. Успехи в области

* © Т. Г. Скребцова, 2017.

расшифровки генома человека оживляют интерес к проблеме происхождения языка и вопросу о врожденности языковой способности. Антропный принцип диктует необходимость холистического подхода к анализу и описанию языка, что находит отражение в таких современных направлениях, как когнитивная лингвистика и эколингвистика. Мы являемся свидетелями новой эпохи сближения языкознания и биологии.

Ключевые слова: органистическая метафора; лингвистический натурализм; биоллингвистика; когнитивная лингвистика; эколингвистика; биологическая теория познания; проблема происхождения языка

Organistic Metaphors in Modern Linguistics

Skrebtsova Tatyana Georgievna – Saint Petersburg State University, Department of Mathematical Linguistics, Ph. D. (Philology), Associate Professor, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: t.skrebtsova@spbu.ru
11, Universitetskaya emb., Saint Petersburg, 199034, Russia,
tel.: +7 (921) 310-33-19.

Abstract

Background: Over the past two centuries, linguists have tried to account for different aspects of language structure and use by recourse to metaphor. Particularly conspicuous are organistic metaphors comparing languages to living things.

Aim: The study traces the use of organistic metaphors in discourse on language from the early days of linguistics as a discipline in its own right up to the present day. Attention is drawn to the overall intellectual climate stimulating metaphorical mappings from biology onto linguistics in different periods of time.

Results: The use of organistic metaphors in discourse on language does not necessarily have a conceptual background. Thus, in the early XIX century, comparative philologists tended to employ them as rhetorical devices, for pure ornamentation. Such usage was not intended to detect conceptual relations between the newly-born linguistics and biology. Something similar can be found in the present-day mass media when they are addressing changes that the Russian language has undergone over the past decades (in particular, numerous borrowings from English). Here, the language-as-organism metaphor is bound to be activated, but the analogy never reaches beneath the surface. However, the increasing use of organistic metaphors in linguistic discourse more often than not has been provoked by ground-breaking research in biology. This was the case with the impact of Charles Darwin's evolution theory on August Schleicher's views in the mid-nineteenth century. Schleicher became known as the father of the so-called linguistic naturalism. His whole theory rested on extensive parallels between the domain of living things and that of natural languages. At the turn of the 20th century, a bitter struggle between advocates and critics of Darwin's theory (the so-called eclipse of Darwinism) had a major effect on linguistics. Schleicher's key idea of divergence as the only way of the language evolution was challenged. Scholars argued for the mixed nature of

languages and put forward an idea of language convergence, quite opposite to what Schleicher espoused.

Conclusion: The present-day boom of organistic metaphors in linguistics also seems to have been triggered by recent biological achievements. Progress in sequencing human genome brings to light an old problem of the origin of language and spurs the discussion about the innateness of human ability for language acquisition. The anthropic principle dictates the need for a holistic approach to the study of language, undertaken by modern cognitive linguistics and ecolinguistics. We are currently witnessing a new era of rapprochement between linguistics and biology.

Keywords: organistic metaphor; linguistic naturalism; biolinguistics; cognitive linguistics; biology of cognition; origin of language.

Крупнейший американский лингвист Э. Сепир почти сто лет назад писал, что языкознание принадлежит к числу самых сложных и одновременно самых фундаментальных наук [см.: 9, с. 263]. Этот факт обуславливает его связи с широким кругом других дисциплин. В разные периоды своего развития языкознание сближалось с историей, психологией, эстетикой, логикой и т. д. За исключением, пожалуй, лишь структуралистов, сознательно стремившихся оградить лингвистику от посторонних влияний и исследовать язык «в самом себе и для себя» [12, с. 232], ученые всегда осознавали, что изучение такого сложного объекта, каким является естественный язык, неизбежно выходит за рамки их дисциплины и требует привлечения сведений из других наук. Наиболее прозорливые из них еще в начале XX века предсказывали, что эта тенденция с годами будет нарастать [см., напр.: 2, с. 18; 5, с. 17; 9], и их прогнозы сбылись: достаточно вспомнить большое число возникших в 1960–1970-е гг. пограничных с языкознанием областей исследования (психолингвистика, социоллингвистика, этнолингвистика и пр.).

Однако это «умножение сущностей», как кажется, только заостряет вопрос, сформулированный Г. Паулем [см.: 7, с. 25–31] в конце XIX века и впоследствии акцентированный Э. Сепиром [см.: 9], а именно: является ли лингвистика естественной или гуманитарной наукой? Можно в этой связи вспомнить также патетическое высказывание Г. Шухардта: «За языкознание, подобно тому как в средневековой легенде за душу человеческую вели борьбу дьявол и ангелы, боролись, как известно, науки о природе и науки о духе (или исторические науки)» [13, с. 71]. (Остается неясным, впрочем, какие науки, по мнению Шухардта, представляют силы добра, а какие – силы зла.) Едва ли поставленный вопрос может быть решен однозначно: в истории языкознания можно найти суждения в поддержку как той, так и другой позиции. Нас в этой связи интересует сближение лингвистики с естественными дисциплинами и в частности с биологией.

Считается, что первым из языковедов, кто провел параллели между этими областями знания, был А. Шлейхер, хотя еще у Я. Гримма можно встретить сравнение языка с природным организмом [см.: 3, с. 60–61]. Но то, что у Гримма было фигурой речи, у Шлейхера – основателя так называемого

«лингвистического натурализма» – стало результатом осознанной и последовательной проекции основных положений теории Ч. Дарвина на язык. Показательно название одной из его книг: «Теория Дарвина в применении к науке о языке» (1863).

Уподобляя язык естественному, или природному, организму (*Naturorganismus*), Шлейхер проводил параллели между тремя структурными типами языков и тремя царствами природы, именовал языковую историю «жизнью языка» и рассматривал ее в терминах родословного древа. Применяя понятие организма к описанию истории индоевропейских языков и их генетической классификации, ученый утверждал, что развитие языков, как и развитие растительного и животного мира, идет только одним способом: языковые группы и отдельные языки могут многократно дробиться, отдельные ветви могут «отсыхать», но ни при каких условиях языки не могут скрещиваться между собой.

Позднее, на рубеже XIX и XX веков, популярными стали противоположные идеи о гибридизации, смешении языков, распространенных в смежных ареалах, причем обсуждение темы «дивергенция vs. конвергенция» активно продолжалось и далее, в период между мировыми войнами. Анализируя тогдашние воззрения русских представителей Пражского лингвистического кружка – Р. О. Якобсона и Н. С. Трубецкого – по данному вопросу, П. Серио [см.: 10] показывает, что дискуссии в языкознании шли на фоне острой борьбы сторонников и противников дарвиновской теории в биологии. И Якобсон, и Трубецкой отрицали концепцию Шлейхера и в том числе случайный характер языковых изменений, имеющих, по их мнению, лишь причину (борьба за существование, естественный отбор), но не цель. В то же время, как утверждает Серио, в своих рассуждениях они тоже опирались на биологическую метафору, хотя и явно антидарвиновскую: «...отнюдь не проводя аналогии между объектами исследования, как это делал Шлейхер, для которого языки *суть* живые организмы, Якобсон проводит аналогию между исследовательскими методами: эволюцию языков можно исследовать *подобно* тому, как исследуется эволюция живых организмов» [10, с. 328].

В наши дни вопрос о происхождении биологических видов остается спорным, позволяя сосуществовать неodarвиновским и антидарвиновским концепциям. Это имеет очевидные последствия для проблемы происхождения языка – отнюдь не новой, но сформулированной по-новому современной биолингвистикой. Является ли наша языковая способность следствием генетических изменений (ср. открытие «отвечающего за речь» гена FOXP2 у людей и шимпанзе) или результатом длительной эволюционной адаптации? Существуют ли у человека специальные нейронные механизмы, предназначенные для обработки языка, или имеющиеся у современных приматов модули на каком-то этапе эволюции были приспособлены для новой задачи и иного типа данных?

Гипотезе врожденности, полстолетия назад выдвинутой Н. Хомским, противостоят эволюционные теории происхождения языка, которые, как правило, исходят из традиционного представления о формировании вербальной

коммуникации на основе невербальной – жестовой. Впрочем, спектр эволюционных теорий достаточно широк. Например, видный американский лингвист Т. Гивон исходит из того, что сущность человеческого языка постижима исключительно в контексте его эволюции [см.: 16, с. 123], и отстаивает функционально-адаптивную точку зрения на проблему происхождения языка. С его точки зрения, нейронные цепи, обеспечивающие обработку языка, первоначально развились на основе различных компонентов системы обработки визуальных данных. Автор намечает возможный путь формирования естественного языка, подкрепляя свои выводы имеющимися в науке данными об архитектуре человеческого мозга, исследованиями в области детской речи, усвоения иностранного языка, коммуникации в животном мире [см.: 16, с. 123–161].

Последние десятилетия ознаменовались серьезными успехами молекулярной биологии в области расшифровки генома человека. Любопытно, что при решении этой задачи ученые опирались на типологические аналогии со структурой естественного языка: лучшие на сегодняшний день технологии аннотации генома используют формальные грамматики и статистические модели, основанные на параллелях между последовательностями ДНК и человеческим языком. Однако определение молекулярных структур само по себе не обеспечивает понимание того, каким образом гены взаимодействуют и сотрудничают между собой в ходе развития организма. Вновь используя аналогию с языком, можно сказать, что на сегодняшний день ученые знают алфавит генетического кода, но не имеют понятия о его синтаксисе.

В связи с этим все чаще звучат призывы отбросить механистические модели и делать акцент не на структуре, но на организации живых организмов, описание которой не сводимо к описанию их составных частей. Так, широкую известность получила биологическая теория познания (авторы – чилийские ученые У. Матурана и Ф. Варела), базирующаяся на принципе холизма: «Живая организация должна быть понята как единство» и «...хотя наблюдатель может расчленить живую систему на части, которые он сам определяет, *описание* этих частей не является репрезентацией живой системы и не может быть ею» [6, с. 96; 130]. (Отметим, что и в современном языкознании идеология модулярности заметно сдает позиции под натиском эмпирических данных, свидетельствующих в пользу холистической организации языковой способности.)

В основу своей концепции Матурана и Варела положили идею автопоэзиса (греч. *auto* – ‘сам’ и *poiesis* – ‘создание, производство’), согласно которой человеческое познание детерминируется биологией. «Жизнь длится как процесс познания. Мир не существует до познания как готовый набор сущностей, расположенных для познания. Мир творится в процессе его узнавания-проживания самой автопоэзной системой. Действительность конструируется наблюдателем. Конструктор опыта запрятан в наблюдающем теле. Биология наблюдателя вырезает слой действительности из бесконечного разнообразия непознаваемой реальности: реальность, согласная с биологией наблюдателя, им познается; реальность, не нашедшая опор в биологии

наблюдателя, для него не существует. Наблюдающее тело – автопозная система, способная познавать, – живет в мире, созданном ею самой по лекалам, заготовленным ее биологией» [1, с. 89].

Применительно к языку особенно важным является следующий тезис: «Все сказанное сказано наблюдателем. Речь наблюдателя обращена к другому наблюдателю, в качестве которого может выступать он сам» [6, с. 97]. Отсюда следует, что язык не существует отдельно от его носителя и не может изучаться в отрыве от человека как живой системы. Впрочем, во второй половине XX века лингвистика подошла к этому выводу вполне самостоятельно. Распространенная в наши дни «широкая концепция семантики» [4, с. 13–16] исходит из того, что лингвистические исследования должны принимать во внимание особенности человеческого восприятия, его фоновые знания и опыт, характер физической и социальной среды.

В частности, эту позицию последовательно отстаивает когнитивная лингвистика, формирование которой обусловлено как ходом развития зарубежного языкознания в XX веке, так и становлением когнитивной науки, или когнитологии [подробнее см.: 11, с. 8–22]. Сторонники данного направления своим главным лозунгом провозглашают связь языка и когниции и заявляют, что лингвистику следует сближать не с логикой и математикой (как это практикуется в генеративной грамматике и других формальных теориях языка), а с биологией. По мнению видного представителя когнитивной лингвистики Р. Лангакера, «биология дает более адекватную метафору для лингвистических исследований, чем формальные дисциплины», и в целом «было бы более правильно уподоблять язык живому организму» [22, с. 4].

При такой установке кардинальным образом меняются сами принципы построения теории языка. В новой системе ценностей отстаивается холистический подход к интерпретации языковой способности и процессов восприятия и порождения текстов, подчеркивается органическая связь языка с психической организацией человека, выдвигается тезис о «воплощенности» мышления, которая проявляется, в том числе, в языковых механизмах образности [см.: 17; 18; 19]. Язык рассматривается в качестве важного источника сведений о ментальной «инфраструктуре» человека, окна в его *mind* [15, с. 102]. Лингвистический анализ не ограничивается описанием языковых структур, но претендует на создание единой модели, объясняющей, как устроено языковое знание человека и как он его использует в повседневной речевой деятельности.

Примером подобной модели может служить когнитивная грамматика Р. Лангакера. Центральным принципам генеративной теории (экономия, порождаемость, редуционизм) автор противопоставляет собственный взгляд, согласно которому языковая система представляет собой обширный и в значительной степени избыточный массив единиц, не поддающийся алгоритмическому исчислению. При этом под «единицей» понимается некая в совершенстве освоенная структура – «когнитивный шаблон» (*cognitive routine*), которым говорящий может оперировать как единым целым, не задумываясь о его композиционных особенностях. Единицы могут быть сколь угодно

сложными, а степень их регулярности варьирует в широком диапазоне от весьма общих до частных и даже единичных случаев. Ведь язык, как подчеркивает Лангакер, не является абсолютно логичной, экономной, сбалансированной системой – подобно живому организму, в нем есть место нерегулярности, непоследовательности, избыточности. Основной пафос когнитивной грамматики – построение психологически достоверной теории, «органически» (по выражению автора) вырастающей на прочном фундаменте языковых фактов [см.: 21].

Современное продолжение метафоры языка-организма можно видеть и в другой сравнительно новой области знания – эколингвистике. Ее основателем считается американский лингвист Э. Хауген, хотя следует заметить, что еще в 1912 г. его знаменитый соотечественник Э. Сепир опубликовал статью под характерным названием «Язык и окружающая среда» (“Language and Environment”). Более чем полстолетия спустя (в августе 1970 г.), на конгрессе, посвященном описанию языков мира, Хауген выступил с докладом «Об экологии языков» (“On the Ecology of Languages”). Именно с этим событием связывают введение в научный оборот соответствующего понятия. Сам автор определял экологию языка как исследование взаимодействий между любым данным языком и его окружающей средой, в качестве которой выступает общество, использующее этот язык как один из своих кодов. Очерчивая границы новой области исследований, Хауген обозначил ее связи с другими дисциплинами, прежде всего лингвистической антропологией, социалингвистикой и социологией языка, психолингвистикой, лингвистической типологией, диалектологией.

Согласно Хаугену, язык формируется в результате взаимодействия людей, живущих в определенной окружающей среде. В своем докладе ученый выступал против попыток рассмотрения структурных типов языков и их генеалогического родства без учета внешнего контекста их существования. Основной пафос его доклада и последующих работ связан с неравными условиями, в которых находятся разные языки, и необходимостью сохранения языкового многообразия; отсюда – внимание к вопросам языковой политики и планирования.

На первый взгляд может показаться, что налицо прямые параллели между областями лингвистики и биологии. Между тем, исследователь «эколингвистического» наследия Хаугена утверждает, что автор был далек от лингвистического натурализма [см.: 23, с. 158]. И действительно, если взять, например, понятие окружающей среды у Хаугена, то оно имеет мало общего с понятием географической территории или экологического ареала. Автор включил в него два аспекта – психологический (взаимодействие языка с другими языками в сознании билингвов и плюролингвов) и социологический – взаимодействие языка с обществом, в котором он функционирует как средство коммуникации [см.: 14, с. 325].

Современные последователи американского ученого, помимо предложенного им термина *экология языка*, употребляют также выражения *эколингвистика*, *экологическая лингвистика*, *языковая экология*, причем не во

вполне тождественном смысле. Биологические метафоры в наши дни стали более многочисленными, так что можно говорить о широкомасштабном отображении понятийной области экологии на область социолингвистики [см.: 20]. К выражениям *живой язык* и *мертвый язык* в последние десятилетия добавилось понятие *языков, находящихся в опасности* (*endangered languages*), – по аналогии с исчезающими биологическими видами. Это так называемые *языки-жертвы*, которые под давлением более сильных и агрессивных соперников (*языков-хищников*) *вымирают*, т. е. утрачивают востребованность у следующих поколений. Если Шлейхер в свое время апеллировал к дарвиновским законам *борьбы за выживание* и *естественного отбора*, то последователи Хаугена широко пользуются понятийным арсеналом экологии, говоря об *экосистемах*, *экологических нишах*, *экологическом разнообразии* и *равновесии*, *устойчивом развитии* и пр. – все это применительно к языкам мира.

В более широкой перспективе, можно предположить, что своим закреплением в современном языкознании органистическая метафора обязана введению в науку в 1970-е гг. антропного принципа и – как следствие – вниманию к «человеческому фактору» в языке [о разных направлениях соответствующих исследований см.: 8].

Что же касается частого сравнения языка с живым организмом в отечественной публицистике, оно имеет совсем иной источник, а именно озабоченность широкой публики по поводу изменений, которые происходят в русском языке на протяжении последних десятилетий под влиянием серьезных преобразований в общественной жизни. Чаще всего речь идет о массовых заимствованиях из английского языка, из-за которых *язык болеет*, *деградирует*, *умирает*, *его надо спасать* и т. п. (все примеры здесь и далее собраны по материалам СМИ).

Широко представлена и альтернативная точка зрения, согласно которой языковые изменения являются нормальным явлением. Аргументация здесь также построена на использовании органистической метафоры: *язык живет*, *пульсирует*, *растет*, *мутирует*, *развивается по своим законам*. Периоды *интенсивного развития* чередуются у него с периодами *стабильности*. У каждого языка – *своя воля и судьба*, *своя плоть*, *свое дыхание*. В нем все время *что-то зарождается*, *что-то отмирает*, что-то новое привносится извне (оно *может прижиться или не прижиться*). Легко заметить, что та же метафора «языка-как-организма» используется здесь для обоснования неизбежности языковых изменений, а также для выражения уверенности в устойчивости языковой системы, ее способности дифференцировать целесообразные и нецелесообразные новации. Как бы то ни было, использование органистической метафоры в публицистике является привычной фигурой речи и не предполагает выявления глубинных аналогий между живой природой и естественным языком.

Список литературы

1. Аретаков А. А. Концепт сознания в онтологическом каркасе антропного принципа // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2007. – № 2. – С. 86–92.
2. Бодуэн де Куртене И. А. Языкознание, или лингвистика, XIX века // Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. – М.: Издательство АН СССР, 1963. – С. 3–18.
3. Гримм Я. О происхождении языка (Извлечения) // История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. 3-е изд. – Т. 1. – М.: Просвещение, 1964. – С. 57–68.
4. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. 2-е изд. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 352 с.
5. Малиновский Б. Научная теория культуры. – М.: ОГИ, 1999. – 206 с.
6. Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект. – М.: Прогресс, 1995. – С. 95–142.
7. Пауль Г. Принципы истории языка. – М.: Издательство иностранной литературы, 1960. – 500 с.
8. Постовалова В. И. Наука о языке в свете идеала цельного знания // Язык и наука конца XX века. – М.: РГГУ, 1995. – С. 342–420.
9. Сепир Э. Статус лингвистики как науки // Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 1993. – С. 259–265.
10. Серию П. Лингвистика и биология. У истоков структурализма: биологическая дискуссия в России // Язык и наука конца XX века. – М.: РГГУ, 1995. – С. 321–341.
11. Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика: Курс лекций. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. – 256 с.
12. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1999. – 432 с.
13. Шухардт Г. Изучение фонетических изменений // Избранные статьи по языкознанию. – М.: Издательство иностранной литературы, 1950. – С. 56–72.
14. Haugen E. The Ecology of Language: Essays. – Stanford: Stanford University Press, 1972. – 366 p.
15. Fauconnier G. Methods and Generalizations // Cognitive Linguistics: Foundations, Scope, and Methodology. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1999. – pp. 95–127.
16. Givón T. Bio-Linguistics: The Santa Barbara Lectures. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2002. – 383 p.
17. Johnson M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason. – Chicago: University of Chicago Press, 1987. – 272 p.
18. Johnson M. Philosophical Implications of Cognitive Semantics // Cognitive Linguistics. – 1992. – Vol. 3, № 4. – pp. 345–366.
19. Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. – Chicago: University of Chicago Press, 1987. – 614 p.

20. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 256 p.

21. Langacker R. W. *A Usage-Based Model* // *Topics in Cognitive Linguistics*. – Amsterdam; Philadelphia, 1988. – pp. 127–161.

22. Langacker R. W. *An Overview of Cognitive Grammar* // *Topics in Cognitive Linguistics*. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1988. – pp. 3–48.

23. Lechevrel N. *L'écologie du langage d'Einar Haugen* // *Histoire. Épistémologie. Langage*. – 2010. – Tome XXXII, fascicule 2. – pp. 151–166.

References

1. Aredakov A. A. The Concept of Mind in the Ontological Framework of the Anthropic Principle [Kontsept soznaniya v ontologicheskom karkase antropnogo printsipa]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* (Russian Higher Education Bulletin. Volga Region. The Humanities). 2007, № 2, pp. 86–92.

2. Baudouin de Courtenay I. A. *The XIX Century Linguistics* [Yazykoznanie, ili lingvistika, XIX veka]. *Izbrannye trudy po obschemu yazykoznaniyu. T. 2* (Selected Papers in General Linguistics. Vol. 2). Moscow, Izdatelstvo AN SSSR, 1963, pp. 3–18.

3. Grimm J. *On the Origin of Language (Excerpts)* [O proiskhozhdenii yazyka (Iz vlecheniya)]. *Istoriya yazykoznaniya XIX–XX vekov v ocherkakh i iz vlecheniyakh. 3-e izd. T. 1* (The History of Linguistics in XIX–XX Centuries in Overviews and Excerpts. 3-rd ed. Vol. 1). Moscow, Prosveschenie, 1964, pp. 57–68.

4. Kobozeva I. M. *Linguistic Semantics* [Lingvisticheskaya semantika]. Moscow, Editorial URSS, 2004, 352 p.

5. Malinowski B. *A Scientific Theory of Culture* [Nauchnaya teoriya kultury]. Moscow, OGI, 1999, 206 p.

6. Maturana U. *Biology of Cognition* [Biologiya poznaniya]. *Yazyk i intellekt* (Language and Intellect). Moscow, Progress, 1995, pp. 95–142.

7. Paul H. *Principles of the History of Language* [Printsipy istorii yazyka]. Moscow, Izdatelstvo inostrannoy literatury, 1960, 500 p.

8. Postovalova V. I. *Linguistics in the Light of the Holistic Knowledge Ideal* [Nauka o yazyke v svete ideala tsel'nogo znaniya]. *Yazyk i nauka kontsa XX veka* (Language and Science in the Late XX Century). Moscow, RGGU, 1995, pp. 342–420.

9. Sapir E. *The Status of Linguistics as a Science* [Status lingvistiki kak nauki]. *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu i kulturologii* (Selected Papers in Linguistics and Cultural Studies). Moscow, Progress, 1993, pp. 259–265.

10. Sériot P. *Linguistics and Biology. At the Source of Structuralism: A Biological Discussion in Russia* [Lingvistika i biologiya. U istokov strukturalizma: biologicheskaya diskussiya v Rossii]. *Yazyk i nauka kontsa XX veka* (Language and Science in the Late XX Century). Moscow, RGGU, 1995, pp. 321–341.

11. Skrebtsova T. G. Cognitive Linguistics: A Course of Lectures [*Kognitivnaya lingvistika: Kurs lektsiy*]. St. Petersburg, Filologicheskiy fakultet SPbGU, 2011, 256 p.

12. Saussure F. de. A Course in General Linguistics [*Kurs obschey lingvistiki*]. Ekaterinburg, Izdatelstvo Uralskogo universiteta, 1999, 432 p.

13. Schuchardt H. A Study of Phonetic Change [*Izuchenie foneticheskikh izmeneniy*]. *Izbrannye stati po yazykoznaniiyu* (Selected Papers in Linguistics). Moscow, Izdatelstvo inostrannoy literatury, 1950, pp. 56–72.

14. Haugen E. *The Ecology of Language: Essays*. Stanford, Stanford University Press, 1972, 366 p.

15. Fauconnier G. Methods and Generalizations. *Cognitive Linguistics: Foundations, Scope, and Methodology*. Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 1999, pp. 95–127.

16. Givón T. *Bio-Linguistics: The Santa Barbara Lectures*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins, 2002, 383 p.

17. Johnson M. *The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason*. Chicago, University of Chicago Press, 1987, 272 p.

18. Johnson M. Philosophical Implications of Cognitive Semantics. *Cognitive Linguistics*, 1992, Vol. 3, № 4, pp. 345–366.

19. Lakoff G. *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. Chicago, University of Chicago Press, 1987, 614 p.

20. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago, University of Chicago Press, 1980, 256 p.

21. Langacker R. W. A Usage-Based Model. *Topics in Cognitive Linguistics*. Amsterdam, Philadelphia, 1988, pp. 127–161.

22. Langacker R. W. An Overview of Cognitive Grammar. *Topics in Cognitive Linguistics*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins, 1988, pp. 3–48.

23. Lechevrel N. L'écologie du langage d'Einar Haugen. *Histoire. Épistémologie. Langage*, 2010, Tome XXXII, fascicule 2, pp. 151–166.

УДК 81'1

Автоматизированная система прогнозирования стратегии письма у детей*

Юдина Ольга Владимовна – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Череповецкий государственный университет», кафедра математического и программного обеспечения ЭВМ, доцент, кандидат технических наук, Череповец, Россия.

E-mail: ovyudina2010@mail.ru
162602, Россия, Череповец, пр. Луначарского, д. 5,
тел.: 8-964-662-48-73.

Сальникова Ольга Сергеевна – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Череповецкий государственный университет», кафедра математического и программного обеспечения ЭВМ, старший преподаватель, кандидат филологических наук, Череповец, Россия.

E-mail: salnikovaos@yandex.ru
162602, Россия, Череповец, пр. Луначарского, д. 5,
тел.: 8-964-662-48-73.

Авторское резюме

Состояние вопроса: Информационные технологии, используемые в образовании, должны обеспечивать развивающую, обучающую, воспитательную функцию или их комплекс. Важным способом реализации этих функций могло бы стать прогнозирование стратегии письма, методика которого требует специальной разработки.

Результаты: На основе исследования стратегии письма возможно создание орфографического портрета ребенка с учетом соотношения фонетического письма и чувства языка, которое проявляется в выборе нормативного написания как морфологического фонетического, так и нефонетического. Алгоритм построения лингвистических моделей включает в себя следующие этапы.

1. Введение данных.
2. Сопоставление данных с нормативным написанием.
3. Соотношение выбранного написания с произношением.
4. Определение совокупности написаний: выбор нормативного варианта в каждом классе написаний оценивается как 1, девиация – 0.
5. На основе соотношения написаний определяется стратегия письма.
6. Сохранение результатов в базу данных.
7. Вывод результата.

Проведенное исследование позволяет предложить новые алгоритмы построения лингвистических моделей. Цель системы заключается не только в накоплении и анализе результатов, но и в прогнозировании, построении модели

* © О. В. Юдина, О. С. Сальникова, 2017.

письма (орфографическая стратегия). Орфографическая стратегия ребенка определяется количественным значением написаний. Например, «пишу, как слышу» (фонетические написания, морфологические фонетические написания), «слышу и пишу по-другому» (гиперкорректные написания, морфологические нефонетические написания).

Область применения результатов: В условиях создания единого образовательного пространства (детский сад – начальная школа) разработанное приложение может быть внедрено как составная часть материалов, используемых для плавного перехода ребенка из дошкольного учреждения в первый класс с учетом особенностей (стратегии письма) в рамках непрерывного образования. Работа системы позволит снизить количество времени на подготовку материалов задания в печатном виде, на обработку полученного результата и позволит накапливать данные о выполненных заданиях с их дальнейшей обработкой для прогнозирования стратегии письма.

Выводы: Автоматизированная система прогнозирования стратегии письма повышает продуктивность всех «участников» процесса обучения: ученика, воспитателя (учителя) и исследователя (педагога, психолога, лингвиста), позволяя организовать эффективное взаимодействие между ними.

Благодаря полученным данным воспитатель, учитель и родители могут построить наиболее удачную траекторию для работы с ребенком. Использование системы значительно снижает временные затраты учителя на диагностику и прогнозирование навыков письма ребенка для организации дальнейшей работы с ним.

Ключевые слова: орфография; принципы орфографии; письмо детей; стратегия письма; автоматизированная система; дерево принятия решений; прогноз стратегии письма.

Automated System for Prognosis of Children's Writing Strategies

Yudina Olga Vadimovna – Cherepovets State University, Department of Mathematical and Computer Software, Associate Professor, Ph. D. (engineering), Cherepovets, Russia.

E-mail: ovyudina2010@mail.ru
5, Lunacharskogo Avenue, Cherepovets, 162602, Russia,
tel: 8-964-662-48-73.

Salnikova Olga Sergeevna – Cherepovets State University, Department of Mathematical and Computer Software, Senior Lecturer, Ph. D. (philology), Cherepovets, Russia.

E-mail: salnikovaos@yandex.ru
5, Lunacharskogo Avenue, Cherepovets, 162602, Russia,
tel: 8-964-662-48-73.

Abstract

Background: Information technologies used in education should provide the developing, teaching, educational function or their complex. An important way to

implement these functions could be the prognosis of the writing strategy, the methodology of which requires special development.

Results: Based on the research of the writing strategy, it is possible to create a orthographical ‘portrait’ of the child, taking into account the correlation between phonetic writing and the sense of language, which manifests itself in the choice of the normative spelling both morphological phonetic and non-phonetic. The algorithm for constructing linguistic models includes the following stages:

1. Introduction of data.
2. Comparison of data with normative spelling.
3. The correlation between the chosen spelling and pronunciation.
4. Definition of the set of spellings: the choice of the normative variant in each class of spelling is estimated as 1, the deviation is 0.
5. The correlation between spellings determines the strategy of writing.
6. Saving results to a database.
7. Final result.

The carried out research allows us to propose new algorithms for constructing linguistic models. The purpose of the system is not only to accumulate and analyze the results, but also to predict and develop a model of writing (orthographic strategy). The orthographic strategy of the child is determined by the quantitative value of the spelling. For example, “I write as I hear” (phonetic spelling, morphological phonetic spelling), “I hear and write differently” (hypercorrect spelling, morphological non-phonetic spelling).

Research implications: In the context of creating a unified educational space (kindergarten – elementary school), the developed application can be implemented as a component of the materials used for smooth transition of a child from preschool to first class, taking into account the characteristics (writing strategy) within the framework of lifelong education. The work of the system will permit to reduce the amount of time for the preparation of learning materials in printed form, to process the result obtained and will make it possible to accumulate data on completed tasks with their further processing to predict the writing strategy.

Conclusion: The automated system for prognosis of the writing strategy improves the efficiency of all the “participants” of the learning process: the pupil, the teacher and the researcher (teacher, psychologist, linguist), allowing to organize effective interaction among them.

Thanks to the information received, the teacher and parents can build the most successful strategy for working with the child. The use of the system significantly reduces the teacher's time spent on diagnosing and predicting the children's writing skills for organizing further work with them.

Keywords: orthography; principles of spelling; children’s writing; writing strategy; automated system; decision tree; writing strategies prognosis.

Состояние вопроса. Важность изучения лингвистических особенностей письма детей дошкольного возраста особенно велика в связи с тем, что именно в дошкольном детстве закладываются естественные, спонтанные основы

становления языковой грамотности, которые затем начинают целенаправленно формироваться в начальной школе и составляют базу для продолжения освоения орфографии в средней школе.

Все сказанное соотносится с концепцией эмерджентной грамотности, согласно которой «навыки, связанные с овладением устной и письменной речью, развиваются на протяжении ряда лет, начиная с младенчества, и постепенно совершенствуются в ходе не прерывающегося ни на мгновение процесса» [6, с. 476]. Способствовать приобретению данных навыков будет обогащенная речью среда, в которой находится ребенок, как справедливо указывает А. Н. Гвоздев: «Детский язык представляет из себя эволюцию языка, направляемую воздействием языка окружающей среды» [2, с. 6].

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что сегодня увеличивается влияние и проникновение информационных технологий во все сферы общества, в том числе и в сферу образования.

Нас интересует лингвистическое образование детей старшего дошкольного возраста с точки зрения его дальнейшего продолжения в начальной школе, а именно лингвистическая модель стратегии письма.

В нашем случае основным является и подбор самих заданий, и методика их обработки для достижения цели дальнейшего прогнозирования «появления» той или иной стратегии письма у ребенка.

Работа с компьютерами в дошкольных учреждениях проводится на развивающих занятиях. Компьютерные игры для детей дошкольного возраста учитывают возрастные особенности детей и носят дидактическую направленность. Задания предлагаются в увлекательной форме, при их выполнении у ребенка развиваются мыслительные навыки (операции анализа, синтеза, обобщения, аналогии), тренируется внимание, память, правильность и быстрота ответа.

Дидактические компьютерные детские игры позволяют формировать у ребенка определенные навыки, в том числе и навыки письма, но в них не предусмотрено определение стратегии письма, с опорой на которую воспитатель или учитель сможет выстроить индивидуальную работу с ребенком.

Методология исследования предполагает антропоцентрический подход к языку и речи. Выбор методов обусловлен задачами работы и спецификой анализируемого материала.

В основе исследования лежит лингвоперсонологический принцип (описание отдельных типов орфографических личностей).

Теоретической основой исследования послужили работы в области лингвистики (теория письма, онтолингвистика, лингвоперсонология): И. А. Бодуэна де Куртенэ, Л. В. Щербы, А. Н. Гвоздева, В. Ф. Мейерова, Л. Б. Селезневой, Н. Д. Голева, С. Н. Цейтлин, Г. М. Богомазова, Н. П. Павловой, Г. Р. Добровой, Л. А. Калмыковой и др.; психолингвистики: работы Д. Слобина, Н. И. Жинкина, А. Н. Леонтьева, А. А. Леонтьева, А. М. Шахнаровича и др.; когнитивной, возрастной и педагогической

психологии: работы Л. С. Выготского, А. Р. Лурия, Д. И. Богоявленского, Л. И. Божович, С. Ф. Жуйкова, Р. С. Немова, Р. Л. Солсо, А. Н. Корнева и др.

В работе орфография рассматривается в широком понимании (включая графику) как система правил, устанавливающая единообразные способы передачи речи на письме, но исключая рассмотрение употребления знаков препинания.

Основополагающим для нас является понятие *принципа письма*. Русское письмо построено на морфологическом принципе. Мы принимаем широкое понимание морфологического принципа вслед за Л. В. Щербой: «Части слов – морфемы, узнаваемые в разных словах как тождественные, пишутся одинаково, несмотря на различия их произношения; мы пишем каждую морфему всегда по аналогии к ее основной форме» [7, с. 101] – и А. Н. Гвоздевым: «На письме не получают отражения существующие в произношении многочисленные чередования гласных и согласных звуков, вследствие чего одна и та же морфема выступает как нечто неизменное. Так создается единый графический образ морфем как носителей известного значения, без воспроизведения их конкретного звукового состава, частичные изменения которого не отражаются на присутствии морфеме значения и поэтому не важны» [3, с. 59]. К морфологическим написаниям, в широком понимании морфологического принципа как единообразного написания морфем, следует отнести и этимологические написания (А. Н. Гвоздев, В. Ф. Иванова, Н. С. Рождественский, А. И. Моисеев).

Вслед за В. Ф. Ивановой, мы рассматриваем орфографические принципы как «руководящие идеи выбора букв там, где звук (фонема) может быть обозначен вариативно» [4, с. 135]. В данном определении ключевым является «выбор», другими словами, *стратегия пишущего*.

Накапливающийся читательский опыт и насыщенная письменной речью среда опережает изучение правил, при этом происходит «...смена тактики субъективного слога деления у детей. Так, дети, не обученные чтению, стремятся делить слова преимущественно на открытые слоги, а дети, обучаемые чтению, стремятся делить слова (там, где это возможно) на закрытые слоги. При этом слога деление все чаще (там, где это возможно) совпадает с морфоделением, например, до обучения чтению по-до-ко-нник, а после обучения: под-о-кон-ник и т. п.» [1, с. 103], поэтому необходимо учитывать и показатель «Умение читать».

Отметим, что необходимой информацией о ребенке является пол, для того чтобы проследить влияние гендерного фактора на процесс освоения письма; возраст и дата выполнения задания, для того чтобы проследить динамику формирования стратегии письма.

На основе стратегии письма дается характеристика орфографического портрета ребенка с учетом соотношения фонетического письма и чувства языка, которое проявляется в выборе нормативного написания как морфологического фонетического, так и нефонетического. Схема основных понятий представлена на рис. 1.

Рис. 1. Схема лингвистических понятий

Результаты. Научная новизна работы заключается в предложенных новых алгоритмах построения лингвистических моделей, отличающихся от известных тем, что учитываются лингвистические параметры и особенности возраста ребенка, и позволяющих определять и прогнозировать стратегию овладения письмом.

В основе алгоритма определения орфографической стратегии лежит прием классификации орфографических ошибок и нормативных написаний с учетом экстралингвистических данных: для детей старшего дошкольного возраста в качестве параметров выделено и умение читать.

Для решения поставленных задач в работе использованы методы математического моделирования, теория принятия решений, теория вероятностей, математическая статистика, а также основы теории построения алгоритмов и программ.

Общая характеристика математических методов и решаемых ими задач представлена в табл. 1.

Таблица 1. Математические методы

Методы	Задача
Стратифицированная и случайная выборка	Формирование выборки слов для конкретного ребенка
Дерево принятия решений (алгоритм CART)	Классификация написаний, выбранных ребенком
Сложение двух матриц	Определение стратегии письма
Дерево принятия решений (алгоритм CART)	
Сложение двух матриц	Прогнозирование стратегии письма
Определение среднего арифметического	
Дерево принятия решений (алгоритм CART)	

Для формирования совокупности написаний для конкретного ребенка используется ступенчатый отбор: стратифицированный – для выбора равного количества морфологических фонетических и морфологических нефонетических написаний; вид отбора конкретных написаний – групповой.

Выбор нормативного варианта в каждом классе написаний оценивается как 1, девиация – как 0. В итоге мы получаем матрицу значений фонетических написаний и матрицу значений нефонетических написаний. Получается матрица, объединяющая в себе значения и фонетических, и нефонетических слов с точки зрения их нормативности, на основе ее и выводится стратегия письма ребенка.

Для определения стратегии также используется дерево принятия решений (рис. 2).

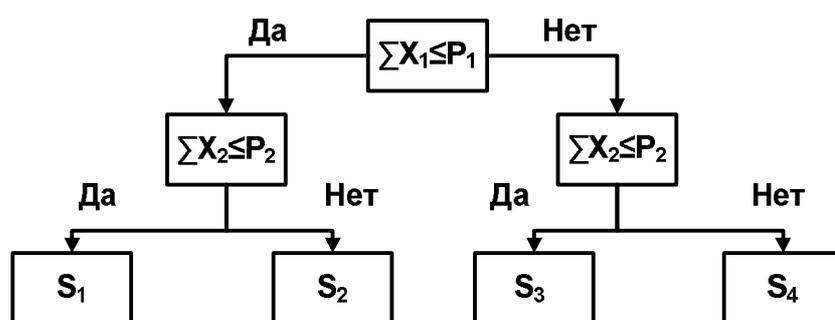

Рис. 2. Дерево принятия решений. Определение стратегии

Таким образом, у дерева решений есть следующие параметры, определяющие алгоритм:

– условия ($\sum x_1 \leq P_1$; $\sum x_2 \leq P_2$);

– «высота» дерева (количество уровней с условиями, в данном случае – их

3).

Алгоритм определения стратегии письма представлен на рис. 3.

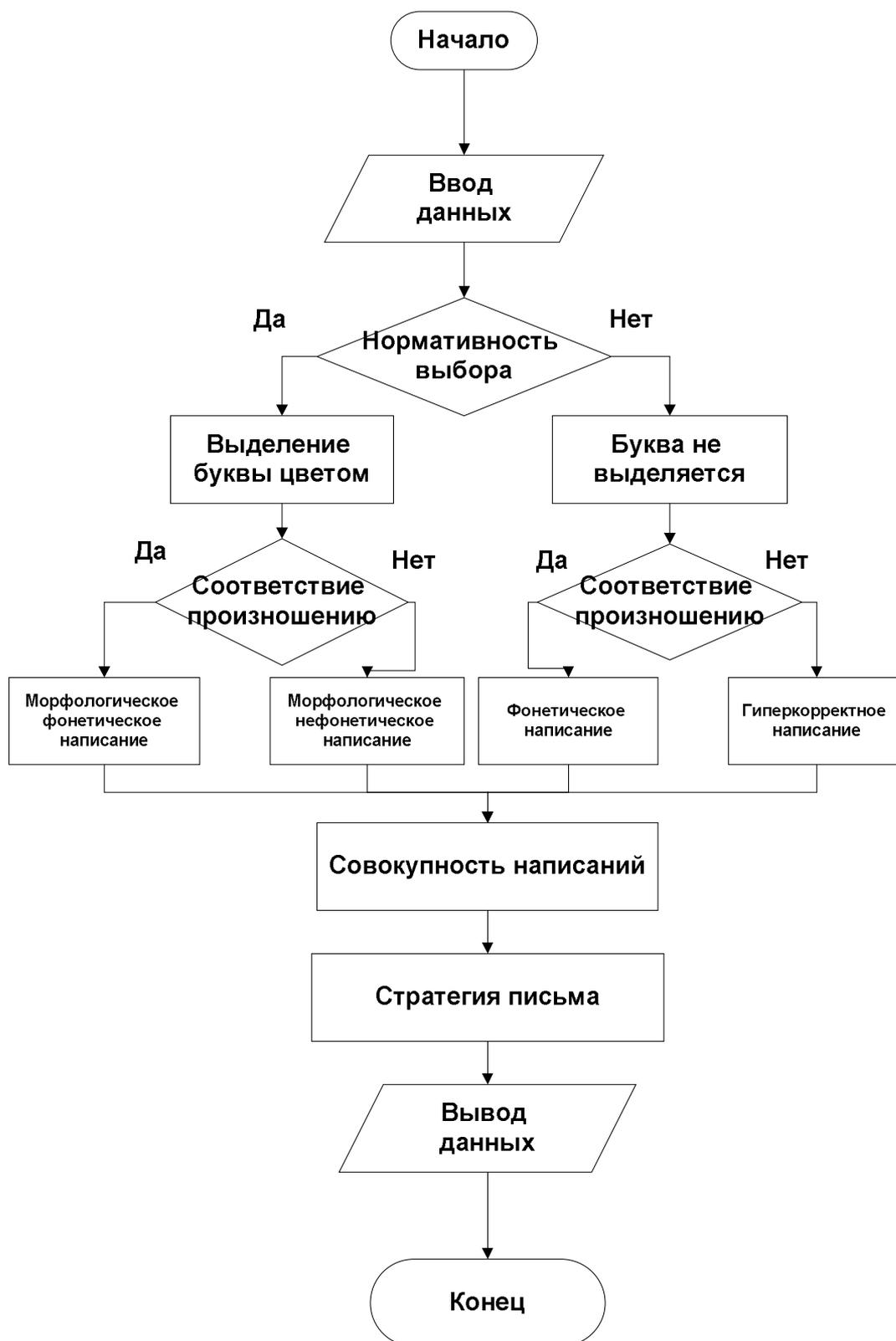

Рис. 3. Алгоритм определения стратегии письма

Рассмотрим алгоритм действия системы построения лингвистических моделей, который состоит в следующем.

1. Введение данных.
2. Сопоставление данных с нормативным написанием
3. Соотношение выбранного написания с произношением.

4. Определение совокупности написаний: выбор нормативного варианта в каждом классе написаний оценивается как 1, девиация – 0

5. На основе соотношения написаний определяется стратегия письма: условия $\sum x_{1d} \leq P_1$; $\sum x_{2d} \leq P_2$.

$$\sum_{i=0}^{10} S = \sum_{i=1}^{10} x_{1nor} + \sum_{i=0}^{10} x_{1d} + \sum_{i=1}^{10} x_{2nor} + \sum_{i=0}^{10} x_{2d}$$

где x_{1nor} – норма – морфологическое фонетическое написание;

x_{1d} – девиация – гиперкорректное написание;

x_{2nor} – норма – морфологическое нефонетическое написание;

x_{2d} – девиация – фонетическое написание;

S – стратегия письма.

6. Сохранение результатов в базу данных.

7. Вывод результата.

Результатом для ребенка является количество слов, написание которых он передал в соответствии с нормой. Результатом для учителя и эксперта выступает количество написаний каждого типа: морфологические нефонетические (САД), морфологические фонетические (САЛАТ), фонетические (КАТЕНОК), гиперкорректные (МОГАЗИН) и стратегия письма.

Орфографическая стратегия ребенка определяется количественным значением написаний. Например, «Пишу, как слышу» (фонетические написания, морфологические фонетические написания), «Слышу и пишу по-другому» (гиперкорректные написания, морфологические нефонетические написания). Типы стратегий и их характеристика представлены в табл. 2.

Таблица 2. Стратегии письма детей 6–7 лет

Обозначение	Название	Характеристика
S ₁	«Смешанная, девиации»	Ребенок дифференцирует написания, соответствующие произношению и наоборот, но путается в выборе написания. Выбор носит хаотичный характер.
S ₂	«Слышу и пишу по-другому»	Ребенок выбирает вариант написания далекий от звучания. Морфологические нефонетические написания передаются на письме нормативно, но для морфологических фонетических написаний «на всякий случай» используется гиперкорректное написание.
S ₃	«Пишу, как слышу»	Ребенок выбирает вариант написания близкий к звучанию. Трудности не вызывают морфологические фонетические написания, а морфологические нефонетические передаются на письме как упрощенная фонетическая транскрипция.
S ₄	«Смешанная, нормативная»	Ребенок дифференцирует написания, в основе выбора лежит опора на тождество морфемы в словах. Написания передаются нормативно.

Система построения лингвистических моделей имеет своей целью не только накопление и анализ результатов, но и прогнозирование: построение модели письма (орфографическая стратегия).

Прогноз стратегии письма – это результат процесса прогнозирования письменного навыка ребенка, выраженный в словесной характеристике основных моментов письма с опорой на полученные ранее лингвистические данные о респондентах с аналогичными параметрами (возраст, пол, языковые умения), исходя из требований прогноза. В данном случае потребителем прогноза являются учитель и родители.

Результаты прохождения детьми заданий сохраняются и обрабатываются системой, что значительно снижает временные затраты учителя. Рассмотрим полученные данные по определению и прогнозированию стратегии письма у детей 6–7 лет.

Область применения результатов. Результаты экспериментальной проверки разрабатываемой системы построения лингвистических моделей (определение и прогнозирование стратегии письма) показывают, что большинство детей (37%), выполнивших задания, склонны при выборе написания ориентироваться на звучащую речь: стратегии письма «Пишу, как слышу», которая характеризуется следующим: ребенок выбирает вариант написания близкий к звучанию; трудности не вызывают морфологические фонетические написания, а морфологические нефонетические передаются на письме как упрощенная фонетическая транскрипция. Полученные данные представлены в виде диаграммы (рис. 4).

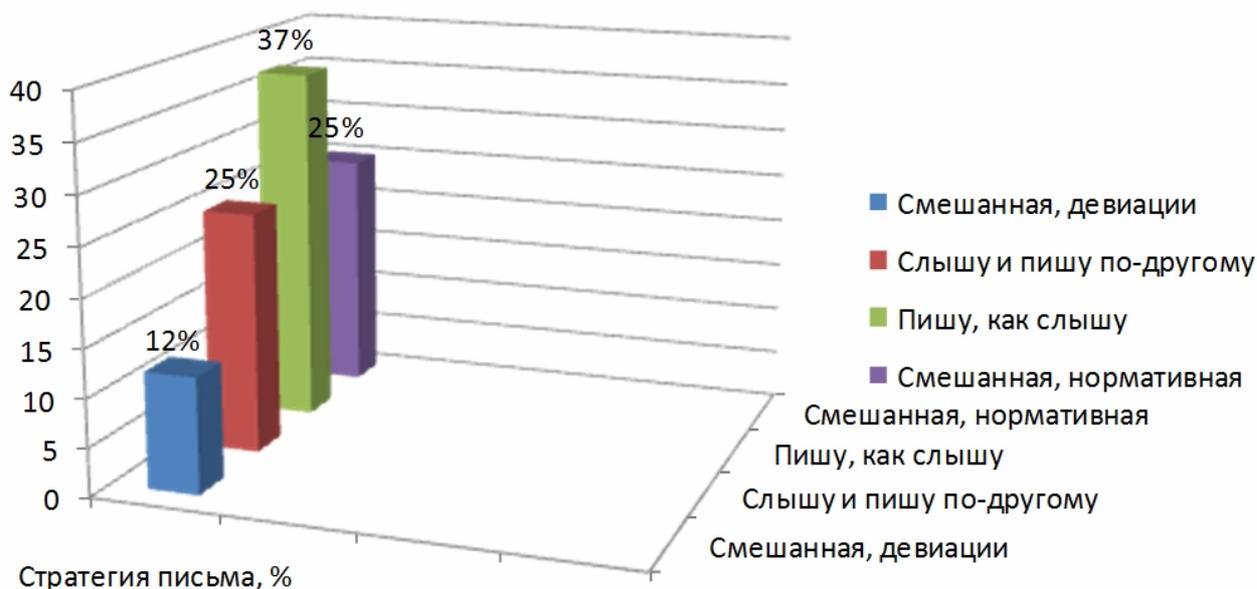

Рис. 4. Процентное соотношение стратегий письма

Стратегия «Смешанная, нормативная» и стратегия «Слышу и пишу по-другому» представлены в равной степени (25 % каждая).

Особенностью стратегии «Смешанная, нормативная» является следующее: ребенок дифференцирует написания, в основе выбора лежит опора на тождество морфемы в словах; написания передаются нормативно.

Стратегия «Слышу и пишу по-другому» характеризуется тем, что ребенок выбирает вариант написания далекий от звучания; морфологические нефонетические написания передаются на письме нормативно, но для морфологических фонетических написаний «на всякий случай» используется гиперкорректное написание.

Стратегия «Смешанная, девиации» встретила в 13 % случаев. Она представляет собой то, что ребенок дифференцирует написания, соответствующие произношению и наоборот, но путается в выборе написания; выбор каждого написания носит хаотичный характер.

Полученные данные о преобладании типа написания (морфологические фонетические, морфологические нефонетические, фонетические, гиперкорректные) представлены на диаграмме (рис. 5) и свидетельствуют о том, что написания типа «картина» не вызывают трудностей у детей, в отличие от написаний типа «снег».

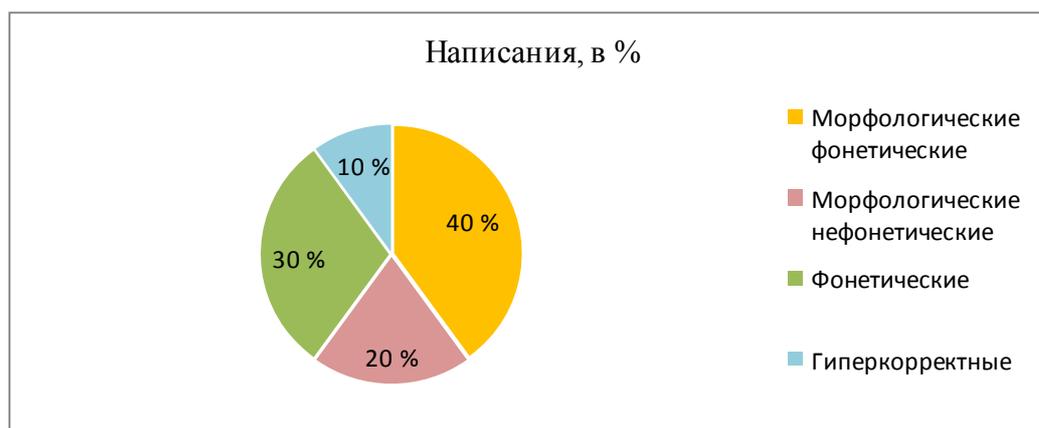

Рис. 5. Типы написаний

Укажем на то, что работа системы позволила снизить количество времени на подготовку материалов задания в печатном виде, на обработку полученного результата и, что главное, – позволила накапливать данные о выполненных заданиях с их дальнейшей обработкой для определения и прогнозирования стратегии письма.

Выводы. В условиях создания единого образовательного пространства (детский сад – начальная школа) разработанное приложение может быть внедрено как составная часть материалов, используемых для плавного перехода ребенка из дошкольного учреждения в первый класс с учетом особенностей (стратегии письма) в рамках непрерывного образования.

Практическая значимость работы заключается в междисциплинарном характере исследования. Она касается всех «участников» системы: ученика, воспитателя (учителя) и исследователя (педагога, психолога, психолингвиста

или лингвиста в широком понимании) и позволяет организовать эффективное взаимодействие между ними.

С опорой на полученные данные воспитатель, учитель и родители смогут построить наиболее удачную траекторию для работы с ребенком. Использование системы значительно снижает временные затраты учителя на диагностику и прогнозирование навыков письма ребенка для организации дальнейшей работы с ним.

Список литературы

1. Богомазов Г. М. Сосуществование двух фонологических систем в языке ребенка // Вопросы языкознания. – 2000. – № 1. – С. 102–110.
2. Гвоздев А. Н. Значение изучения детского языка для языкознания. Как дети дошкольного возраста наблюдают явления языка. – СПб.: БИОНТ, 1999. – 64 с.
3. Гвоздев А. Н. Избранные работы по орфографии и фонетике. – М.: URSS, 2007. – 288 с.
4. Иванова В. Ф. Современный русский язык. Графика и орфография. – М.: Просвещение, 1976. – 288 с.
5. Козлов В. Н. Системный анализ, оптимизация и принятие решений. – М.: Проспект, 2010. – 173 с.
6. Крайг Г., Бокум Д. Психология развития. – СПб.: Питер, 2003. – 992 с.
7. Щерба Л. В. Теория русского письма. – Л.: Наука. – 1983. – 134 с.

References

1. Bogomazov G. M. The Coexistence of Two Phonological Systems in Child Language [Sosuschestvovanie dvukh fonologicheskikh sistem v yazyke rebenka] *Voprosy yazykoznaneya* (Issues of Linguistics), 2000, № 1, pp. 102–110.
2. Gvozdev A. N. Significance of the Study of Child Language Linguistics. How Preschool Children See the Phenomenon of Language [Znachenie izucheniya detskogo yazyka dlya yazykoznaneya. Kak deti doshkolnogo vozrasta nablyudayut yavleniya yazyka]. St. Petersburg, BIONT, 1999, 64 p.
3. Gvozdev A. N. Selected Works on Orthography and Phonetics [Izbrannye raboty po orfografii i fonetike]. Moscow, URSS, 2007, 288 p.
4. Ivanova V. F. Modern Russian Language. Graphics and Orthography [Sovremennyy russkiy yazyk. Grafika i orfografiya]. Moscow, Prosveschenie, 1976, 288 p.
5. Kozlov V. N. System Analysis, Optimization and Decision-Making [Sistemnyy analiz, optimizatsiya i prinyatie resheniy]. Moscow, Prospekt, 2010, 173 p.
6. Craig G. J., Baucum D. Psychology of Development [Psikhologiya razvitiya], St. Petersburg, Piter, 2003, 992 p.
7. Scherba L. V. The Theory of Russian Writing [Teoriya russkogo pisma]. Leningrad, Nauka, 1983, 134 p.

ПСИХОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

УДК 001.85; 159.99

Психологические и социологические факторы, влияющие на обсуждение научных данных*

Забродин Олег Николаевич – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова Министерства здравоохранения Российской Федерации», кафедра анестезиологии и реаниматологии, старший научный сотрудник, доктор медицинских наук, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: ozabrodin@yandex.ru

197022, Россия, Санкт-Петербург, ул. Льва Толстого, 6-8,
тел.: 8 950 030 48 92.

Авторское резюме

Состояние вопроса: В практике научно-исследовательской деятельности приходится сталкиваться с разными формами реакции научного сообщества и отдельных коллективов ученых на обнародованные результаты работы отдельного специалиста. В этой реакции переплетаются разные факторы: профессиональные знания, профессиональная этика, психологические реакции людей, социологические аспекты межличностных отношений.

Результаты: Результаты научных исследований могут быть не замечены или сознательно замалчиваться (1), обсуждение может носить формальный, поверхностный характер (2), и, наконец, оно может быть заинтересованным, в том числе – пристрастным или тенденциозным (3). На ход обсуждений влияют как формальные обстоятельства, так и более сложные причины – психологические (эмоции и чувства, аффективность, честолюбие, тщеславие), идеологические, политические и коммерческие. Очевидно, что рассматривать такие влияния необходимо в совокупности и в конкретных условиях. Необъективность критики своих коллег, которую осуществляет ученый, может им не осознаваться, ее причины обычно находятся на уровне подсознания. Неправедливая критика научных концепций – например, на так называемой «Павловской» сессии АМН и АН СССР – часто организуется на основе стереотипов и логики, заимствованных из сферы политических отношений.

Выводы: На обсуждение и интерпретацию публикуемых научных данных влияют самые различные факторы: формальные, связанные с особенностями работы того или иного исследователя, психологические, отражающие особенности как личностной, так и групповой психологии, далее – идеологические, политические и даже коммерческие.

* © О. Н. Забродин, 2017.

Ключевые слова: научная критика; научные исследования; объективность в науке; эмоции; аффективность.

Psychological and Sociological Factors, Which Influence the Discussion of Empirical Data

Zabrodin Oleg Nikolaevich – The First Saint Petersburg State Medical University Named after Academician Pavlov, Ministry of Public Health of Russian Federation, Anesthesiology and Resuscitation Department, senior collaborator, Doctor of Medical Sciences, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: ozabrodin@yandex.ru

6-8 Lew Tolstoy st., Saint Petersburg, 193232, Russia,
tel: +7 950 030 48 92.

Abstract

Background: In the course of research, we encounter different forms of reaction of the academic community in general and research teams in particular to the published results of the work of a scientist. In this reaction, various factors are intertwined: professional knowledge, professional ethics, psychological reactions of people and sociological aspects of interpersonal relations.

Results: Research results could be ignored or deliberately negated (1), the discussion could be formal, superficial (2), and, finally, the discussion could be frank, but sometimes biased (3). The course of discussions is influenced by both formal circumstances and more complex reasons, i.e. psychological (emotions and feelings, affectivity, ambition, vanity), ideological, political and commercial. Obviously, it is necessary to consider such influences together and under specific conditions. The bias of criticism of their colleagues, which scientists demonstrate, cannot be perceived, for its causes are usually at the level of the subconscious. Adverse criticism of scientific concepts – for example, the so-called “Pavlov” session of the Academy of Medical Sciences and the Academy of Sciences of the USSR – is often based on stereotypes and logic borrowed from the sphere of political relations.

Conclusion: A variety of factors influences the discussion and interpretation of published scientific data: formal, psychological, reflecting the characteristics of both individual and group psychology, ideological, political and even commercial.

Keywords: scientific criticism; research; objectivity in science; emotions; affectivity.

Я по образованию врач, научный работник в области фармакологии и экспериментальной фармакотерапии. Поэтому хочу обсудить названную проблему на примерах из этих близких мне областей экспериментальной и клинической медицины.

В практике встречаются три варианта отношения к обсуждению результатов научных исследований.

Первый: они вообще не обсуждаются, остаются незамеченными или сознательно замалчиваются, игнорируются.

Второй вариант характерен для крупных обзоров литературы, посвященных обсуждению важных научных вопросов или проблем, когда приводится большое количество зачастую противоречивых данных. В этом случае обсуждение носит описательный, формальный характер, зачастую ограничиваются констатацией полученных результатов и не дает окончательных оценок.

Третий вариант – тот случай, когда обсуждение, в первую очередь собственных данных, носит заинтересованный характер, крайним выражением которого является пристрастное, тенденциозное обсуждение.

1. Первый вариант – отсутствие обсуждения – может иметь различные причины: чисто формальные, психологические и даже социологические.

1.1. Формальные причины. Во-первых, ограниченный объем публикаций, например, в материалах крупных научных форумов, когда он порой составляет незначительную часть страницы. Как правило, в тезисах малого объема отсутствуют ссылки на литературные источники, имеются только результаты выполненных исследований. Тут уж – не до обсуждения!

Во-вторых, исследования выполнены в узких рамках поставленной задачи, например, исследование острой токсичности нового фармакологического препарата, которое позволяет еще только констатировать полученный факт.

В-третьих, имевшее место и в прошлом перепроизводство «научных» публикаций, которые под различным «соусом» из года в год повторяют результаты прошлых исследований. Такие повторы не дают возможности извлечь что-то новое из повторяющихся публикаций и подвергнуть их научному обсуждению. В этой связи известный немецкий хирург и общественный деятель Эрвин Лик образно писал в 1928 г. о массовой и поверхностной научной продукции в своей книге «Врач и его призвание»: «Для строительства солидного научного здания в наше время свозят не строительный кирпич, а необозримые кучи щебня» [см.: 6].

Кроме формальных причин имеют место причины психологические.

1.2. Психологические особенности научного руководителя и подчиненного ему научного сотрудника. Установка первого может быть такой: сотрудник – например, аспирант – слишком молод, неопытен, ему еще рано иметь свое мнение по изучаемым вопросам, надо поработать, набраться опыта, подробно ознакомиться с научной литературой и только тогда уже «свое суждение иметь». Зная такую позицию руководителя, подчиненный ему сотрудник старается не высказываться, не умничать, чтобы не повредить себе в будущем.

2. Второй вариант, касающийся приведения в обзорных статьях многочисленных, порой противоречивых, данных. При этом автор обзора зачастую приводит обсуждение авторами цитируемых работ их собственных исследований, не высказывая свою точку зрения по затрагиваемым вопросам. Например, обсуждается патогенез язвенной болезни (ЯБ) желудка. С одной стороны, приводятся данные в пользу значения в развитии язвенных поражений

факторов агрессии – нарушения кровообращения в слизистой оболочке желудка (СОЖ), обсуждается значение повреждающего действия на СОЖ соляной кислоты и фермента пепсина (ацидопептического фактора). С другой стороны, отмечается значение «факторов защиты» – защитного слоя слизи, физиологически активных веществ простагландинов. При этом зачастую остается неясным, что же является главным патогенетическим звеном в язвообразовании и какова последовательность в звеньях патогенетической цепи развития событий. Далекое не всегда при этом упоминается о роли нервной или нейроэндокринной систем.

Как разобраться в противоречивости представленных данных? Тут вспоминается марксистское положение об истине: «Истина всегда конкретна». То же у Макиавелли: «Ничто ни верно само по себе, а только в зависимости от обстоятельств».

Как проявление внешней противоречивости полученных данных приведу пример из собственных исследований. В 70-х гг. прошлого века, работая в отделе фармакологии (ныне – отдел нейрофармакологии им. С. В. Аничкова) Института экспериментальной медицины (ИЭМ) АМН СССР под руководством академика АМН СССР Сергея Викторовича Аничкова, занимался анализом роли нервной системы в развитии и заживлении нейрогенных дистрофических изменений – геморрагических эрозий СОЖ у экспериментальных животных – белых крыс. С целью фармакологического анализа этих явлений в отдельных сериях экспериментов до или после окончания вызывающей эрозии СОЖ воздействия (электростимуляция иммобилизированных крыс) вводил экспериментальным животным фармакологические средства, избирательно блокирующие различные отделы нервной системы (нейротропные блокаторы). К ним относились фармакологические препараты центрального и периферического типа действия, в последнем случае – блокатор проведения нервных импульсов в ганглиях периферической – вегетативной нервной системы, кратко – ганглиоблокатор бензогексоний, весьма близкий применявшемуся в то время в клинике гексонию. Бензогексоний, предупреждая возникновение геморрагических эрозий в СОЖ, при введении в той же дозе после окончания раздражения животных тормозил заживление указанных повреждений СО.

Эти данные не сразу были приняты в отделе, в частности – С. В. Аничковым: ведь гексоний в работе гастроэнтеролога доцента А. Т. Повалева в клинике профессора С. М. Рысса Санитарно-гигиенического медицинского института ускорял заживление повреждений стенки желудка с ее слизистой оболочкой – рубцевание язв желудка у больных ЯБ. Вместе с тем, в исследованиях профессора И. О. Неймарка, проведенных в гастроэнтерологическом санатории на Каменном острове, ганглиоблокаторы не ускоряли рубцевания язв желудка даже у больных с более легким течением заболевания. В 1962 г. в ИЭМ-е состоялась конференция, посвященная фармакотерапии ЯБ болезни и ее экспериментальному обоснованию. В ту пору выступление профессора И. О. Неймарка о неэффективности гексония вызвало бурный протест С. В. Аничкова. Однако это противоречие между

экспериментальными и клиническими данными оказалось кажущимся. Как в эксперименте, так и в клинике ганглиоблокаторы действовали на различные стадии процесса: в первом случае уменьшали патологическое влияние на СОЖ избыточной нервной импульсации, связанной с язвенным (вызывающим повреждение СОЖ) воздействием в эксперименте или с обострением заболевания в клинических условиях. Во втором случае они действовали тогда, когда повышенная нервная импульсация уже закончилась, и при этом ослабляли нервную активацию трофических процессов в тканях желудка и тем самым процессы заживления в СОЖ. Дело в том, что лечение больных ЯБ профессор И. О. Неймарк проводил в гастроэнтерологическом санатории, куда они поступали уже в стадии начинающейся ремиссии, когда острые явления (боли, диспепсические явления) уже стихали, а не в остром периоде заболевания. Таким образом, внешнее противоречие между экспериментальными и клиническими данными было снято, что позволило сделать вывод о том, что лечение только тогда может быть истинным, когда оно приурочено к конкретной фазе патологического процесса [см.: 4; 5].

3. Третий вариант – заинтересованное обсуждение. Оно может быть объективным, разносторонним, но в иных случаях может быть односторонним, пристрастным, тенденциозным. Тут также можно, в свою очередь, выделить несколько вариантов.

3.1. Объективное разностороннее обсуждение. Этот идеальный вариант возникает, когда ученый руководствуется любовью к науке, к познанию истины и при этом стремится к решению крупной научной проблемы. Примерами талантливых организаторов и участников таких обсуждений являются Ч. Дарвин и И. П. Павлов. Первый, как известно, исследовал происхождение видов путем естественного отбора, второй изучал механизмы высшей нервной деятельности. Грандиозность изучаемых проблем определяла у них объективность и разносторонность обсуждения полученных фактов.

3.2. Одностороннее обсуждение, которое, в свою очередь, может иметь различные – формальные, психологические, идеологические, политические и даже коммерческие причины.

3.2.1. Формальные причины могут быть связаны с тем, что научный работник занимается конкретной проблемой, связанной с изучением влияния какой-то одной системы регуляции, например, нервной или нейроэндокринной. И это определяет сферу обсуждения полученных данных в рамках влияния той системы, которая служит предметом исследования. Имеет ли такая односторонность обсуждения какую-либо психологическую подоплеку? В данном варианте речь не идет о сознательном игнорировании достижений других авторов, и в таких случаях говорят: «Просто мы этим не занимаемся!».

3.2.2. Причины психологические зависят от характера и особенностей личности исследователя, а также от приверженности научных работников традициям и установкам научной школы, взглядам и теориям своего учителя. И тут возможны различные варианты.

Особенности личности, в частности, психастенический характер исследователя порой мешают ему иметь или высказать свою точку зрения в отношении значения полученных научных данных.

Влияние эмоций и социальных чувств. Существенное влияние на оценку результатов исследований оказывают эмоции и социальные чувства, к которым следует отнести честолюбие и тщеславие. Известный швейцарский психиатр Эйген Блейлер в книге «Аффективность, внушаемость, паранойя» [см.: 1] пишет о том, что даже тогда, когда исследователь убежден в объективности обсуждения результатов работы, эмоции могут подсознательно влиять на ход ассоциаций, конкретно – на отбор фактов в пользу отстаиваемой им гипотезы. Правда, в другом месте Э. Блейлер пишет о том, что ничего великого нельзя создать без известной пристрастности и односторонности. Ученик И. П. Павлова В. С. Дерябин в книге «Чувства, влечения, эмоции» [см.: 2] подчеркивает, что аффективность (чувства, влечения-мотивации и эмоции) мобилизуют психическую активность: восприятие, внимание, память, мышление, ход ассоциаций (а, следовательно, подбор аргументов и доказательств в научном споре – О. З), активируют физическую деятельность с целью удовлетворения актуализированных потребностей, и в первую очередь – биологических (голод, жажда).

Честолюбие. Термин «честолюбие» не имеет однозначного определения. В. И. Даль пишет о честолюбии как об искании почестей. При этом бывает трудно отделить стремление ученого к признанию его истинных научных заслуг от их непомерного преувеличения. Честолюбие, зачастую стимулируя творческую активность, вместе с тем может способствовать одностороннему, необъективному обсуждению собственных данных в сторону их преувеличенной оценки и критики или замалчивания данных других исследователей. Иногда это зависит от причин идеологических или политических, о чем речь пойдет ниже.

Тщеславие характеризуется еще большей степенью эмоциональной заряженности и в соответствии с этим большей степенью необъективности в оценке собственных и других данных. Научный работник, подвергающий своего коллегу пристрастной критике, зачастую не осознает этой пристрастности, он просто уверен в своей правоте. Тот факт, что эмоции направляют его мышление, остается за пределами его сознания. Ему было бы неудобно признать, что он сознательно принижает результаты исследований своего коллеги. Вспоминаются слова В. Гете: «Чтоб честь другим воздать, себя должны мы развенчать». Психика человека стремится избежать неприятных переживаний точно так же, как его организм рефлекторно стремится избежать боли при внешних воздействиях.

Иногда тщеславие проявляется в том, что научный работник облачает обсуждение результатов в заумную наукообразную форму, перегружает изложение без особой нужды специальной терминологией, иногда созданной самим автором. Характерно это бывает, в частности, для исследований психологов.

3.2.3. Идеологические причины одностороннего обсуждения научных данных были у нас в Советском Союзе в течение многих лет обусловлены официальными установками партийных идеологов. Примером могут служить исторические науки, а также «компании борьбы» с вейсманизмом-морганизмом, с искажениями учения нашего великого физиолога Ивана Петровича Павлова. В последнем случае этому служила «Объединенная сессия АН и АМН СССР, посвященная научному наследию И. П. Павлова» (1950), так называемая «Павловская» сессия. Павловской она может быть названа только в кавычках. На ней были подвергнуты суровой и несправедливой критике известные ученики И. П. Павлова: Л. А. Орбели, А. Д. Сперанский, П. К. Анохин и др. Основной причиной критики служила недооценка ведущей роли коры головного мозга в регуляции всех функций организма. Абсолютизация роли коры головного мозга проявилась в признании в докладах на сессии и в многочисленных публикациях после ее окончания того, что кора осуществляет контроль деятельности всех органов и систем, а также тканей, вплоть до клеток организма. Напрашивается аналогия с руководящей и направляющей ролью коммунистической партии, которая контролировала общественную и личную жизнь каждого гражданина. Ю. А. Жданов, который в 1947–1953 годах выполнял обязанности заведующего сектором, а затем – заведующего отделом науки ЦК КПСС, в своих мемуарах [см.: 3] вспоминает о том, что «Павловская» сессия была организована по прямому указанию И. В. Сталина, который его лично инструктировал о том, что, прежде чем «ввязаться в драку», необходимо тщательно подготовиться.

После «Павловской» сессии в период догматического искажения учения И. П. Павлова в многочисленных диссертационных работах по фармакологии считалось необходимым исследовать действие различных фармакологических веществ на кору головного мозга, без чего работа не могла быть представлена как «диссертабельная». В это же время исследования периферической – вегетативной нервной системы, в особенности симпатического ее отдела, которыми занимались академик Л. А. Орбели и его школа, были свернуты. Исследования в области психологии и физиологии эмоций были также признаны нежелательными. Причиной явились идеологические установки, согласно которым советский человек должен руководствоваться в своих мыслях и поведении разумом, сознанием, являющимися функцией коры головного мозга, а не эмоциями, которые могут увести его с правильного пути и даже толкнуть на путь преступлений. В ту пору эмоции, являющиеся в первую очередь функцией подкорковых структур головного мозга, было принято относить к подсознанию, изучавшемуся австрийским психологом и психиатром З. Фрейдом. «Фрейдизм» критиковался у нас как реакционное направление в буржуазной психологии. Этим можно объяснить, что монография В. С. Дерябина «Чувства, влечения, эмоции», представленная к печати в 1949 г., была отклонена. Отмеченные идеологические установки находили отражение в научных публикациях и в их обсуждении. При этом обсуждения велись не только в рамках научных журналов, но и выносились в

газеты с целью дискуссии – например, в предшественник теперешней «Медицинской газеты» газету «Медицинский работник».

3.2.4. Политические причины. Как известно, 40–50-е гг. прошлого столетия – годы разгара «холодной войны». У нас в стране пропагандировалась борьба против «иностранины», с «тлетворным влиянием буржуазного Запада» и др. Выше писалось об идеологических причинах, которые были тесно связаны с политическими и во многом были общими. Наглядными примерами «холодной войны» явились в ту пору переименования улиц и кинотеатров в Ленинграде. Так, в 1950 году ул. Эдисона, что находилась в Петроградском районе, была переименована в улицу имени П. Н. Яблочкова – создателя отечественной «свечи Яблочкова», предшественницы современных осветительных приборов. Тогда же были переименованы находившиеся на Большом проспекте Петроградской стороны кинотеатры: «Эдисон» – в «Экран», «Люкс» – в «Свет». Как ни странно, но находившийся на площади Л. Толстого кинотеатр «Арс» (который студенты 1 ЛМИ в шутку называли 8-й аудиторией) не подвергся той же участи. Помню, как наша школьная учительница физики называла знаменитого английского физика Фарадея не Майклом, а по-русски – Михаилом.

Доступ к зарубежной научной литературе в ту пору был ограничен, да и ссылки на иностранных ученых были нежелательны. Пропагандировался приоритет российских ученых во всех областях знаний. В наше время мы имеем в значительной степени обратную картину. Открытия, сделанные на Западе, принятые там теории, например, патогенеза заболеваний, принимаются сейчас у нас почти безоговорочно. Примером может служить бактерия «хеликобактер пилори», за открытие патогенетической роли которой в развитии «пептической язвы» желудка в 2005 году австралийским гастроэнтерологам Барри Маршаллу и Робину Уоррену была присуждена Нобелевская премия. Инфицирование этой бактерией слизистой желудка и двенадцатиперстной кишки стали рассматривать как главный патогенетический фактор в развитии гастритов и язвы желудка, в то время как его следует рассматривать как одно из звеньев патогенеза заболевания. При этом нельзя игнорировать системный характер этого заболевания и роль в его развитии факторов внешней среды (психоэмоциональный стресс, курение и т. п.) и наследственной отягощенности [см.: 7]. Возможно, в такой абсолютизации роли хеликобактера проявляется психологическая особенность людей считать все новое, в частности, новейшие научные открытия, главными, отрицающими предыдущие. Общеизвестное: «Мы-то думали, а оказывается!..». Подобный подход можно рассматривать как некое проявление группового сознания, как пристрастие к моде применительно к научным открытиям.

3.2.5. Коммерческие факторы. В современных условиях приобретают значение и коммерческие факторы. Зарубежные фармацевтические фирмы заинтересованы в продвижении своих новых лекарственных препаратов на рынок. Этому служат многочисленные публикации, в которых подчеркиваются преимущества новых препаратов данной фирмы перед ранее апробированными средствами других фирм. Разумеется, тут речь не идет о какой-то ложной

информации, но порой незначительные преимущества нового препарата преувеличиваются. В еще большей степени это относится к устной и письменной рекламе биологических активных комплексов (БАК-ов), в том числе и в печатных публикациях.

Таким образом, на обсуждение и интерпретацию публикуемых научных данных влияют самые различные факторы: формальные, связанные с особенностями работы того или иного исследователя, психологические, отражающие особенности как личностной, так и групповой психологии, далее – идеологические, политические и даже коммерческие. Очевидно, рассматривать такие влияния необходимо в совокупности и в конкретных условиях.

Литература

1. Блейлер Э. Аффективность, внушаемость и паранойя. – Одесса, 1929. – 140 с.
2. Дерябин В. С. Чувства, влечения, эмоции. О психологии, психопатологии и физиологии эмоций. – М.: ЛКИ, 2013. – 224 с.
3. Жданов Ю. А. Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. – 448 с.
4. Забродин О. Н. Роль адренергических механизмов в развитии и заживлении экспериментальных нейрогенных повреждений слизистой желудка (фармакологический анализ). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора медицинских наук. – Л., 1982. – 41 с.
5. Забродин О. Н. Роль симпатико-адреналовой системы в развитии экспериментальных язв желудка и патогенезе язвенной болезни // Врачебное дело. – 1985. – № 9. – С. 60–65.
6. Лик Э. Врач и его призвание. – Днепропетровск, 1928. – 131 с.
7. Циммерман Я. С. Еще раз о некоторых нравственных принципах науки и научных исследований // Клиническая медицина. – 2009. – № 2. – С. 4–7.

References

1. Bleuler E. Affectivity, Suggestibility and Paranoia [*Affektivnost, vnushaemost i paranooya*]. Odessa, 1929, 140 p.
2. Deryabin V. S. Feelings, Inclinations, Emotions: About Psychology, Psychopathology and Physiology of Emotions [*Chuvstva, vlecheniya, emotsii. O psikhologii, psikhopatologii i fiziologii emotsiy*]. Moscow, LKI, 2013, 224 p.
3. Zhdanov Yu. A. Looking Back: Memories of an Eyewitness [*Vzglyad v proshloe: vospominaniya ochevidtsa*]. Rostov-na-Donu, Feniks, 2004, 448 p.
4. Zabrodin O. N. The Role of Adrenergic Mechanisms in the Development and Healing of Experimental Neurogenic Damage of the Gastric Mucosa (Pharmacological Analysis). Abstract of the Thesis for the Doctor of Medicine Degree [*Rol adrenergicheskikh mekhanizmov v razvitii i zazhivlenii eksperimentalnykh neyrogennykh povrezhdeniy slizistoy zheludka (farmakologicheskiiy analiz). Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni doktora meditsinskikh nauk*]. Leningrad, 1982, 41 p.

5. Zabrodin O. N. The Role of the Sympathetic-Adrenal System in the Development of Experimental Stomach Ulcers and the Pathogenesis of Peptic Ulcer Disease [Rol simpatiko-adrenalovoy sistemy v razvitii eksperimentalnykh yazv zheludka i patogeneze yazvennoy bolezni]. *Vrachebnoe delo* (Medical Practice), 1985, № 9, pp. 60–65.

6. Lick E. Doctor and His Calling [*Vrach i ego prizvanie*]. Dnepropetrovsk, 1928, 131 p.

7. Tsimmerman Ya. S. One More Time about Some Moral Principles of Science and Scientific Researches [Esche raz o nekotorykh нравstvennykh printsipakh nauki i nauchnykh issledovaniy]. *Klinicheskaya meditsina* (Clinical Medicine), 2009, № 2, pp. 4–7.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 168

Монография А. Я. Кожурина «Русская философия науки: XIX – первая половина XX века»*

[б. м.]: Издательские решения, 2017. – 472 с.

Арефьев Михаил Анатольевич – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный аграрный университет», заведующий кафедрой философии и культурологии, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: ant-daga@mail.ru

196607, Россия, Санкт-Петербург – Пушкин, Петербургское шоссе, д. 2,
тел: 8 (812) 451 73 19.

Авторское резюме

Несколько лет тому назад по инициативе Высшей аттестационной комиссии России был введен экзамен кандидатского минимума для всех соискателей ученой степени кандидата наук «История и философия науки». Вскоре в достаточно большом количестве стали создаваться и публиковаться учебники и учебные пособия по данной дисциплине. Однако общей традицией оставалось то, что материалы в этих книгах были посвящены в основном европейской историко-философской мысли. Философия науки на русской почве либо вообще игнорировалась, либо давалась в реферативном изложении. По словам А. Я. Кожурина, автора монографии «Русская философия науки: XIX – первая половина XX века», лишь коллективная работа Е. А. Мамчур, Н. Ф. Овчинникова и А. П. Огурцова «Отечественная философия науки: предварительные итоги» (М.: РОССПЭН, 1997) отчасти восполняла данный пробел. Поэтому рецензируемая работа Кожурина будет востребованной как для аспирантов, так и для всех тех, кто интересуется русской философией науки.

The Monograph of A. Ya. Kozhurin “Russian Philosophy of Science: XIX – the First Half of the XX Century”

Izdatelskie resheniya, 2017, 472 p.

Arefev Mikhail Anatolevich – Saint Petersburg State Agrarian University, Head of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Doctor of Philosophy, Professor, Saint Petersburg, Russia.

e-mail: ant-daga@mail.ru

* © М. А. Арефьев, 2017.

2, Peterburgski rd., Saint- Petersburg – Pushkin, 196601, Russia,
tel: +7 (812) 451 73 19.

Abstract

Several years ago, the Higher Attestation Commission of Russia took the initiative to conduct a new examination (the candidate's minimum exam) “History and Philosophy of Science” for all applicants for the further degree (the degree of Candidate of Sciences). Many textbooks on this discipline have been written and published since then. According to the common tradition, however, the content of them was mainly devoted to European historical and philosophical thought. The Russian philosophy of science either was ignored, or was given in brief. According to A. Ya. Kozhurin, the author of the monograph “Russian Philosophy of Science: the XIX century – the first half of the XX century”, only the collective monograph by E. A. Mamchur, N. F. Ovchinnikov and A. P. Ogurtsov “Russian Philosophy of Science: Preliminary Results” (Moscow, ROSSPEN, 1997) partially has filled this gap. Therefore, Kozhurin’s monograph will be in demand for both graduate students and all those who are interested in the Russian philosophy of science.

Антон Яковлевич Кожурин, профессор кафедры философии РГПУ имени А. И. Герцена, известен как специалист в области истории философии и социальной философии. Его работы посвящены по преимуществу российской философской традиции: «Проблемы человека в философии русского консерватизма» (2005), «Философско-антропологические основания русской традиции просвещения» (2008), «Философия человека и культурно-институциональные процессы в России» (2013) и др. Рецензируемая работа продолжает авторскую линию параллельного рассмотрения историко-философского и науковедческого процесса в отечественной традиции. Причем во вводной части работы автор сразу заявляет о роли произведений Н. Н. Стрехова как родоначальника «русской версии философии науки» (с. 7), которые по своему содержанию были как литературоведческими и историко-философскими, так и науковедческими. Наиболее известны из них: «Из истории литературного нигилизма», перевод и публикация многотомной «Истории новой философии» К. Фишера, «О вечных истинах» («Мой спор о спиритизме»), «О методе естественных наук и значении их в общем образовании». Автор рецензируемой работы пишет: «В рамках русской философии соответствующего периода (вторая половины XIX века – М. А.) развивались концепции, стремившиеся более трезво оценивать задачи и возможности науки. Несомненный интерес представляет точка зрения представителей позднего славянофильства на интересующую нас тематику. Мыслители, принадлежавшие к данному направлению, в прямом смысле должны быть названы основоположниками русской философии и социологии науки. Они оставили немало работ, посвященных анализу науки, её исторического пути, а также ценностным аспектам научного знания. Поздние славянофилы также одними из первых задались вопросом об антропологическом смысле научных знаний» (с. 152).

По своему жанру книга А. Я. Кожурина представляет историко-философский очерк отечественной философской мысли, и в этом отношении она продолжает традицию петербургской историко-философской школы (Галактионов и Никандров, Замалеев и Осипов, Ермичёв и Никоненко, Воробьева и Емельянов и др.), однако основной лейтмотив рецензируемой монографии – история русской философии науки. В аннотации к работе подчеркивается, что она анализирует основные концепции философии науки на русской почве, осуществившие преломление проблематики этой философской науки в творчестве крупнейших отечественных философов и учёных-естествоиспытателей – от философа-шеллингианца Д. М. Велланского до физика и историка науки Б. М. Гессена и академика С. И. Вавилова. Автор указывает: «...следует признать, что ряд черт, характеризующих русскую философскую традицию, может быть отнесён и к отечественной философии науки. Здесь мы будем ориентироваться на характеристики, которые в русской философской традиции выделяли её наиболее глубокие знатоки – В. В. Зеньковский, Н. О. Лосский, Г. Г. Шпет, А. В. Михайлов. Начнем с того, что русский мыслитель не может усомниться в объективности бытия, которое дано первично, цельно и субстанционально. В этом смысле отечественная мысль противостояла психологизму ... Выражением объективизма и историзма, столь характерных для русской мысли, было обостренное внимание к социальной реальности. Последнее рассматривается в качестве реальности более фундаментальной, чем реальность индивидуального сознания с его переживаниями ... Важной составляющей русской философии науки оказывается акцентирование ценностных аспектов научного познания. Если на Западе в XIX веке наука изымалась из сферы, где использовались ценностные суждения, то у нас дело обстояло прямо противоположным образом» (с. 9–11).

В монографии помимо вводной части, заключения и обширного списка оригинальной и исследовательской литературы имеются семь разделов, раскрывающих заявленную тему истории становления и развития философии науки в России. Первый раздел посвящен предыстории отечественной философии науки и хронологически охватывает первую половину XIX столетия. Он представлен анализом воззрений и основных научных трудов русских шеллингианцев (Велланский, Павлов, Галич), работ западников (на примере «Писем об изучении природы» Герцена, старших или ранних славянофилов). Последним, по словам Кожурина, принадлежит приоритет в постановке вопроса о специфике отечественной просветительской традиции, прямо выходящей на проблематику философии науки. Киреевский, Хомяков, Самарин, Аксаков – для них злободневной являлась проблема «народных начал» в образовании. Эти начала, по Самарину, включают в себя три аспекта:

– во-первых, мы вносим в образование понятие о цельности образовательного организма;

– во-вторых, образование предполагает наличие внешнего мира, проникающего в образовательный организм со всех сторон;

– в-третьих – необходимость внутренней переработки образовательным организмом всего того, что воспринято им извне.

Весьма интересен второй раздел, касающийся вопроса становления русской философии науки. Хронологически, по Кожурину, это вторая половина позапрошлого века, или «золотой век» русской науки, согласно академику В. И. Вернадскому. Бурное развитие естествознания этого периода само собой актуализировало проблемное поле философии науки. Самым радикальным образом надежды на всемогущество науки, столь характерные для второй половины XIX века, сказались на «Философии общего дела» Фёдорова, который обозначил предельные задачи развития науки и базирующихся на достижениях последней техники и технологий. Противоречия цивилизационного развития, в том числе и яркий антисциентизм, были осмыслены в литературном и философском творчестве великого Толстого. Разработка системы «цельного знания» Соловьевым явилась попыткой осмысления места и роли науки в социальной жизни и духовности общества. Позитивистские устремления в научной среде отразились на социологических трудах Писарева и «синтетической философии» Кропоткина. «В случае Писарева, – пишет Кожурин, – перед нами предстают родовые черты позитивистской установки. Это утилитарный подход к знанию, гипертрофированная оценка роли естественных наук в жизни общества, апология эмпиризма – в противовес теоретическому знанию» (с. 85).

Самые большие по объему разделы монографии посвящены философии и социологии науки в работах поздних славянофилов (Страхов, Данилевский, Розанов, Леонтьев) и русской философии науки первой половины XX века: тенденциям ее развития и основным направлениям (Лосский, Булгаков, Флоренский, Бердяев, Циолковский, Чижевский, Вернадский и др.). Как пишет автор монографии, «Страхова следует признать первым русским философом, для которого язык теоретического познания, философии и науки находился в зоне исследовательских интересов. Этот интерес замечен уже в работе “О методе естественных наук и значении их в общем образовании”. Страхов указывал на специфичность языка науки – его искусственный характер, несхожесть с естественным языком. Понятия, употребляемые в научном исследовании, всегда должны иметь точное значение. Для одинаковых предметов, указывал Страхов, необходимо использовать одинаковые названия. Напротив, различные предметы нельзя обозначать одними и теми же понятиями, чтобы не запутывать других исследователей. Обращаясь к языку науки, Страхов своеобразно предвосхищал тот “лингвистический переворот”, который в философии науки принято связывать с неопозитивизмом» (с. 173–174).

Относительно концепций Данилевского и Розанова, согласно автору, следует отметить их антидарвиновскую направленность. Органицизм как одно из теоретических оснований отечественной философии в целом, по словам Галактионова, в воззрениях этих русских философов вступал в противоречие с теорией Дарвина о происхождении видов. Данилевский, в частности, отметил неправомочность распространения выводов, сделанных на основе наблюдений над домашними животными (как результате селекции) на организмы, живущие в естественных условиях, в природе.

Особо значимыми в монографии являются, на наш взгляд, параграфы, посвященные русскому космизму. Здесь на первом месте стоят воззрения Циолковского как ученого, заложившего теоретические основания ракетостроения для космических полетов, и оригинального философа с собственной концепцией философии науки. В основании этой концепции – проблема этоса науки. Поэтому этическая тематика стала весьма значимой для учения Циолковского в целом. Как пишет автор рецензируемой работы, «...он исходил из того, что этические законы носят природный характер. Отсюда установка на создание “научной этики” (таково название из брошюр Циолковского, увидевшей свет в 1930 году). Человек и общество вступают в его системе координат как сила, стремящаяся преобразовать весь космос, привести его к “блаженному” состоянию. Нельзя забывать, что Циолковский жил в эпоху радикального социального экспериментирования. Различные направления (расизм, евгеника, не говоря уже о марксизме) предлагали свои методики совершенствования общества и человеческой природы» (с. 295). Циолковский, Чижевский, Вернадский, а еще ранее Федоров – ведущие разработчики философии русского космизма. Указывая на ее роль в отечественной философии науки, Кожурин констатирует, что «русский космизм, подобно концепции великого астронома XVI века (имеется в виду Коперник – М. А.), представляет собой грандиозное, хотя далеко не бесспорное явление, особенно учитывая его социально-философские аспекты» (с. 302).

Заключая в целом данную рецензию, хотелось бы высказать некоторые пожелания автору. В частности, в разделе, относящемся к развитию философии науки в советское время, упоминается деятельность известного ученого-генетика Николая Ивановича Вавилова в качестве директора Института прикладной ботаники. Однако вне поля внимания остались такие аспекты его деятельности, как создание богатейшей коллекции семян культурных растений, достигшей в 40-х годах двадцатого столетия 250 тысяч образцов и ставшей первым в мире генным банком, и работа его в качестве заведующего кафедрой селекции в Петроградском сельскохозяйственном институте (ныне Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, в котором я работаю профессором – М. А.). Тогда бы, возможно, и оценка значения Вавилова для философии науки как создателя учения о мировых центрах происхождения культурных растений и об иммунитете растений была бы уточнена. В целом монография А. Я. Кожурина производит благоприятное впечатление как в содержательном плане, так и в полиграфическом исполнении. Хочется пожелать автору творческих успехов и больших тиражей его трудов.

НЕКРОЛОГ

Владимир Павлович Бранский^{*}

Abstract

We are deeply grieved to announce that Vladimir Pavlovich Branski, Doctor of Philosophy, Honorary Professor of Saint Petersburg State University, a distinguished scientist and remarkable man died on December 10, 2017. Since 1957 he had been a full-time employee of the Philosophy faculty (now – Institute of Philosophy).

The main scientific works of V. P. Branski (more than 200) deal with the philosophy of science (physics), concepts of matter and its attributes, the ontological non-geocentrism and philosophy of art. He was one of the founders of synergetic philosophy of history.

10 декабря 2017 г. скончался Владимир Павлович Бранский, замечательный философ, Почётный профессор Санкт-Петербургского государственного университета, преподаватель и человек.

Владимир Павлович родился 14 января 1930 г. в Свердловске (ныне Екатеринбург). В 1953 г. он окончил философский факультет Ленинградского государственного университета, а в 1956 г. – аспирантуру философского факультета. В 1960 г. он окончил физический факультет (экстерном). В период обучения на философском и физическом факультетах его идейными учителями были академик В. А. Фок, чл.-корр. РАН С. П. Курдюмов, проф.

В. И. Свидерский и проф. Л. Э. Гуревич. Идеи и личности этих учёных и философов, по его собственному признанию, оказали решающее влияние на формирование научных интересов Владимира Павловича и его стремление к творчеству и разработке новых идей. В 1957 г. Владимир Павлович защитил кандидатскую диссертацию «Философское значение проблемы наглядности в современной физике», а в 1973 г. – докторскую диссертацию «Философские основания проблемы синтеза релятивистских и квантовых принципов».

С самого начала научной деятельности интересы философа концентрируются вокруг проблемы синтеза естественнонаучного и гуманитарного знания.

С 1957 г. Владимир Павлович был штатным сотрудником философского факультета (ныне Института философии), и его непрерывный стаж работы превысил 60 лет. На протяжении этого времени он постоянно читал лекции по

* © С. В. Бусов, М. Р. Зобова, Е. Е. Елькина, Э. Ф. Караваев, И. Г. Микайлова, С. Д. Пожарский, Л. В. Шиповалова, 2017.

философии и методологии как естественных, так и гуманитарных наук на философском и физическом факультетах СПбГУ. Преподавательская работа у него органически, гармонично сочеталась с научными исследованиями. Владимиром Павловичем разработаны оригинальные авторские спецкурсы: «Философские проблемы современной физики», «Методология научного и художественного творчества», «Философские проблемы синергетики», «Философия искусства с точки зрения философии науки». Он подготовил 15 кандидатов и 5 докторов философских наук. В 2003 г. Владимир Павлович получил университетскую премию за педагогическое мастерство, а в 2004 г. ему было присвоено звание почетного профессора СПбГУ.

В научной деятельности Владимира Павловича можно, прежде всего, выделить разработку атрибутивного подхода к построению философской теории материи, при котором – в отличие от широко распространённого, субстратного, подхода – обосновывается самосогласованная система атрибутов: пространства, времени, движения, взаимодействия и т. п.

В закономерности формирования научной (в частности, физической) теории философом впервые подчёркивается фундаментальное значение синтеза эмпирического и умозрительного (теоретического) знания, тщательно исследуется природа умозрительного знания в его связи с творческим воображением.

Заслуживают быть отмеченными оценка Владимиром Павловичем эвристической функции философских принципов в процессе формирования новой фундаментальной теории и доказательство того, что она имеет селективный, а не просто дедуктивный характер. Кроме того, участие философских принципов в формировании новой фундаментальной теории является не только возможным, но и необходимым, так как без помощи философских принципов нельзя разрешить так называемый «селективный парадокс».

Владимиром Павловичем разработана концепция онтологического негеоцентризма как обобщение концепции множественности миров (традиционного естественнонаучного негеоцентризма). Он показал, что вследствие взаимосвязи всех атрибутов материи модификация хотя бы одного из них ведет к модификации и остальных. Соответственно, классическая концепция множественности миров, связанная с модификацией только модусов материи, обобщается им до принципиально новой идеи об отказе от геоцентризма при познании не только модусов, но и атрибутов. При этом модификация атрибутов (в отличие от мистического или даже чисто логического негеоцентризма) не выводит нас за пределы объективного характера исследуемых миров, оставляя неизменными основы материалистического мировоззрения.

Далее, в качестве философа физической науки, Владимир Павлович детально продемонстрировал эвристическую роль онтологического негеоцентризма в исследовании проблемы синтеза релятивистских и квантовых принципов в современной физике. Взаимосвязь пространства, времени и движения показывает, что переход от макроскопического движения (по какой-

то возможной траектории) к микроскопическому движению (не имеющему траектории) требует аналогичного перехода от макропространства-времени к микропространству-времени. А это означает квантование пространственно-временного континуума Минковского. Учёт данного обстоятельства показывает «двойкость» смысла проблемы синтеза релятивистских и квантовых принципов: а) синтез принципов специальной теории относительности и нерелятивистской квантовой механики; б) синтез принципов общей теории относительности и квантовой теории поля. Традиционно считается, что первая проблема решена в квантовой теории поля, а вторая – нет. С точки же зрения онтологического негеоцентризма, первая проблема не решена. Её решение требует принципиально нового подхода, а именно – построения квантовой теории относительности вместо квантовой теории поля. В этой теории специальный принцип относительности обобщается до квантового принципа относительности, основанного на использовании принципиально нового понятия «квантовая система отсчёта».

Около двадцати последних лет своей творческой деятельности Владимир Павлович посвятил разработке новой, совершенно оригинальной концепции синергетического историзма. Вполне естественным был переход от рассмотрения одной из ключевых областей современной физики – синергетики (ей и в его учебных курсах всегда уделялось значительное внимание) к исследованию проблем социальной синергетики.

Как известно, уже основатель неравновесной термодинамики открытых систем, уроженец России, химико-физик, Лауреат Нобелевской премии (1977 г.) Илья Романович Пригожин (1917–2003) выступал с программой обобщения теории самоорганизующихся систем и построения теории социальных самоорганизующихся систем для анализа проблем социальной эволюции и будущего человечества. В 1996 г. Пригожин был избран почётным доктором Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) университета. В университете тогда уже велась работа по такой программе в области культурологии. Этим занимался выдающийся отечественный философ, профессор философского факультета М. С. Каган (1921–2006), к которому присоединился и декан факультета, тоже крупный отечественный философ Ю. Н. Солонин (1941–2014).

Усилиями Владимира Павловича вместе с названными и другими коллегами было начато формирование синергетической философии истории (СФИ). Особо следует отметить Международный симпозиум «Синергетика и общество» (г. Пушкин, 22–24 января 1999 г.). Тогда же по инициативе Ю. Н. Солонины был организован семинар «Социальная философия и синергетический подход» (руководитель – проф. В. П. Бранский), который привлёк широкий круг специалистов со всей России. За пять лет его существования было обсуждено 28 докладов, в которых освещались различные вопросы, связанные с СФИ. Была опубликована серия научных трудов под редакцией Владимира Павловича и его ближайших коллег. В результате предмет социальной синергетики был уточнён. Отдельные исследования по проблемам феноменологии, эссенциологии, эсхатологии самоорганизации были

сведены в единую логически последовательную систему; прояснены вопросы о том, **как** происходит социальная самоорганизация, **почему** она имеет место и **куда** движется; в целом сформировался научный аппарат социальной синергетики.

Концепция синергетической философии истории прошла серьёзную апробацию. Она обсуждалась на многих Российских философских конгрессах: I-ом (Санкт-Петербург, 1997), II-ом (Екатеринбург, 1999), IV-ом (Москва, 2005), VI-ом (Нижний Новгород, 2012) и VII-ом (Уфа, 2015); на международных конференциях, симпозиумах и семинарах.

В 2003 г. при Санкт-Петербургском государственном университете был создан специализированный научный и учебный центр по изучению проблем синергетического историзма. У истоков Санкт-Петербургской научной школы социальной синергетики стояли профессора В. П. Бранский, М. С. Каган и Ю. Н. Солонин. С 2005 г. работа семинара «Философские проблемы синергетики» стала составной частью ежегодной конференции «Дни философии в Петербурге».

По инициативе директора Института философии СПбГУ (в который был преобразован философский факультет), проф. С. И. Дудника в рамках Международного форума «Дни философии в Санкт-Петербурге – 2015» состоялось заседание Круглого стола, посвящённое 85-летию В. П. Бранского. Тема заседания – «Глобальное будущее человечества, трансгуманизм и синергетическая философия истории». По его материалам была подготовлена публикация, в которой подробно представлено выступление Владимира Павловича.

В настоящее время, благодаря Владимиру Павловичу и членам созданной им школы, синергетическая философия истории, возникшая как переброшенный ими естественный «мост» между философией естествознания и философией обществознания, вполне сложилась как особая область современного философского знания. Определены и изучаются важнейшие новые направления синергетической философии истории – синергетическая философия искусства, синергетическая философия религии и синергетическая философия человека (введение в синергетическую философию потребительского общества).

Следует отметить эвристическую роль синергетического историзма в построении основ синергетической теории такого важнейшего явления современности, как глобализация. Глобализация является особым типом самоорганизации. В синергетической модели глобального прогресса показана творческая роль социального хаоса в формировании новых форм социального порядка. Исследованы общие закономерности социального отбора как движущей силы социального развития и основные факторы этого отбора (тезаурус, детектор и селектор). Введены понятия суперотбора и суператтрактора, раскрывающие смысл исторического развития в долгосрочной перспективе.

Только что опубликована книга «Проблема “смысла жизни”: общефилософское и общенаучное значение», в которой показано, как связана проблема смысла жизни отдельного человека с проблемой «смысла истории».

На протяжении всей своей жизни Владимир Павлович проявлял этот самый «синергетический подход», при котором исследования, оформление полученных результатов, их опубликование, включение их в учебные материалы, собственно преподавание соединялись в единое целое. Ему нужно было самому прочувствовать, как добытая им и его коллегами научная истина воспринимается новыми поколениями учащихся – студентов и аспирантов. Пространственные «затруднения» (дорога в Петергофский комплекс) никогда Владимира Павловича не останавливали, даже и в почтенном возрасте. Занятия он вёл и в этом учебном году.

И он чутко откликался на даты в истории науки. В 2005 г. – в год столетия специальной теории относительности – он опубликовал книгу «Значение релятивистского метода Эйнштейна в формировании общей теории элементарных частиц». Так что, когда декан философского факультета Ю. Н. Солонин, удовлетворяя просьбу Консульства Израиля и Ассоциации «Мосты культуры», организовал презентацию книги (израильской), коллектив факультета был вполне подготовлен, и всё прошло достойно.

А иллюстрации в книге Владимира Павловича «Искусство и философия» (более 270, и все – «к месту») – ещё одно проявление его многосторонней, «синергетической натуры»: он был филокартистом, и в его коллекции было около 15 тысяч открыток с шедеврами живописи. Так что синергетическая философия истории живописи представлена в этой книге весьма наглядно. Можно напомнить, что в 2002 г. за эту книгу В. П. Бранский получил университетскую премию.

Многому еще можно научиться у этого незаурядного человека: остались его опубликованные (более 200) и неопубликованные работы, аудиозаписи лекций. В памяти учеников и коллег остался его творческий заряд, обязывающий и помогающий продолжать его дело.

Прощайте, наш дорогой друг и коллега, Мастер, Учитель...

Бусов С. В., Зобова М. Р., Елькина Е. Е., Караваев Э. Ф.,
Микайлова И. Г., Пожарский С. Д., Шиповалова Л. В.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

О мероприятиях, посвященных памяти Почетного профессора Санкт-Петербургского государственного университета, доктора философских наук Владимира Павловича Бранского

Десятого декабря 2017 года ушел из жизни известный петербургский философ, замечательный человек и глубокий мыслитель Владимир Павлович Бранский. Наш журнал вместе с другими научными и учебными организациями, вместе с коллегами, знавшими Владимира Павловича много лет, примет участие в мероприятиях, посвященных его памяти и обсуждению его научного наследия. Сообщаем информацию о двух таких мероприятиях.

Круглый стол в Доме ученых имени М. Горького РАН

Секция кибернетики Дома ученых имени М. Горького РАН, Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета и Санкт-Петербургское отделение Научного совета РАН по методологии искусственного интеллекта приглашают на круглый стол, посвященный научному творчеству доктора философских наук, Почетного профессора Санкт-Петербургского государственного университета Владимира Павловича Бранского **в понедельник, 5 февраля 2018 г., в 16:00 в Доме ученых имени М. Горького РАН по адресу: Дворцовая набережная, д. 28.**

Публикация статей о научном творчестве В. П. Бранского

Наш журнал «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» предполагает **подготовить специальный выпуск**, посвященный личности и научному творчеству В. П. Бранского (ориентировочно № 1 за 2018 год). Будут использованы, в частности, и материалы круглого стола в Доме ученых РАН 5 февраля 2018 г. Приглашаем всех поделиться воспоминаниями о замечательном ученом, подготовить статьи о его философских трудах и о тех направлениях философских исследований, в которые он внес свой вклад.

По всем вопросам, связанным с публикацией статей в специальном выпуске, можно обращаться к главному редактору Орлову Сергею Владимировичу по электронному адресу: orlov5508@rambler.ru.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Требования к оформлению статей

Журнал оформляется в соответствии с требованиями ВАК к ведущим научным изданиям и с требованиями крупнейшей зарубежной базы данных SCOPUS. Аналитическая база данных SCOPUS позволяет наладить обмен информацией между ведущими научными журналами мира, вычислять индекс цитирования учёных. Более подробная информация о её требованиях приводится ниже.

1) Редакция рецензируемого научного сетевого журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» принимает материалы объёмом, как правило, до 80 000 знаков (2 а. л.). Материалы, размещённые в электронном журнале, считаются опубликованными и являются объектами авторского права. При повторном опубликовании материалов в других изданиях ссылка на журнал «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» обязательна. Все материалы, представленные для публикации в Журнале, подлежат рецензированию. Рецензирование может осуществляться в двух формах: внешнее (сопроводительная рецензия-рекомендация к материалу, представленному для публикации в Журнале) и внутреннее (организуется Редакционной коллегией Журнала). Внешнее рецензирование является обязательным для материалов, представленных аспирантами или соискателями учёной степени кандидата наук; к таким материалам должен прилагаться отсканированный отзыв-рекомендация научного руководителя, заверенный подписью и печатью организации. Статьи аспирантов принимаются, как правило, в соавторстве с научным руководителем, в таком случае внешняя рецензия не требуется. Внутреннее рецензирование осуществляется в течение двух недель с момента получения статьи. Подписанный рецензентом и заверенный печатью оригинал рецензии хранится в редакции три года; автору рецензируемых материалов по его запросу предоставляется возможность ознакомиться с текстом рецензии.

Плата за публикации с авторов не взимается. Авторское вознаграждение не выплачивается. Точка зрения членов редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов статей.

2) Основной текст:

- формат листа – А4, ориентация – книжная
- формат файла – doc или rtf
- шрифт – Times New Roman
- масштаб – 100%
- интервал – обычный
- смещение – нет

- отступы от полей – 0 см
- междустрочные интервалы перед и после абзаца – 0 пт
- междустрочный интервал – одинарный
- размер шрифта – 14 пт
- поля – по 2,0 см со всех сторон
- абзацный отступ – 1,0 см

3) Перед статьёй указываются:

Сначала слева пишется индекс УДК. Ниже приводится заголовок (размер шрифта 16, полужирный, выравнивание по центру). Точка в конце заголовка не ставится. Ниже слева – ФИО авторов полностью. Далее для каждого автора: полное название организации, место работы в именительном падеже, должность, учёная степень, звание. Ниже справа указываются электронная почта, ниже – служебный почтовый адрес (с указанием страны и города) и телефон для контактов с авторами статьи (можно один на всех). Далее приводятся авторское резюме (обычно 100–250 слов – подробнее см. пункт 7) и ключевые слова, разделяющиеся точкой с запятой. Вся эта информация, кроме УДК, приводится сначала на русском, потом – на английском языках.

4) Примечания оформляются в виде постраничных сносок 10 шрифтом.

5) Список литературы в конце статьи оформляется в двух вариантах: русском и английском. Русский вариант должен быть выполнен в алфавитном порядке в соответствии с ГОСТ 7.1 – 2003. Английский вариант должен быть выполнен в соответствии с иностранным стандартом, принимаемым аналитической базой данных SCOPUS.

При оформлении списка литературы следует обратить внимание на некоторые особенности. Необходимо указывать всех авторов издания, не ограничиваясь тремя или четырьмя, для того, чтобы они все учитывались в аналитической системе. Запятая между фамилией автора и инициалами не ставится. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «.» и «,». Знаки «:», «–», «/», «//» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференции и т. п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если таковой существует (например, роман Н. Г. Чернышевского в английском переводе называется «What Is to Be Done?», а не «What to Do?»). Использование сокращений нежелательно (например, правильное написать не «J Clin Endocrinol», а «Journal of Clinical Endocrinology & Metabolism»). Пожалуйста, сверяйтесь с официальными сайтами конференций, РИНЦ, англоязычной Википедией и другими источниками, которые могут содержать англоязычные названия.

Помните, что в любом случае, даже если у Вас возникает вопрос по оформлению документа, например, потому что он не подходит ни под один из рассмотренных ниже вариантов, главное, что должно быть понятно

иностранному читателю, не знакомому с русским языком, – это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Правила транслитерации для оформления списка литературы:

а	б	в	г	д	е	ё	ж	з	и	й	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	э	ю	я
a	b	v	g	d	e	e	zh	z	i	y	k	l	m	n	o	p	r	s	t	u	f	kh	ts	ch	sh	sch		y		e	yu	ya

Для помощи в транслитерации можно воспользоваться сайтом www.translit.net, в окошечке в верхнем правом углу ввести число 45848 и нажать кнопку «Загрузить настройки» (при переходе по гиперссылке с сайта нашего журнала или с pdf-версии номера эти настройки загружаются автоматически), ввести в основное окно текст на русском языке, нажать на кнопку «В транслит» и получить необходимый текст.

Русские имена можно транслитерировать либо по приведённым правилам (например, «Ivanov», «Orlov»), либо по другим, если их иное написание является более распространённым и встречается в англоязычных источниках или документах автора (например, «Sergei» вместо «Sergey», «Ignatyev» вместо «Ignatev»). Иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agatstsi», «Marx», а не «Marks»).

Обратите внимание, что по правилам русского языка в заголовках только первое слово пишется с заглавной буквы, а по правилам английского языка с заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме артиклей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частиц).

При составлении списка литературы желательно не пользоваться автоматической нумерацией, а проставлять цифры вручную.

Шаблон для описания книги в русском варианте:

Имена авторов (если присутствуют в описании). Название книги. – Город: Издательство, год. – количество страниц.

Примеры:

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 1999. – 956 с.

Орлов В. В., Васильева Т. С. Философия экономики. – Пермь: Издательство Пермского университета, 2005. – 264 с.

Соединение достижений НТР с преимуществами социализма. – М.: Мысль, 1977. – 190 с.

Шаблон для описания книги в английском варианте:

Имена авторов (если присутствуют в описании). Название книги на английском языке [*Транслитерированное название книги курсивом*]. Город, Издательство, год, страницы.

Примеры:

Bell D. The Coming of Post-industrial Society: A Venture of Social Forecasting [*Gryaduschee postindustrialnoe obshchestvo. Opyt sotsialnogo prognozirovaniya*]. Moscow, Academia, 1999, 956 p.

Connection of Achievements of a Scientific and Technological Revolution with the Advantages of Socialism [*Soedinenie dostizheniy NTR s preimuschestvami sotsializma*]. Moscow, Mysl, 1977, 190 p.

Orlov V. V., Vasileva T. S. Philosophy of Economics [*Filosofiya ekonomiki*]. Perm, Izdatelstvo Permskogo universiteta, 2005, 264 p.

Шаблон для описания главы из книги или книги из собрания сочинений в английском варианте:

Имена авторов. Название книги или главы на английском языке [Транслитерированное название книги]. *Транслитерированное название собрания сочинений или книги курсивом* (Название собрания сочинений или книги). Город, Издательство, год, страницы.

Примеры:

Leybnits G. V. Monadology [*Monadologiya*]. *Sochineniya, Tom 1* (Works, Vol. 1). Moscow, Mysl, 1982, 636 p.

Marx K. A Contribution to the Critique of Political Economy [*K kritike politicheskoy ekonomii*]. *Sochineniya, T. 13* (Works, Vol. 13). Moscow, Izdatelstvo politicheskoy literatury, 1960, pp. 1–784.

Pavlov I. P. Physiology and pathology of Higher Nervous Activity. Twenty-Year Experience of Objective Studying of Higher Nervous Activity of Animals [*Fiziologiya i patologiya vysshey nervnoy deyatel'nosti. Dvadsatiletniy opyt obektivnogo izucheniya vysshey nervnoy deyatel'nosti (povedeniya) zhivotnykh*]. *Polnoe sobranie sochineniy, T. III. Kn. 2* (Complete Works, vol. III, book 2). Moscow – Leningrad, Izdatelstvo AN SSSR, 1951, pp. 383–408.

Ukhtomskiy A. A. Principle of a Dominant [*Printsip dominanty*]. *Sobranie sochineniy, T. 1* (Collected Works, vol. 1). Leningrad, Izdatelstvo LGU, 1950, pp. 197–201.

Шаблон для описания статьи из журнала в русском варианте:

Имена авторов. Название статьи // Название журнала. – год. – номер. – страницы статьи.

Пример:

Агацци Э. Идея общества, основанного на знаниях // Вопросы философии. – 2012. – № 10. – С. 3–19.

Шаблон для описания статьи из журнала в английском варианте:

Имена авторов. Название статьи на английском языке [Транслитерированное название статьи]. *Транслитерированное название журнала курсивом* (Название журнала на английском языке), год, номер, страницы.

Пример:

Agazzi E. The Idea of a Knowledge-Based Society [*Ideya obschestva, osnovannogo na znaniyakh*]. *Voprosy filosofii* (Questions of Philosophy), 2012, № 10, pp. 3–19.

Шаблон для описания материалов конференции в русском варианте:

Имена авторов. Название выступления // Название конференции. – Город. – год. – страницы.

Примеры:

Пигров К. С. Материализм в современной российской философии как нравственная проблема // Проблемы материализма в социальной философии: Сборник статей, посвященный 70-летию профессора СПбГУ П. Н. Хмылева / отв. ред. В. М. Лукин. – СПб. – 2008. – С. 109–116.

Игнатъев М. Б., Пинигин Г. И. Астрономия с лунной базы // Международная научная конференция «Применение ПЗС-методов для исследования солнечной системы». – Николаев. – 2003. – С. 98–106.

Шаблон для описания материалов конференции в английском варианте:

Имена авторов. Название выступления на английском языке [Транслитерированное название выступления]. *Транслитерированное название конференции курсивом* (Название конференции на английском языке). Город, Издательство, год, страницы.

Примеры:

Pigrov K. S. Materialism as a Moral Issue in Modern Russian Philosophy [Materializm v sovremennoy rossiyskoy filosofii kak нравstvennaya problema]. *Problemy materializma v sotsialnoy filosofii: Sbornik statey, posvyaschennyy 70-letiyu professora SPbGU P. N. Khmyleva* (Problems of Materialism in Social Philosophy: Collected Articles Dedicated to 70th Anniversary of professor SPSU P. N. Khmylev). Saint Petersburg, 2008, pp. 109–116.

Ignatyev M. B., Pinigin G. I. Astronomy from the Moonbase [Astronomiya s lunnoy bazy]. *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Primenenie PZS-metodov dlya issledovaniya solnechnoy sistemy»* (Proceedings of International Scientific Conference “Application of CCD-Methods for the Solar System Exploration”). Nikolaev, 2003, pp. 98–106.

Шаблон для описания Интернет-ресурса в русском варианте:

Название страницы // Название сайта – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: адрес сайта (дата обращения).

Пример:

«Война» в шорт-листе «Инновации»: Минкульт хочет дать премию, МВД гноит в тюрьме // Сайт «Свободная Война» в поддержку арестованных Олега Воротникова и Лёни Николаева – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://free-voina.org/post/3289581310> (дата обращения 10.07.2013).

Шаблон для описания Интернет-ресурса в английском варианте:

Название статьи на английском языке [Транслитерированное название статьи курсивом]. Available at: адрес сайта (accessed дата последнего посещения сайта).

Пример:

Voina in the Short-list “Innovations”: Ministry of Culture Wants to Give an Award, Ministry of Internal Affairs Leaves to Rot in Prison [*Voyna v short-liste «Innovatsii»: Minkult khochet dat premiyu, MVD gnoit v tyurme*]. Available at: <http://free-voina.org/post/3289581310> (accessed 10 July 2013).

Если статья имеет идентификатор DOI, то он пишется в самом конце.

Пример:

Bard P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*, 1934, Vol. 41, p. 309. DOI: 10.1037/h0070765.

Для англоязычных источников данные пишутся только на английском языке без всяких скобок.

Пример:

Head H., Holmes G. Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*, 1911–1912, vol. 34, p. 102.

Для источников на других языках данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz F. The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum [Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns]. *Archiv für die gesamte Physiologie* (Archives of All Physiology). 1892, Bd. 51, № 11–12, pp. 570–614.

Для статей, имеющих в списке литературы только англоязычные источники, делать русскоязычный список литературы не имеет смысла. То есть вне зависимости от того, на каком языке статья сделана, если все источники являются иностранными, то список литературы делается один в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы. Если же присутствуют русскоязычные источники, то статья на русском языке должна иметь 2 списка литературы, а статья на английском – один.

6) Ссылки в тексте на цитируемые работы (порядковый номер в списке литературы и при необходимости номер страницы) размещаются в квадратных скобках: [1], [2, с. 51] (для статьи на английском [2, p. 51]).

7) Требования к авторскому резюме (abstract) достаточно сильно отличаются от правил и традиций составления авторских резюме для российских изданий. Поскольку авторские резюме на английском языке в русскоязычном издании являются для иностранных учёных основным или даже единственным источником информации о содержании статьи, то их объём недопустимо сводить к 3–5 строкам. По аннотации зарубежные специалисты оценивают публикацию, определяют свой интерес к ней, могут сделать на неё ссылку, запросить перевод полного текста и т. п. Аннотация на английском

языке не должна просто полностью повторять текст аннотации на русском, так как за русскоязычной следует полный текст на этом же языке. Аннотацию на английском следует делать подробнее и больше по объему, она должна способствовать раскрытию содержания и сути исследования

Авторские резюме должны быть:

- информативными (не содержать общих слов);
- оригинальными (не повторять дословно русскоязычную аннотацию);
- содержательными (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированными (следовать логике описания результатов в статье);
- написанными качественным английским языком;
- имеющими объём примерно от 100 до 250 слов (возможно до 500 слов).

Наиболее распространённый способ составления аннотаций – краткое повторение в них структуры статьи, включающей введение, цели и задачи, методы, результаты, заключение.

Авторское резюме в наиболее полном варианте включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

Последовательность описания содержания статьи можно изменить, начав с изложения результатов работы и выводов.

Следует обратить внимание на то, что структура и тематические рубрики авторского резюме не заданы жестко и однозначно, они могут меняться в зависимости от содержания статьи. Так, предмет, тема, цель работы указываются только тогда, когда они не ясны из заглавия статьи. Метод и методологию проведения работы целесообразно описывать в том случае, если они отличаются новизной или представляют специальный интерес с точки зрения содержания данной статьи.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не повторяются в тексте реферата. Следует избегать лишних вводных фраз (например: «автор статьи рассматривает...»). Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в резюме не приводятся.

В тексте резюме следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: “The study tested”, а не “It was tested in the study”.

В тексте реферата на английском языке следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов. Рекомендуется избегать

употребления терминов, являющихся прямой «калькой» с русскоязычных терминов. Необходимо соблюдать единство терминологии в пределах резюме, применять значимые слова из текста статьи.

Рекомендации по составлению авторского резюме подготовлены на основе методической разработки кандидата технических наук О. В. Кирилловой, заведующей отделением ВИНТИ РАН, члена Экспертного совета (CSAB) базы данных SCOPUS «Подготовка российских журналов для зарубежной аналитической базы данных SCOPUS: рекомендации и комментарии». <http://www.elsevierscience.ru/files/add-journal-to-scopus-2013.pdf>.

Пример оформления авторского резюме и списка ключевых слов

Философия информационного общества: новые идеи и проблемы

Авторское резюме

Состояние вопроса: В теории постиндустриального (информационного) общества широко распространена трактовка его как формирующегося общества знаний, в котором физический труд вытесняется умственным. Главным видом труда становится обработка информации, которая считается нематериальным ресурсом.

Результаты: Труд в сфере информационных технологий – преимущественно не физический и не умственный, а материальный всеобщий труд (термин К. Маркса). Всеобщий труд направлен на создание абстрактных материальных структур и виртуальной реальности – особой формы материи, строящейся как бы на матрице духовных процессов и приобретающей наибольшее сходство с идеальными явлениями. Особые свойства этой формы материи – «квазиидеальность» и «квазисубъективность» – внешне напоминают главные свойства духовных явлений – идеальность и субъективность.

Область применения результатов: Предложен подход к концепции информационного общества, требующий ее построения с учетом переосмысления фундаментальных понятий материального и духовного, проведенного на основе анализа виртуальной реальности и трудовой деятельности в сфере информационных технологий.

Выводы: Формирование информационного общества связано не с вытеснением духовным (знаниями) материального (физического труда), а с созданием человеком нового класса искусственных материальных явлений (виртуальной реальности), взаимодействующих с идеальным, духовным, тоньше и сложнее, чем взаимодействовали с ним все ранее возникшие формы материи.

Ключевые слова: информационное общество; всеобщий труд; материальное и идеальное; абстрактные материальные структуры; квазиидеальность и квазисубъективность.

The Philosophy of the Information Society: New Ideas and Problems

Abstract

Background: The information society is often thought to be a forming society of knowledge, in which manual labor is being replaced by intellectual labor. The treatment of information, which is supposed to be a non-material resource, becomes the main type of a labor-process.

Results: Labor in information technologies is mainly material universal labor (the term of K. Marx), but not manual or intellectual labor in the traditional sense. Universal labor is directed towards creation of so-called abstract material structures and virtual reality – a new special form of matter put on the matrix of spiritual processes which acquires a close resemblance with the ideal processes. Special qualities of this form of matter may be called “quasi-ideality” and “quasi-subjectivity”. They resemble outwardly the main qualities of spiritual events – ideality and subjectivity.

Research implications: The present study provides an approach to the theory of the information society which is based on re-interpretation of the conceptions of material and ideal carried out with the help of analysis of virtual reality and a labor-process in the sphere of information technologies.

Conclusion: The forming of the information society doesn't mean only supplanting of material factors (manual labor) by ideal (knowledge). It is expressed in creating by man of a new type of artificial material objects (virtual reality), which communicates with spiritual, ideal reality in more delicate and complicated way than any other forms of matter could.

Keywords: information society; universal labor; material and ideal; abstract material structures; quasi-ideality and quasi-subjectivity.

8) Все формулы и обозначения из формул в тексте должны быть набраны в редакторе Microsoft Equation.

9) Все схемы, рисунки и т. п. должны быть вставлены в текст как отдельный файл, делать рисунки средствами Microsoft Word недопустимо. Желательно эти рисунки также прикреплять к письму отдельными файлами.

10) Необходимо обращать внимание на различие между дефисом (ставится внутри слов, всегда без пробелов, например, «сине-зелёный»; выглядит коротко) и тире (ставится между словами, обозначениями и т. п., например, «с. 45–48»; выглядит длинно). Тире между цифрами ставится без пробелов, в любом другом случае перед и после тире должны стоять пробелы (например, «1950–1960 годы», «движение – жизнь»). Также необходимо обращать внимание, что между инициалами, в сокращениях и в других случаях, когда несколько слов или символов неразрывно связаны друг с другом, между ними ставится неразрывный пробел, который сохраняет соседние слова на одной

строчке и не делает большое расстояние между ними при выравнивании по ширине (ctrl+shift+пробел; например, «и т. п.», «№ 8», «Ph. D.» «А. А. Иванов»).

11) Статьи принимаются на русском или английском языках. Возможна публикация статьи на двух языках.

12) Все материалы принимаются в электронном виде по электронной почте fikio@rambler.ru. В письме необходимо указать, для какого раздела журнала предназначена статья (философия, культурология, социология, психология, педагогика, политология, история, филология).

13) Периодичность выпуска журнала – 4 раза в год.

Рукописи, оформленные без учёта перечисленных выше требований, к публикации не принимаются.

Образец оформления статьи

УДК 111

Название статьи

Иванов Иван Петрович – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», кафедра философии и культурологи, доцент, кандидат философских наук, доцент.

E-mail: ivanovip@aanet.ru.

Иванов Пётр Иванович – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», кафедра философии и культурологи, аспирант.

E-mail: ivanovpi@aanet.ru.

196135, Россия, Санкт-Петербург, ул. Гагелло, д. 15,
телефон: +7 (812) 708-42-13.

Авторское резюме

Текст резюме 100–250 слов.

Ключевые слова: слово один; слово два (до 12 слов).

Title

Ivanov Ivan Petrovich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of Philosophy and Theory of Culture, associate professor, Ph. D. (philosophy).

E-mail: ivanovip@aanet.ru.

Ivanov Petr Ivanovich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of Philosophy and Theory of Culture, post-graduate student.

E-mail: ivanovpi@aanet.ru.
196135, Russia, Saint Petersburg, Gastello st., 15,
phone number: +7 (812) 708-42-13.

Abstract

Text of abstract (100–250 words).

Keywords: word number one; word number two (up to 12 words).

Текст статьи.....

Список литературы

1. ...
2. ...

References

1. ...
2. ...

Философия и гуманитарные науки в информационном обществе

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ЭЛ №ФС77-54191.

ISSN 2309-6888

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

www.fikio.ru

16+

Контакты редакции

Адрес: 196135, Санкт-Петербург, ул. Гастелло, д.15, ауд.14-09.

Телефон: 8 (812) 708-42-13

E-mail: fikio@rambler.ru

Учредитель – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения».

© «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе», 2017.